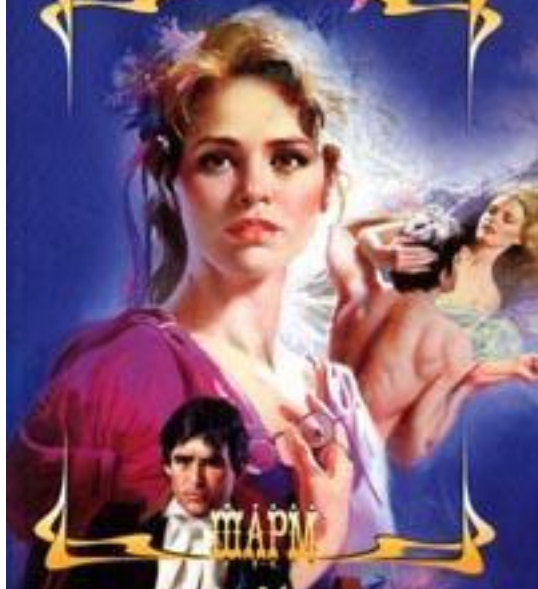

САМАНТА ДЖЕЙМС

Идеальный выбор

Саманта Джеймс
Идеальный выбор
Серия «Семья Стерлинг», книга 1

OCR: A_Ch

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138727

Идеальный выбор: АСТ; Москва; 2006

ISBN 5-17-036193-9

Аннотация

Подыскать невесту для маркиза Себастьяна Терстона оказалось делом не самым легким. Уж слишком недостижим его идеал! Где найти такую девушку, чтобы была и умна, и добра, и красива?

Но вот воистину подарок небес: возвращаясь с бала, Терстон находит на мостовой раненую девушку. Незнакомка похожа на ангела. Однако кто она? Воровка, проститутка?.. К счастью, ни то ни другое.

И все же между благородным маркизом и незаконнорожденной дочерью гувернантки – глубокая пропасть. Что поможет ее преодолеть?

Только любовь!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	80
Глава 7	92
Глава 8	103
Глава 9	119
Глава 10	140
Глава 11	157
Глава 12	168
Глава 13	186
Глава 14	202
Глава 15	217
Глава 16	227
Глава 17	239
Глава 18	253
Глава 19	265
Глава 20	276
Глава 21	284
Глава 22	290

Глава 23	301
Глава 24	314
Глава 25	324
Глава 26	342
Глава 27	354
Глава 28	372
Эпилог	379

Саманта Джеймс

Идеальный выбор

Пролог

Англия, 1794 год

Себастьян Ллойд Уильям Стирлинг лежал в постели с широко открытыми глазами, и в животе у него делалось невыносимо холодно, когда он смотрел на тени, пляшущие по стене. Он вообще не намеревался спать, но крепко сжимал веки и притворялся спящим, едва няня со скрипом приоткрывала дверь и бросала взгляд на него.

Собственно говоря, уснуть бывало нелегко, когда отец и мать начинали ссориться. В теплую погоду окно у Себастьяна держали открытым почти до конца сентября, а его спальня была расположена прямо над комнатами мамы. И даже ночью, в темноте, сюда доносились голоса родителей.

Разумеется, уже не в первый раз слышал он, как они ссорятся. В этом году дела обстояли особенно плохо не только в Лондоне, во время сезона, но и здесь, в Терстон-Холле. Ссоры случались часто и, как правило, в те дни, когда приезжали гости. Мать любила принимать гостей. Они с отцом пререкались из-за ее измен и из-за того, что она вела себя чересчур легкомысленно, просто недопустимо.

Об этом говорил, разумеется, отец, потому что Уильям Стирлинг, маркиз Терстон, отнюдь не склонен был закрывать глаза на то, что ему не нравилось. Более того, он склонен был наказывать каждый проступок, кто бы его ни совершил. С тех пор как Себастьян научился воспринимать окружающее, он не помнил, чтобы отец его за что-то похвалил — и не только его, но и вообще кого-нибудь.

Когда Себастьян забирался в свою постель нынче вечером, он понимал, что очередная ссора неизбежна. Он в напряжении ждал, когда она начнется. Родители устраивали прием, и последний из гостей уехал довольно давно. Но ссора эта оказалась худшей из всех. Себастьян зажимал уши пальцами, однако это не помогало. Отец бушевал в полном неистовстве, мать возмущалась, спорила, громко кричала. Себастьян не мог бы остановить их. Никто не мог бы. Когда они начинали ругаться, слуги ходили на цыпочках и старались держаться подальше от поля сражения.

В конце концов с грохотом захлопнулась дверь вниз.

В доме вдруг наступила мертвая тишина.

Себастьян знал, что теперь отец уединится у себя в кабинете с бутылкой джина, а наутро появится мрачный, с красными, опухшими глазами. Вряд ли можно ожидать чего-то хорошего от грядущего дня, мальчик отлично это понимал. Завтра у него урок верховой езды, отец неизменно наблюдал за этим. Себастьян привык к его резким и неодобрительным замечаниям, но завтра они, конечно же, будут особенно

злыми. Мальчик тяжело вздохнул. Надо попытаться увести младшего брата, Джастина, куда-нибудь подальше с отцовских глаз. Он, Себастьян, уже научился осторожности в обращении с отцом в таких случаях, но Джастин...

Маленький мальчик долго лежал в темноте совершенно неподвижно, очень, очень долго. Наконец он выбрался из постели и бесшумно пошел по комнате. В те ночи, когда родители воевали между собой, Себастьян непременно подходил взглянуть на брата и сестру. Он и сам не знал, почему так поступает. Может, потому, что был старшим и считал своим долгом присматривать за младшими отпрысками.

Он осторожно продвигался по холлу. Знал, что няня уже спит, – из-за двери ее комнаты доносился громкий храп. Как-то раз она сильно разбранила его, застав в полночь в библиотеке. Но Себастьян в отличие от многих других детей не боялся темноты, а ночь предоставляла ему редкую возможность побыть в полном одиночестве. Тогда его не изводили домашние учителя, не сверлила бдительным оком нянька, и никто из слуг не таскался за ним по пятам.

Себастьян прокрался мимо классной комнаты и вошел в спальню Джастина. Четырехлетний братишка крепко спал, сдвинув тоненькие брови и выпятив нижнюю губу. Может, ему снится что-нибудь страшное? Он отбросил со лба у Джастина темные волосы, так похожие на его собственные. Добронулся кончиком пальца до выпяченной нижней губы, и Джастин подобрал ее, но лишь на секунду.

В следующей по коридору комнате спала в своей кровати трехлетняя Джулианна – спала на боку, подтянув колени к подбородку и прижимая к себе любимую куклу. Шелковистые каштановые кудри рассыпались по подушке. Себастьян подоткнул обшитое кружевами одеяльце. Его маленькая сестричка – настоящий ангелочек.

За окном сияла полная луна, высоко поднявшаяся по своему извечному пути. Она казалась невероятно светлой, невероятно большой. Сотни звезд мерцали вокруг нее в темном небе, и так они были близки, что протяни только руку – и дотянешься до любой.

Он даже не заметил, как вышел из дома, и опомнился, только уже стоя во дворе. Прошел по дорожке и остановился под широко распростертыми ветвями высокого вяза. Себастьян стоял, все еще замороженный волшебством звездного неба, когда шорох опавших листьев на дорожке под чьи-то шагами привлек его внимание.

Он растерянно заморгал:

– Мама?

Мать не заметила его в тени дерева.

Мальчик вышел на освещенное место. Мать, как всегда, была очень красиво одета: в широкой клетчатой ретонде, в руке дорожная сумка подходящего тона, на черные как смоль волнистые волосы с легкой небрежностью надета шляпа с перьями.

Себастьян, глядя на нее, подумал, что если Джулианна на-

поминает ему ангела, то и мать его – самое прекрасное создание на свете. И это создание вдруг замерло на месте в полном изумлении.

– Себастьян?! Что ты здесь делаешь?

Себастьян подошел к ней и остановился, покачивая головой. Ему было всего десять лет, но он уже в этом возрасте был хоть и немного, но выше своей миниатюрной матери.

– Я не мог уснуть, мама.

Мать промолчала, но вид у нее был то ли раздосадованный, то ли озабоченный.

Позади нее мальчик заметил теперь карету у ближайшего поворота дороги. Сощуриив глаза, он переводил взгляд с кареты на дорожную сумку в руке матери и обратно.

– Ты куда-то уезжаешь, мама?

– Да, – со вздохом проговорила она. – Да, милый, я уезжаю.

– Куда, мама?

Лицо у матери просветлело.

– О-ля-ля! Я и сама не знаю! Быть может, в Париж, – весело произнесла она. – Или в Венецию. Да, конечно, в Венецию. В это время года там прекрасно. И я бог знает сколько времени не была нигде на континенте.

Сердце у Себастьяна сжалось от какого-то странного и неприятного предчувствия. Но ведь и в самом деле странно, если твоя мать уезжает куда-то среди ночи.

– Венеция очень далеко отсюда, мама. Тебе не нравится

здесь, в Терстон-Холле?

Ему самому трудно было представить, что кому-то может не нравиться Терстон-Холл с его прекрасным большим домом, замечательным парком, красивыми округлыми холмами, окружающими его со всех сторон. Он любил дом своих предков. Целых семь поколений Стерлингов родилось здесь. Себастьян, если не был занят уроками, больше всего на свете обожал скакать на своем пони вверх и вниз по холмам.

Когда-нибудь, говорили ему старшие, он станет хозяином и Терстон-Холла, и других семейных владений, и Себастьян этим гордился. Он должен со всей серьезностью относиться к своему образованию: титул маркиза и все, с ним связанное, не пустой звук, титул налагает на человека большую ответственность...

Себастьян стоял и ждал ответа матери. Она обернулась через плечо и посмотрела на ожидающую ее карету. Дверца была распахнута, и не составляло особого труда разглядеть сидящего в экипаже мужчину.

Мать снова повернулась к сыну:

– Видишь ли, это непросто объяснить. Словом, я больше не могу оставаться с твоим отцом. Я думала, что стану хорошей женой и матерью, но это не мой путь. Твой отец очень строг, и... ты еще ребенок, но думаю, ты уже разобрался в его характере. Я нуждаюсь в большем, малыш. Я люблю жизнь и ее радости. И если я останусь, он отнимет у меня все это.

Себастьян знал, что больше всего на свете мама любит, чтобы за ней ухаживали. Ей нравится быть центром всеобщего внимания. Знал он и то, что у мамы есть любовники. Не так давно в Терстон приезжали гости из Лондона, и один из мужчин просто не сводил с мамы глаз, никого не стесняясь. Себастьян знал, что мужчинам нравится на нее смотреть. Но этому мужчине она отвечала взглядами, а через некоторое время оба они ушли на террасу.

Они не заметили, что Себастьян последовал за ними.

И увидел, как они целовались. Раз... другой... третий...

С отцом она никогда так не целовалась.

Мать не узнала, что Себастьян все видел. Он ей ничего не сказал, вообще никому не сказал и отцу, разумеется, тоже, так как понимал, что это вызвало бы очередной шумный скандал. Именно после этого случая он понял, что значит слово «неверность». И что такое любовники.

Это стало его тайной, запрятанной глубоко в сердце.

Сейчас он почувствовал, что сегодняшняя ночь станет такой же глубокой тайной, хранимой им.

– Дафна!

Это мужчина в карете окликнул мать... быть может, тот самый, кто так страстно целовал ее на террасе? Себастьян не был в этом уверен.

Она обернулась и махнула мужчине рукой, потом снова повернулась к Себастьяну, который крепко сжал губы.

– Я должна ехать, – сказала мать. – Подойди, обними ме-

ня.

Себастьян остался стоять, где стоял. Мокрая от росы трава холодила босые ноги, подол длинной ночной рубашки намок.

– Папа будет недоволен, – произнес он.

– Твой отец вечно всем недоволен. Возвращайся в дом и ложись в постель поскорее. И прошу, присматривай за братом и сестренкой, заботься о них... ради меня, ладно? – Она вдруг засмеялась, но тотчас оборвала смех и добавила: – Оля-ля, зачем я спрашиваю? Ведь я уверена, что ты будешь это делать. Ты очень славный мальчуган.

Она улыбнулась и ущипнула сына за щеку, потом, словно бы спохватившись, поцеловала в макушку. И бегом побежала к карете.

Минутой позже мужчина помог ей сесть в карету, сел и сам, захлопнул дверцу, и мгновение спустя и карета, и ее пассажиры стали казаться не более чем призраком в голубом лунном свете. Но Себастьян успел заметить, как мужчина наклонился, а мать подставила ему лицо для поцелуя.

Так он видел ее в последний раз.

Глава 1

Лондон, конец марта 1815 года

Девон Сент-Джеймс попала в ужасное положение.

Через два дня нужно вносить деньги за комнату в подвальном этаже, в которой она жила. Домохозяин, мистер Филлипс, в очередной раз поднял плату. Девон пришла в ярость, но одновременно ей было смешно: в этой каморке едва умещались табурет и узкая кровать, на которой они с матерью спали вдвоем вплоть до ее смерти. И самое скверное заключалось в том, что негодяй предупредил об этом только вчера!

– Чудовищный грабитель, – буркнула Девон себе под нос и со злостью затянула ленты капора. То же обращение ожидало завязки плаща, сильно поношенного, с неровным подолом и слишком большого для той миниатюрной фигурки, которую он облекал. Местами он спускался почти до самых половиц покрытого пятнами от эля, выщербленного деревянного пола. Однако плащ этот, как и прочие принадлежности одежды Девон, исправно нес свою службу – и на том спасибо!

Осторожно погладив ладонью округлившийся живот, Девон немного постояла у задней двери «Вороньего гнезда» – таверны неподалеку от Стрэнда, в которой она работала. Потом она захлопнула за собой дверь и вышла на улицу – в сырую, туманную ночь. Сегодня она уходила даже позже обычного, дождавшись, когда последний клиент, спотыкаясь, вы-

шел из пивного зала. Стараясь подбодрить себя, Девон подумала, что вот уж почти год она проделывает этот путь вполне благополучно.

Да, год. Господь милостивый, почти год! Кажется, целая жизнь прошла с тех пор! Когда скончалась мама, потеря терзала Девон, словно нож в сердце. С болью думала она о том, как трудно обходиться хотя бы без малой поддержки, но что-то в душе препятствовало тому, чтобы отказаться от работы в баре. Мама с горечью думала и говорила о том, что Девон приходится там служить, и дочь разделяла ее чувства. Нет, она ни за что не расстанется со своими надеждами и мечтами – как раз наоборот, она настроена более решительно и определенно, чем когда-либо.

В один прекрасный день она найдет возможность покинуть Сент-Джайлз. Любую возможность.

Эту клятву она дала себе давно и не намерена от нее отказываться. Но сейчас перед ней иная задача. Слова Филлипса, сказанные нынче утром, крепко застряли в голове у Девон. Хотя это ей дорого стоило, она проглотила свою гордость и стала его упрашивать. Умолять, чтобы он дал ей некоторую отсрочку для повышенной выплаты за комнату.

– Ни за что! – прорычал он. – Я твердо решил. Либо платите, мисси, либо я вышвырну вас на улицу.

Глядя на его красную от злости рожу, Девон поняла, что свою угрозу он выполнит. Она презирала его с самого первого дня их вынужденного знакомства, презирала этого мер-

завца за то, что он грубо обращался с ее матерью. Однако, сколько бы раз она ни посылала его мысленно ко всем чертям, в самое пекло, это не решило бы ее проблем. Их могли решить только деньги...

Продолжая свой путь по направлению к Сент-Мартинс-лейн, Девон мысленно пересчитывала драгоценные монеты, спрятанные в левом кармане ее платья, – свой заработок. Всего неделю назад она была уверена, что там более чем достаточно, чтобы уплатить за квартиру. Она даже воображала, что сможет купить себе новое платье и это поможет ей найти более приличную работу. Но теперь ей придется израсходовать все до последнего пенса, чтобы внести квартплату, но и того не хватит.

Холод пробрал ее – тот холод, который не имел никакого отношения к реальной ночной промозглости. Что, если Филипп уже осуществил свою угрозу?

Обогнув угол, Девон отчасти справилась со своей тревогой. Она огляделась по сторонам. Было тихо – насколько вообще может быть тихо в этой части Лондона. Непроглядная тьма окутала крыши домов. В дневные часы на узких улицах было тесно от запряженных лошаадьми телег и экипажей, крики торговцев висели в воздухе, каждый старался перекричать возможного конкурента и позвать к себе покупателя.

Плащ хлопал Девон по лодыжкам, когда она спешила поскорее миновать «Семь дубов». Поскользнулась разок на булыжниках мостовой, мокрых из-за недавно прошедшего до-

жды, но, слава Богу, удержалась на ногах. Оглянулась по сторонам – вокруг никого не было.

– Чтобы поправить дела, тебе бы следовало время от времени принимать кого-нибудь из клиентов в задней комнате, – сказала ей сегодня днем Бриджет. – Я, например, так и поступаю, когда есть нужда в паре шиллингов.

Легкость, с которой был дан этот совет, говорила сама за себя: именно так и относилась Бриджет к подобному способу раздобывать денежки. Девон понимала, что совет дан с добрыми намерениями, но следовать ему не собиралась, так как не имела ни малейшего желания зарабатывать на жизнь, лежа на спине.

Это было еще одно обещание, которое она дала себе.

Запахнув поплотнее плащ, Девон посмотрела в сторону следующего угла. Улицы Сент-Джайлза были грязными и опасными – совсем не место для леди.

Особенно в ночное время.

Она сама, конечно, не была такой леди, как ее мать. И хотя с тех пор как Девон ее помнила, мама зарабатывала шитьем, до рождения дочери она служила в гувернантках.

Общество, подумала Девон с внезапно охватившей ее острой горечью, не прощает незамужней женщине рождения внебрачного ребенка. Именно потому ее мать и жила в такой бедности.

Девон машинально сунула руку в карман платья. Теплые кончики пальцев коснулись холодного металла, нащупали

крест – и на Девон тотчас нахлынули воспоминания. Когда мама вздохнула в последний раз, Девон вынула ожерелье с крестом из ее кармана... и переложила в свой. Замочек был сломан, потому мама и носила ожерелье в кармане.

Замочек сломала Девон.

Дважды за свою жизнь она довела маму до слез. Один раз – когда сломала замочек, и воспоминание об этом всегда причиняло ей боль. Девон не знала, насколько ценно это ожерелье, да это было и не важно. Главное, что для мамы оно всегда оставалось самой большой ценностью, сокровищем для души.

А теперь это самая большая ценность для нее, Девон.

Она не расстанется с ожерельем никогда. Ни за какие деньги. Даже если будет голодать и спать на холоде под открытым небом, поливаемая дождем, – дай-то Бог, чтобы не дошло до этого! До тех пор пока ожерелье при ней, Девон будет как бы ощущать присутствие мамы.

Подобрав подол плаща, Девон обошла лужу. По обе стороны улицы убогие домишки жались один к другому, точно малые ребятишки, дрожащие от злого ветра. Какая-то оборванная женщина спала прямо на земле у входа в дом, скрючившись и прижав к груди костлявые коленки...

Вопреки всей своей решительности Девон вздрогнула от охватившего ее холодного ужаса. «Я не хочу быть такой, – подумала она в приступе отчаяния, – не хочу!»

Девон замедлила шаги. Ей вдруг вспомнился пансион на

Бакеридж-стрит, где они с матерью жили, когда Девон была еще девочкой. То было отвратительное, вонючее вместилище отбросов общества; и Девон, и ее мать ненавидели это место. Она хорошо помнила нужду и порою даже голод, какие они там терпели.

Но они никогда не были бездомными. У них всегда была крыша над головой, пусть даже дырявая, как решето.

Задыхаясь, Девон боролась с возрастающим отчаянием. В конце концов, есть же у нее разум, есть воля... и материнское ожерелье...

– Ба, кто это у нас тут? О, да это леди, из тех, кто по сердцу парням.

Громкий голос разорвал ночную тишину. Девон застыла на месте. Дорогу ей загородил какой-то мужчина. Слева из темноты выступил второй.

– Привет, милашка.

Тонкие волоски на затылке у Девон встали дыбом и кололи ей шею. Неизвестно почему ей пришло в голову, что этот вкрадчивый голос она запомнит на всю жизнь.

– Иди ко мне, милашка! Подойди к Гарри.

– Пошел ты! – рявкнул другой парень. – Я первый ее увидел.

– А сейчас она рядом со мной, а не с тобой, Фредди.

Гарри. Фредди. Девон почти не могла дышать. Когда она услышала эти имена, сердце у нее словно провалилось куда-то. Она слышала об этой парочке. Оба принадлежали к

одной из самых опасных бандитских шаек в Сент-Джайлзе.

– А что, если мы ее поделим между собой, а, Фредди?

Предложение исходило от Гарри, парня с мерзкой рожей, одетого в грязную твидовую куртку, а на голове у него торчал покосившийся цилиндр. Фредди осклабился, обнажив желтые гнилые зубы. Оба обладали отвратительной внешностью, и поступками того и другого руководила старая как мир страсть – жадность.

О да, именно эта страсть огнем горела в глазах у бандитов. Теперь уже Фредди загораживал ей дорогу – Он был ниже ростом, нежели его собрат по ремеслу уличного разбойника, и лишь немного выше Девон.

Она подняла голову. Дай Боже, чтобы они не заметили, как ей страшно. Всего несколько минут назад она радовалась тому, что вокруг никого нет. Но теперь...

– Чего вы от меня хотите? – резко спросила она.

Это зависит от того, что ты можешь нам предложить! – заржал Фредди. Он подступил ближе и ухватил Девон за подбородок. Улица была плохо освещена, чтобы не сказать больше, но в эту минуту луна, как назло, вынырнула из-за облака. Фредди запрокинул лицо Девон к небу. – Слушай, Гарри, да мы поймали хорошенькую пташку! – провозгласил он. – Ты только посмотри на эти глазки! Чистое золото, ей-право!

Девон мысленно проклинала свою забывчивость. Каждый раз, уходя уже в ночное время из «Вороньего гнезда», она тщательно обдумывала, как одеться и как вообще сделать

свою внешность непривлекательной. Поля у ее капора были широкие и скрывали черты лица, тулья была высокой, и Девон заталкивала в нее свои золотистые волосы, густые и достаточно длинные. В качестве особой меры предосторожности она пачкала лицо и шею сажей, чтобы казаться женщиной в возрасте. Но сегодня вечером она очень торопилась и забыла проделать эту процедуру.

Она высвободила подбородок из лапы бандита.

– У меня ничего нет, – заверила она, стараясь говорить как можно спокойнее. – Чего ради нападать на ни в чем не повинную женщину? – Господи, что за глупый вопрос! Им все равно, на кого нападать. – Неужели не видите, что я вот-вот рожу?

Она выпятила живот, плащ распахнулся, а бандит уставился именно на ее располневшее чрево. Но надежды Девон не оправдались, в чем она убедилась буквально через минуту.

– А, понятно, – подмигнул Фредди. – Приятно узнать, что ты любишь парней, детка, верно, Гарри?

– Само собой, Фредди, – согласился Гарри и отвесил Девон издевательски почтительный поклон.

Тонкие губы Фредди изогнулись в насмешливой ухмылке.

– А скажи-ка, что у тебя такое в кармане? – спросил он.

Девон побелела. Увы, она слишком поздно поняла, что сделала то единственное, чего не следовало делать ни под каким видом: опустила руку в карман платья. Она вспомнила о

ноже, спрятанном в ботинке, но бандиты уже совсем рядом, и она не успеет достать его.

В отчаянии Девон протянула к Фредди и Гарри пустые ладони.

– Ничего, – сказала она. – Отпустите же меня теперь!

– Давай-ка мы сами поглядим, ладно?

То была уловка, им хорошо знакомая. Ловкие пальцы Гарри извлекли из кармана Девон мешочек с деньгами, а Фредди с торжествующим гоготом вытащил из другого кармана ожерелье.

Что-то словно взорвалось у Девон внутри.

– Нет! – выкрикнула она.

Пусть они забирают деньги, пусть избыют ее до полусмерти, но ожерелья она им не отдаст. Разве что ценой собственной жизни. Не думая об опасности, вообще ни о чем не думая, Девон бросилась на Фредди. Гарри уже скрылся в глубине темного проулка, но Девон этого не заметила. Она успела схватить второго бандита за куртку, рванула изо всех сил, и этого оказалось достаточно, чтобы он упал.

Они оба покатались по земле, но через секунду Фредди с воплем «Сука!» ухватил ее за горло. Острые ногти впились в нежную кожу Девон возле самого подбородка. Задыхаясь, Девон отбивалась, царапала бандиту лицо, но все было напрасно... И тут она вспомнила о ноже, засунутом сбоку в ее высокий ботинок.

Бандит сдавливал горло Девон все упорнее, а она, извива-

ясь, тянула руку за ножом, и как только рукоятка оказалась у нее в ладони, ударила сколько было сил снизу вверх и почти тотчас выдернула лезвие из раны.

Воздух хлынул ей в легкие. Девон увидела перед собой округлившиеся глаза Фредди – казалось, они выскочат из орбит.

– Ты... убила... меня... – еле слышно выговорил Фредди.

Девон не стала дожидаться дальнейшего. С трудом отпихнув от себя обмякшее тело бандита, она откатилась в сторону, кое-как встала на колени и только тут обнаружила, что держит в руке окровавленный нож. Темные капли падали с лезвия на булыжники мостовой. Девон в ужасе выронила нож.

Потом ей посчастливилось увидеть ожерелье: оно валялось прямо у ее колен. С неудержимым криком облегчения Девон схватила его и спрятала за пазуху.

Позади нее послышался стон. Сердце у Девон сжалось от страха: стонал Фредди.

«Беги, – словно подсказал ей чей-то голос. – Ты должна бежать».

Поздно. Он уже держал в руке оброненный ею нож... Девон повернулась и ринулась вперед, будто ее подтолкнула в спину неведомая сила. Она неслась, не разбирая дороги, но вдруг ее что-то сильно ударило и обожгло сзади. В ушах отдался громкий вскрик – ее собственный.

Затуманенным взором следила Девон за тем, как Фредди

поднимается на ноги и шаркающей, неуверенной походкой направляется к проулку, где раньше скрылся Гарри.

Неровные шаги Фредди стихли. Девон утратила способность ясно осмысливать окружающее. Все вокруг как-то странно раскачивалось, плыло перед глазами. Она с трудом сообразила, что лежит в луже, щекой на твердых мокрых булыжниках; чувствовала, что платье ее пропитывается водой. Зубы начали стучать.

Холод мало-помалу пронизывал ее, Девон никогда еще не испытывала такого ледяного, всепроницающего холода, вызывающего внутреннюю дрожь.

В голове у Девон вспыхнуло воспоминание – о последних часах жизни мамы, которая тогда все шептала о холоде и сотрясалась от безостановочной дрожи.

О Господи, может, и она умирает? «Нет! – громко протестовал мозг Девон. – Нет, я не хочу умирать вот так, в этой тьме, такой ледяной...»

Девон крепко прикусила нижнюю губу, сдерживая рвущиеся наружу рыдания: она понимала, что плакать сейчас бесполезно.

Ведь никто ее не услышит. Никто не придет на помощь. Потому что это Сент-Джайлз, обиталище попрошаек и воров, бедняков и бродяг, до которых никому нет дела.

Глава 2

Черт бы побрал безрассудный характер его братца!

Фамильная карета Стирлингов, грандиозное сооружение из черной блестящей кожи и сверкающего серебра, обогнула угол и выехала на Сент-Мартинс-лейн. Припозднившемуся прохожему (а таковых, учитывая жуткую погоду и поздний час, было немного) это показалось бы явно неуместным на грязных улицах Сент-Джайлза. Сидящий в карете Себастьян Стирлинг достаточно крепко удерживал в руке кожаный ремень и в узде – свой темперамент. Он редко позволял себе проявлять этот темперамент, но ведь, как известно, всему есть предел.

Он приятно провел время за обедом у Фартингейлов – было и в самом деле приятно, иначе Себастьян не засиделся бы за полночь. Джастина тоже приглашали, но он предпочел не являться. Стоукс, дворецкий, сообщил Себастьяну, когда тот покидал городской дом, что Джастин собирается провести вечер за игрой.

Уехав от Фартингейлов, Себастьян заглянул в клуб «Уайт-те». Хотя они с Джестином жили под одной крышей, в последние несколько дней они почти не виделись. С тех пор как Джулианна отправилась в путешествие, в доме, кроме братьев, оставались только слуги; сейчас все они давно уже спят, но им с Джестином, может, доведется выпить в клубе

по стаканчику бренди. Самое время уведомить Джастина о своих планах, пока братец не прочтает о них в завтрашних газетах...

Однако Джастина он в клубе не обнаружил. Там был только его друг Гидеон, здорово навеселе, – впрочем, бывает ли он вообще в ином состоянии? Гидеон сказал, что видел Джастина недавно...

В игорном аду Сент-Джайлза.

Именно по этой причине Себастьян велел кучеру ехать как можно быстрее. Он слышал, сидя в карете, как Джимми понукает лошадей. Проклятое безрассудство Джастина! Господи, ведь было же время, когда Себастьян считал, что брат в жизни ничем и никем не увлечется. Что за блажь влекла его теперь в подобные злачные места? Почему его нынешняя жизнь состояла только из трех слагаемых: азартные игры, шлюхи, вино? Что касается Гидеона... ах, да оба они подонки, и неизвестно, кто из них хуже.

При других обстоятельствах Себастьян ни за что не поехал бы на Сент-Джайлз, в это чуть ли не самое скверное место на земном шаре, густо населенное карманниками и грабителями. В это время суток человек, идущий по любой из улиц Лондона, подвергался риску быть ограбленным. Но в таком районе, как этот, прохожий рисковал не только часами, но и самой жизнью.

Себастьян крепко стиснул челюсти. Недаром он предпочитает Терстон Лондону, подумалось ему.

Карета по непонятной причине вдруг сделала поворот, причем опасно наклонилась вбок. Себастьян попытался сохранить равновесие. Еще поворот, рывок – и карета остановилась. Себастьяна швырнуло на другой конец сиденья, он едва не разбил голову о раму окна. Он выпрямился, пинком открыл дверцу и крикнул:

– Джимми! В чем дело? Грабители?

Кучер даже не пошевелился на своем насесте. Потом качнул головой и ответил:

– Нет, милорд.

– Так езжай, парень! – не сдержавшись, рявкнул Себастьян.

Джимми вытянул указательный палец:

– На земле лежит чье-то тело, милорд.

Кто бы там ни лежал, он явно хлебнул лишку. Себастьян собирался сказать кучеру, чтобы он ехал дальше, но что-то его удержало, – быть может, то, что распростертое «тело», как назвал его Джимми, казалось необычайно маленьким под широким и длинным плащом. Каблуки сапог Себастьяна громко простучали по камням мостовой, когда он, выскочив из кареты, быстрым шагом направился к лежащему – или, вернее, лежащей. Джимми остался на козлах и озирался с испуганным видом, словно боялся, что карету с минуты на минуту окружают разбойники.

Себастьян, к слову сказать, не исключал такой возможности.

Он наклонился над женщиной и пригляделся. Она была сильно испачкана в грязи. Уличная девка, которая напилась до бесчувствия? А может, это уловка, рассчитанная на то, что он наклонится поближе, а она вытянет у него из кармана кошелек?

Он осторожно встряхнул ее – и тотчас отдернул руку. Черт, забыл перчатки на сиденье в карете. Впрочем, это уже не важно.

– Мистрис! – громко окликнул он женщину. – Проснитесь, вставайте!

Она осталась неподвижной.

Странное чувство охватило его. Он уже не остерегался, ощущение скрытой опасности исчезло. Но тут он глянул на свою руку. Кончики пальцев были мокрыми, но не от дождевой воды. От другой жидкости – густой, темной и пахучей.

Он со свистом втянул в легкие воздух и выругался. Двигаясь почти машинально, повернул раненую женщину на бок.

– Мистрис, – настойчиво повторил он. – Вы меня слышите?

Она чуть-чуть пошевелилась и застонала, когда он приподнял ей голову. Сердце у Себастьяна радостно забилося. Она без сознания, но жива!

Из-за темноты, до нелепости громоздкого плаща и соответствующего ему по величине капора он не мог толком разглядеть ее лицо, но понял, что к ней возвращается сознание. Когда глаза ее открылись, Себастьян поспешил преду-

предить:

– Не двигайтесь. И не пугайтесь.

Губы ее приоткрылись. Долгим, бесконечно долгим взглядом она изучала черты его склоненного к ней лица. Потом сделала еле заметное движение головой и прошептала:

– Вы исчезнете, да?

Себастьян растерянно моргнул. Он не знал, каких слов ожидал от нее, но уж только не этих.

– Ни в коем случае.

– Значит, вы мне снитесь. – К его величайшему изумлению, маленькая ручка поднялась и коснулась его губ. – Потому что ни один мужчина в мире не может быть таким красивым.

Странная улыбка промелькнула на его губах.

– Вы еще не видели моего брата, – заговорил он, но фраза осталась неоконченной, потому что ресницы у девушки затрепетали и глаза закрылись. Себастьян успел поддержать ее голову, иначе она стукнулась бы о неровные камни мостовой. В следующее мгновение он встал на ноги и, держа девушку на руках, повернулся к карете. – Джимми! – рявкнул он.

Но Джимми уже угадал его намерения.

– Слушаюсь, милорд.

Ступенька опущена, дверцы кареты открыты. Себастьян забрался внутрь, уложил свою ношу на сиденье. Джимми заглянул в карету:

– Куда прикажете, милорд?

Себастьян молча смотрел на неподвижную девушку. Господи, да ведь ей необходим врач! Он подумал об Уинслоу, их семейном докторе, но тут же вспомнил, что Уинслоу уже год как живет в деревне. А ездить сейчас по городу в поисках врача бессмысленно...

– Домой, – мрачно произнес он. – И поживее, Джимми.

Не Стоукс, а Джастин отворил входную дверь фешенебельного городского дома Себастьяна.

– Ну-ну, – протянул он. – Поздненько мы нынче, уж не...

Тут он оборвал речь при виде брата, держащего на руках женщину, но вовсе не того сорта, за какими он обычно ухаживал. Скорее она относилась к тому сорту дам, какой предпочитал Джастин.

С ее насквозь мокрого, обвисшего плаща натекала лужа на великолепно натертый паркет. Голова ее покоилась на руке Себастьяна, лицом женщина уткнулась в его пальто.

Джастин уставился на брата изумленно-недоверчивым взглядом:

– Черт побери, Себастьян...

– Она ранена, Джастин. Истекает кровью.

– Боже милостивый! В нее стреляли?

– Не знаю, – отрывисто бросил Себастьян. – Давай отнесем ее наверх. В желтую комнату.

Стараясь идти в ногу, братья поднялись по лестнице, миновали лестничную площадку и зашагали по коридору.

– Так что же, черт побери, случилось?

– Я обнаружил ее расprostертой на мостовой одной из улиц в Сент-Джайлзе. Джимми едва на нее не наехал.

– В Сент-Джайлзе? Ты?! – С этим изумленным восклицанием Джастин отворил дверь спальни.

– Да, – бросил Себастьян, удостоив брата весьма выразительным взглядом.

В эту минуту в спальне появился дворецкий; все еще обложенный в ночное одеяние, он остановился у порога, потирая грудь.

– Милорд, не нужна ли моя помощь?

– Принесите горячую воду и чистые полотняные бинты, – приказал Себастьян. – И поскорее, Стоукс.

Он опустил свою ношу на постель и принялся ее разглядывать. Девушка вся промокла и дрожала, лицо у нее было бледное, как снег. Чтобы добраться до его городского дома, понадобилось небольшое время – всего около четверти часа, но она снова потеряла сознание и пока не приходила в себя. Это встревожило Себастьяна.

Особенно после того, как он обнаружил, что она беременна.

– Попробуем выяснить, откуда идет кровь, – сказал он и снял с головы раненой ее нелепый капор.

Густые и длинные золотистые волосы каскадом упали на подушку.

Он отвел кудри в сторону и склонился над девушкой.

Взялся за мокрые, перепутанные завязки ее плаща и брезгливо поморщил свой патрицианский нос. Совершенно изношенное одеяние цветом своим напоминало мутные воды Темзы.

– Господи, что за вонь! – Себастьян принюхался. – От нее пахнет рыбой и табаком...

– Да, – согласился Джастин. – А еще прокисшим элем и каким-то жиром. Просто ядовитая смесь, верно?

Себастьян проклинал свои неуклюжие пальцы. Наконец он справился с завязками, выдернул плащ из-под спины девушки и отшвырнул его подальше на пол.

– Осторожнее, – предупредил его Джастин. – Она, мне кажется, в интересном положении.

– Да.

Себастьян окинул быстрым взглядом неподвижное тело. Судя по размеру ее беременного чрева, бедняжка должна вот-вот родить. И еще: бросается в глаза несоответствие этого живота и узеньких плеч. Себастьян нахмурился. С ее наружностью определено что-то не так. Теперь, когда с нее сняли плащ, живот выглядел каким-то... бугорчатым.

Это было подозрительно. Ткнув пальцем в этот непонятный живот, Себастьян почувствовал, что он очень мягок. Себастьян крепко сжал губы и просунул руки под обрывки того, что когда-то было платьем.

Джастин стоял позади и смотрел через плечо брата; сначала Себастьян вытянул из-под платья спутанный шнур, по-

том вытащил измятую подушку и бросил все это на пестрый обюссонский ковер рядом с мокрым и грязным плащом.

– О Боже! – воскликнул потрясенный Джастин. – Она вообще не...

– Вот именно, – подтвердил старший брат. Последовала долгая, томительная пауза, затем прозвучали слова Джастина:

– Какого дьявола женщине надо притворяться, что она беременна?

– Это просто уловка, – предположил Себастьян, недовольно хмыкнув. – Шнур и подушка помогли ей прятать накопленные деньги.

– Накопленные деньги, – машинально повторил Джастин.

– Она воровка, Джастин.

– Но там ничего не спрятано!

– Ты думаешь?

Себастьян заметил, что в руке девушки что-то есть. Он попытался разжать пальцы, но девушка не позволила, еще крепче сжав их.

– Мое, – пробормотала она. И повторила: – Мое!

Приложив усилие, Себастьян добился своего и увидел на раскрытой ладони ожерелье. Он даже не посмотрел на этот предмет сколько-нибудь внимательно – просто сунул себе в карман со словами:

– Бог знает что! Я притащил к себе в дом воровку.

– Перестань, – запротестовал Джастин. – Не мог же ты

оставить ее валяться на мостовой. Ее могли затоптать чьи-нибудь лошади. Если это может послужить тебе утешением, знай, что я поступил бы точно так же.

– Неужели у тебя появились зачатки совести?

– Как знать? Может, я последую твоему примеру и начну вести респектабельный образ жизни, хоть и не могу себе представить ничего более скучного.

Все, кто хорошо знал эту парочку, знали также их манеру постоянно подтрунивать друг над другом. Пока они так болтали, Себастьян продолжал стаскивать с бесчувственной девушки оставшуюся одежду. Но тут Джастин выпалил:

– Посмотри, ведь в нее не стреляли, а пырнули ножом!

Себастьян осмотрел рану с неровными краями; кровь уже успела подсохнуть. Если девушке повезло и острое ножа всего лишь скользнуло по ребру, тогда рана не смертельна, а кровотечение скоро прекратится.

Стоукс принес горячую воду и бинты, поставил поднос на столик у кровати. Себастьян сложил бинт в несколько слоев. Взяв раненую одной рукой за худенькое плечо, повернул ее на бок и прижал к окровавленному месту сложенную материю. Очень скоро предательское ярко-красное пятно проступило на поверхности ткани. Себастьян чертыхнулся и усилил давление.

Девушка дернулась и застонала, и этот стон болью отозвался во всем теле Себастьяна. Несчастливая повернула голову, глаза ее были открыты, и она смотрела Себастьяну прямо

в лицо. Они умоляли, ее глаза. В них сверкали золотистые искорки – необычные, как он отметил про себя, – искорки жизни. Девушка была совсем молодой, не старше двадцати лет, решил Себастьян.

Усилия его не пропали даром: кровь скоро начала униматься. С помощью Джастина он наложил на рану сложенную во много раз чистую ткань и крепко прибинтовал.

Только после этого Себастьян позволил себе вздохнуть свободно. Кончиком салфетки старательно и бережно стер со щек раненой грязь.

– Она страшно бледна, – произнес Джастин.

– Я вижу, – ответил Себастьян, который и в самом деле обратил внимание на эту мертвенную бледность не только лица, но и всего тела девушки. Ее сложение было хрупким, руки маленькие, изящные, ножки стройные, с изысканно красивой ступней, точь-в-точь как у их с Джестином сестры Джулианны. – Я же думал, что ее надо показать врачу, – произнес он как бы про себя.

Но Джастин отозвался:

– Любопытно, где бы ты нашел врача в такое время суток? – Он положил ладонь брату на плечо и пожал его. – Кроме того, я полагаю, что в отличие от меня из тебя мог бы выйти отличный врач. – Тон его дальнейших слов сделался более оживленным. – Ты же у меня герой, перевязывал раненых на поле битвы. Полагаю, ты куда более опытный врач, чем многие другие медики.

Себастьян не выразил ни согласия с этой оценкой, ни несогласия. Он гордился тем, что смог послужить отчизне во время войны с Наполеоном, однако, вернувшись в Англию с Пиренейского полуострова, он задвинул свои военные воспоминания в такие глубины сознания, откуда их очень нелегко было извлечь. И никак не думал, что его умение может когда-нибудь пригодиться, да еще где – в собственном доме!

Себастьян осторожно перевернул пациентку на спину.

Полная, ничем не нарушаемая тишина длилась и длилась. Видимо, вначале оба мужчины были чересчур ошеломлены происшедшим, чтобы внимательно рассматривать незнакомку. Но теперь они смотрели на нее как зачарованные. Ничего не поделаешь. Никуда от этого не денешься.

Джастин попробовал высказать то, что невозможно было выразить словами...

– Ты помнишь те коралловые розы в саду Терстон-Холла? – шепотом спросил он. – Их еще так любит Джулианна. Помнишь? Название этого сорта, кажется, «восход солнца». – Еще секунда молчания. – У нее соски того же цвета, что те розы.

Себастьян рывком накинул простыню девушке на грудь.

– Джастин! Умоляю тебя! Ведь она больна!

– А я не слепой. И ты, смею сказать, тоже.

Себастьян устремил на брата угрожающий взор.

– Если можно, я предпочел бы лечить ее без твоих распутных пояснений.

– Иначе говоря, ты хочешь, чтобы я удалился?

– Вот именно, – очень серьезно изрек Себастьян. – Но вели Стоуксу принести еще горячей воды. И мыло. А Танзи пусть принесет одну из ночных рубашек Джулианны.

– Слушаю, милорд. Но поскольку меня изгоняют, я хотел бы предложить один совет.

Себастьян взглянул на брата вопросительно.

– Стоило бы предложить Стоуксу спрятать драгоценности, – с нажимом заговорил Джастин. – Стоило бы также запереть входную дверь. Видишь ли, в доме у нас уличная девка. Она может запросто ограбить нас или перерезать спящим глотки прямо в постелях.

Себастьян вспыхнул, но не успел ответить: Джастин рассмеялся и захлопнул за собой дверь.

Себастьян снова наклонился над пациенткой. Ясно, что Джастин воспринимает ситуацию как комическую. Проклятие, но ведь он-то не нуждается в напоминании, что притащил в дом воровку... в свой собственный дом, Господи!

Но он не мог до конца убедить себя в этом.

Глава 3

Четыре раза пробили большие часы в ореховом футляре, когда Себастьян проходил через отделанный мрамором вестибюль к себе в кабинет; звук затерялся в пустоте под высоким куполом потолка. О присутствии Джастина в доме легко можно было догадаться по острому запаху манильских сигар, которые тот курил постоянно.

Джастин обернулся, когда вошел брат, и тотчас встал со своего места у камина. Он пересек комнату и взял со столика на изящных ножках графинчик с бренди. Себастьян тем временем устроился в кресле за письменным столом. Джастин вручил ему графинчик. Учитывая события этой ночи, сделать глоток бренди не мешало бы. Себастьян и сделал этот глоток – большой и обжигающий.

– Ну как там она?

– Рана оказалась не такой глубокой, как я предположил вначале, – устало проговорил Себастьян и потер колючий подбородок, рассеянно подумав, что надо бы побриться. – Она скоро поправится.

– Отлично. – Джастин легкой походкой подошел к креслу напротив брата. – Признаться, мне чрезвычайно хотелось бы узнать, с чего это тебя занесло в Сент-Джайлз. Это последнее место, где я стал бы тебя искать.

– Уволь меня от твоего сарказма, Джастин. Когда я уезжал

к Фартингейлам, Стоукс сообщил мне, что ты намерен провести вечер за игрой, а когда я уехал от Фартингейлов, то заглянул в клуб «Уайте», полагая, что найду тебя там. Гидеон сказал, что ты отправился в Сент-Джайлз, в один из тамошних так называемых клубов, – ответил Себастьян с нескрываемым неодобрением.

– И ты поехал меня выручать? – со смешливой искоркой в глазах спросил Джастин.

– Примерно так.

– Я взрослый мужчина, Себастьян, и не нуждаюсь в том, чтобы ты контролировал каждый мой поступок.

– Сент-Джайлз – опасное место, – возразил Себастьян. – Уверен, что ты об этом знаешь.

– Знаю. Но за исключением некоторого количества невероятно скверного вина, мною выпитого, и гораздо большего невезения в игре, ничего особенного со мной не произошло в тамошнем кабаке.

Видит Бог, Джастин вечно противился строгостям отца или попросту пренебрегал его замечаниями еще в большей степени, чем их капризная и своевольная мать. И все трое детей – Себастьян, Джастин и Джулианна – понимали, что опереться могут только друг на друга. Но если жизнь чему-то и научила Себастьяна, то главным образом тому, что человека невозможно «выстроить» по шаблону. И не нужно пытаться это делать.

Себастьян никогда не забывал скандала, который разру-

шил их мир, когда он был еще десятилетним мальчиком. Происшедшее оставалось с ним всю жизнь. Джастин унаследовал не только обаяние и живость матери, но, к сожалению, и ее необузданный нрав. Джулианна была слишком мала, чтобы разобраться в случившемся. Она тосковала по матери, но не слишком долго.

Но Джастин... Отец пытался бороться с его своеволием. Пытался обуздать сына. Себастьян, в свою очередь, старался защитить брата, но Джастин, как и их мать, всегда хотел лишь одного: идти своей дорогой, поступать так, как ему хочется. Себастьян понял в отличие от отца, что все попытки ввести Джастина в определенные рамки приводят к бунту и ни к чему другому.

Однако бывали случаи, когда Себастьян не мог найти объяснение тому, что происходило между отцом и Джастином: к примеру, сам он не всегда умел добиться желаемого или повлиять на разрешение какой-либо проблемы, а Джастин выходил из положения без хлопот, с обычной своей беззаботностью.

Но в общем-то Себастьян признавал, что есть вещи, которые мужчина должен оберегать с особым тщанием, прятать их неукоснительно в глубинах души. И потому не пробовал превращать брата в то, чем он стать не мог.

– Невезения, говоришь? – буркнул он. – Это у тебя-то?

– Именно. И должен напомнить тебе, дорогой братец, что я вернулся домой раньше тебя.

– Что верно, то верно. – Себастьян засмеялся, и напряженность между братьями исчезла без следа. – Достаточно сказать, что я никак не ожидал обнаружить женщину на улице, или, что значительно вероятнее, уличную женщину. Ради чего, если не заработка, могла она выйти на улицу в такой час.

– Ты ведь не собираешься уведомлять представителей власти? – нахмурился Джастин.

– Ты считаешь, этого не следует делать?

Взгляд Джастина был совершенно тверд, когда он ответил:

– Да, я так считаю.

– Но ведь обстоятельства по меньшей мере подозрительны. Девушка ранена ножом. Почему? В чем здесь дело? Кто это сделал? И где этот человек сейчас?

– Верно. Но не является ли все это, вместе взятое, причиной для того, чтобы дождаться, когда она придет в сознание, сможет говорить, и тогда выяснить, как обстояло дело? – Себастьян ничего не сказал на это, а Джастин покачал головой и добавил: – Не в твоём духе действовать импульсивно.

Что правда, то правда. Импульсивностью Себастьян никогда не страдал. Он предпочитал четкий распорядок во всем. Был методичен и планы свои строил скрупулезно. И думал, что только поэтому ему и удастся все, чего он хочет.

– Полагаю, обращение к властям вряд ли можно считать импульсивным действием, – медленно проговорил он. – Но

ты, пожалуй, прав. Надо подождать, пока она очнется, и первым делом поговорить с ней самой.

Джастин наклонил голову набок.

– Просто поражен, что ты так легко соглашаешься. Может, ты положил на девчонку глаз?

Себастьян засмеялся:

– Я предпочитаю женщин более высокого класса, чем уличные воровки.

– Ах да, все на свете за респектабельность. Но хотя бы признай, что у нее великолепная грудь.

Себастьян в ответ молча устремил на брата возмущенный взор.

– Как, Себастьян, ты хочешь сказать, что не заметил этого? Ты что, на них не смотрел?

Себастьян и на этот раз промолчал, проклиная про себя предательский румянец, вспыхнувший, как он почувствовал, у него на физиономии.

Джастин рассмеялся:

– Видит Бог, я обожаю твою осмотрительность, но ведь я, в конце концов, твой брат, и я уверен, что ты содержал не одну любовницу. погоди, дай вспомнить, как звали последнюю. – Он приставил указательный палец ко лбу, делая вид, что мучительно пытается сконцентрироваться. – О, есть! Лили, верно?

Себастьян вздохнул, но не сказал ни слова. Но Джастин не унимался:

– Ладно тебе, Себастьян. Я же знаю, как ты любишь женщин!

– Как и ты. – Себастьян допил бренди и отставил стакан в сторону. – Видишь ли, есть кое-что, о чем тебе надо узнать от меня до того, как ты это услышишь от других. – Он сделал многозначительную паузу и объявил: – Я решил выбрать себе невесту.

Джастин разразился смехом, но тут же оборвал его.

– Господи помилуй, да ты, кажется, это всерьез?

– Вполне.

– И ты поместил уведомление нынче вечером?

– В известной мере да.

– Что за ерунда! Либо ты это сделал, либо нет.

Джастин слушал, а Себастьян рассказывал о сцене, которая разыгралась прошедшим вечером, когда София Эдвина Ричфилд, вдовствующая герцогиня Каррингтон, обходила гостей по кругу, прощаясь с каждым перед тем, как удалиться в свою карету и отправиться домой. Подойдя к Себастьяну, она глянула на него из-под шапки белоснежных кудрей взглядом прямым и твердым. И высказала некую декларацию со всей решительностью, присущей аристократическим вдовам:

– Мальчик мой, для вас настало время жениться и обзавестись детьми.

Естественно, за этим последовал общий вздох. Разговоры тотчас стихли. Не было нужды окидывать гостиную взгля-

дом, чтобы убедиться, что все головы повернулись в одну сторону, а все уши насторожились в ожидании его ответа.

Себастьян оправдал общие ожидания: поднеся к губам руку герцогини, он негромко произнес:

– Полагаю, ваша светлость, что вы правы.

Себастьян отлично понимал, что за сим воспоследует, ибо он никогда и ничего не делал, не взвесив последствий своего поступка. Языки немедленно заработают, а его присутствие на любом празднестве или приеме будет отмечено великосветскими сплетниками. Во что он был одет, что он ел, с кем разговаривал и, главное, с кем из женщин танцевал – все станет пищей для разговоров. Увы, это прискорбная необходимость.

– Видел бы ты все это, – закончил он свой рассказ. – Уверен, что тебе такая сцена показалась бы очень забавной.

– Приемы у Фартингейлов невероятно скучны, просто фантастически, – округлив глаза, возразил Джастин. – Но меня поражает, что ты даже не посоветовался со мной, принимая это скоропалительное решение. Ты оскорбил мои самые лучшие чувства. Это ужасно, Себастьян.

– Да, понимаю, – сухо произнес Себастьян. – И знаю, каким был бы твой ответ.

Джастин некоторое время присматривался к брату сквозь облачко табачного дыма и спросил:

– Так чем же все-таки определяется скоропалительность твоего решения?

– Решение мое отнюдь не скоропалительное. Если хочешь знать, я его давно обдумывал. Ведь большинство мужчин женится. Имеет детей. Это своего рода долг перед обществом.

– Ах да, долг. Это так предусмотрительно, – протянул Джастин. – Могу я полюбопытствовать, имеется у тебя уже список кандидаток в жены?

– Спросить ты можешь, но скажу тебе совершенно честно, что у меня нет ни одной конкретной женщины на примете. Я просто решил, как говорится, сузить круг.

– Понятно. Хотел бы я уяснить, существует ли на свете женщина, способная тебя устроить.

Себастьян взглянул на брата несколько свысока:

– Что ты этим хочешь сказать?

– Прости, пожалуйста. – Голос Джастина прозвучал очень мягко. – Но мне кажется, что, если бы твои требования не были столь строгими...

– Объясни, если можешь.

– С удовольствием. Я полагаю, что от жены ты требуешь не меньше, чем от себя самого. Короче говоря, ищешь идеальную женщину.

Себастьян возразил:

– Не просто идеальную женщину, но идеальную для меня.

– Ладно, тебе виднее, ты мастер точных определений. Люди из высшего общества склонны достаивать тебя своим вниманием.

– Точно так же, как они склонны увиваться за тобой.

– Способность очаровывать противоположный пол, думается, наше врожденное свойство.

Едкий сарказм, облаченный в ласковую форму, – как это типично для Джастина. Себастьян пропустил мимо ушей намек брата на измены их матери. А Джастин продолжал:

– Я годами тебе твержу, что ты самый желанный холостяк в Лондоне. Теперь это получило официальное подтверждение.

– Верно, – согласился Себастьян. – Но не будем играть словами. В моем лице они гоняются за титулом. За состоянием. – Поглядывая на брата сквозь облачко душистого дыма, он добавил: – Кстати, не пора ли и тебе подумать о невесте?

Джастин разразился смехом:

– Типун тебе на язык! Я никогда не перестану радоваться холостяцким утехам, и тебе это отлично известно.

С этими словами Джастин смял сигару и встал. Себастьян пожелал брату спокойной ночи, но не последовал его примеру. Ослабив узел галстука, он вылил в свой стакан остатки бренди из графина и удобно устроился в кресле у камина. Потер пальцами шею сзади. Ну и ночка, помилуй Бог! Некоторое время он просто сидел, дожидаясь, пока одиночество и тишина принесут ему успокоение, в котором он воистину нуждался. К тому же в такой мирный час хорошо думается и о разных планах, и о будущем вообще.

Герцогиня была права. Ему пора обзавестись семьей. И

вопреки утверждениям Джастина его решение вовсе не скоропалительно. Ничего подобного, он думает об этом уже не первую неделю.

Время пришло. Он готов.

Но ошибок быть не должно.

Никаких скандалов. Ни единого пятнышка на его репутации. Этот обет, руководящий всеми его поступками, Себастьян дал себе давно, очень давно.

Десять лет назад он унаследовал титул. Многое изменилось с тех пор. Имя Стирлингов теперь можно было носить только с гордостью. Да, многое изменилось, но кое-что осталось прежним. Он, как старший брат, продолжает опекать Джастина и Джулианну – какой это все же стойкий инстинкт! Бесчисленное количество раз напоминал он себе, что каждый из них должен жить собственной жизнью, каждому должно быть предоставлено право выбора пути.

Каждому свои ошибки.

Но он, Себастьян, не вправе серьезно ошибаться. На нем лежит ответственность, поэтому обязан руководствоваться чувством долга.

Долг.

Его брат им пренебрегает. Сестра тоже, хоть и по-иному, нежели Джастин. Но старшему сыну Уильям Стирлинг сумел внушить это чувство в полной мере.

Женитьба – его долг. Перед именем. Перед титулом. Его долг – наследие отца и многих предшествовавших поколе-

ний.

И все же... Есть и нечто большее. То, чего не понимает и, вероятно, никогда не поймет Джастин, внутреннее сходство которого с матерью почти пугало Себастьяна.

Да, это большее, нежели долг. Он, разумеется, любит Джулианну и Джастина, и он рад, что сохранил близость с ними и после того, как они повзрослели. Но его снедало желание обзавестись собственной семьей. Собственным ребенком. Черт побери, целой дюжиной ребятишек, которым он постарается дать то, чего у него самого не было в детстве – ни у него, ни у брата с сестрой. Нет в мире большей радости, чем та, которую испытываешь, когда к твоей груди доверчиво прижимается маленькое теплое тельце... твоё кровное дитя.

Сын. Или дочь... Господи, каким счастьем было бы для него слышать детский смех, эхо которого разносится по всему дому в городе или Терстон-Холле... Но прежде чем в доме появится ребенок, сын или дочь, в него должна войти жена.

Раз за разом, снова и снова проводил он кончиком пальца по ободку стакана, все более поддаваясь неожиданно нахлынувшим размышлениям. Из-за его матери имя семьи, в которой он, Себастьян, родился и рос, было запятнано. Тень скандала омрачила его детские и не только детские годы: лишь в последние несколько лет окончательно утихли пересуды в обществе, не говоря уже о других последствиях грязной истории... Смерть отца была скоропостижной, и Се-

бастьян был поражен, узнав, что в последние годы жизни тот сорил деньгами напрапалую.

Но все бури миновали, и Стирлинги теперь снова стали одной из самых богатых фамилий в Англии. С некоторым цинизмом, более присущим его брату, Себастьян, усмехнувшись, подумал, что власть, высокое положение и деньги дают некие преимущества тем, кто ими обладает.

Но Себастьян не мог допустить и мысли о том, чтобы скандал коснулся его жены и детей, как он коснулся его брата и сестры.

Себастьян Стирлинг должен сделать выбор со всей осторожностью, присущей ему от природы. Он предпочитал упорядоченность в жизни и терпеть не мог неожиданностей.

В конечном счете Джастин прав: не следует самому заниматься поиском невесты. Он, правда, не наделен классической элегантностью своего младшего брата, о котором одна не в меру мечтательная барышня, увидев Джастина впервые, сказала, что ей кажется, будто она уже на небесах и видит ангела. Себастьян совсем иной, он слишком смуглый, слишком большой и сильный, он и вправду похож на цыгана, как его дразнили в детстве.

Нет, он определенно не столь дьявольски красив, как его брат, решил Себастьян. Но он будет хорошим отцом. Хорошим мужем. Он извлек уроки, наблюдая за холодным, жестким, неуступчивым характером отца... и легкомыслием матери.

Но какая женщина может стать его женой?

Она должна быть доброй и разумной, другой ему не надо. Должна быть ему тактичной, все понимающей, любящей подругой жизни. Главное, любящей матерью. Красивой? Да, он этого хотел бы. Джастин, наверное, назвал бы его глупцом за то, что красоту он поставил не на первое место в списке добродетелей будущей супруги. Вкусы младшего брата ему хорошо известны: тот и взглянуть не пожелал бы на женщину, которая не сияет, словно бриллиант самой чистой воды...

В графине оставалось бренди едва на доньшке, когда Себастьян встал и направился к лестнице. На верхней площадке остановился и глянул на первую дверь справа, слегка приоткрытую.

Надо бы зайти взглянуть, как она там, его незваная гостья. Себастьян вдруг вспомнил, что говорил о ней Джастин.

Стоило бы предложить Стоуксу спрятать драгоценности. Стоило бы также запереть входную дверь. «Видишь ли, в доме у нас уличная женщина. Она может запросто ограбить нас или перерезать глотки спящим прямо у них в постелях».

Себастьян подумал об ожерелье, которое девушка так крепко сжимала в ладони. Оно все еще лежало у него в кармане. Поразительно, что девушка сохранила ожерелье в такой ситуации: ведь она терпела сильную боль, и неизвестно, сколько времени она пролежала, раненая, на земле, пока он ее не обнаружил. Впрочем, алчность – весьма мощный стимул. Едва взглянув на ожерелье, Себастьян понял, что оно

представляет немалую ценность и ничуть не похоже на подделку.

Он поджал губы. Девице явно есть за что отвечать, по крайней мере это вполне ясно.

Вскоре после того, как он это осознал, Себастьян уже стоял возле постели, на которой лежала девушка. В свете проникающего через окно лунного луча рисовались перед ним очертания ее тела.

Что еще говорил Джастин? Да, будто бы она понравилась ему, Себастьяну.

Смешно.

Она то самое, что он сказал Джастину. Воровка. Карманница, а может, и похуже того. Настораживает прежде всего то, что ранена она была при неизвестных обстоятельствах. Необходимо выяснить это, как только она в состоянии будет говорить.

Себастьян внимательно посмотрел на девушку. Маленькая ручка, которая так крепко сжимала ожерелье, теперь неподвижно лежала у нее на груди. Он своими руками осторожно смыл грязь с тела девушки и потом облачил ее в одну из ночных сорочек сестры. Странно, однако после этого Себастьян был вынужден напомнить себе о том, что перед ним воровка. Уличная девка.

Себастьян усмехнулся и снова окинул девушку медленным взглядом. Она спала, но ему показалось, что сон ее неспокоен. Себастьян откинул в сторону одеяло, которым

сам ее накрывал. Губы спящей дрогнули, тоненькие брови чуть-чуть приподнялись над закрытыми глазами, которые напомнили Себастьяну о топазах, когда девушка впервые открыла их.

«Да пошла она к дьяволу, респектабельность», – подумал он.

Для уличной карманницы она, пожалуй, выглядит чересчур изысканной. Несомненно, красива и... Черт побери, у него едва не возникло желание!

Что его вызвало? Поза девушки или она сама? Кожа у нее, кажется, светится. Ночная сорочка сбилась и обнажила бедра, стройные и белые. Девушка пошевелила ногами, приподняла было руку, но тотчас бессильно уронила ее на простыню. Слишком широкий для нее ворот ночной рубашки открывал ритмично поднимающиеся и опускающиеся груди с нежно-розовыми сосками.

Сейчас ему не от кого скрывать собственную чувственность. Себастьян глубоко вздохнул, чтобы отогнать возникшее телесное напряжение. Он ведет себя не слишком поджентльменски... Но нет ничего преступного в том, что он с чисто мужским восхищением смотрит на ее густые кудри, в беспорядке разметавшиеся на подушке, на красивые, изящные руки и ноги и...

Да, о да... и на ее великолепную, просто великолепную грудь.

Глава 4

Девон пришла в сознание, почувствовав чье-то присутствие. Модуляции незнакомого голоса... мужского голоса, глубокого и мелодичного... Девон повернула голову на звук этого голоса. Слегка пошевелилась...

– Осторожнее, – произнес голос. – Вы ранены.

«Ранена», – эхом отозвалось у нее в голове. Удивительный и непонятный покой ее сознания нарушили внезапно вспыхнувшие воспоминания. Девон вздрогнула, словно снова увидела Гарри и Фредди, кружащих возле нее. Вспомнила, как упала в черную пустоту, в которой не было ничего, кроме холода, пронизывающего до костей... Ей случалось мерзнуть и раньше, но не так. О нет, так – никогда! И еще был леденящий душу страх, что никто ничего не услышит. Что она будет лежать до тех пор, пока не умрет, как мама, умрет в холоде и темноте.

Но тут она осознала, что ей тепло. Где-то в боку Девон чувствовала тупую боль, но тело ее было укутано в нечто очень мягкое и теплое – никогда прежде она не знала такого тепла.

И кто-то сидел рядом с ней. Очень близко.

Поняв это, Девон попыталась вернуться к реальности, что-то сообразить. Рядом с ней сидел мужчина. Так близко, что, протянув руку, она могла бы дотронуться до его рукава.

Он сидел ниже ее постели, но тем не менее казался невероятно большим, с невероятно широкими плечами. В комнате находился и еще один мужчина, он стоял поодаль – волосы его, темные и густые, были все же светлее, чем у первого.

Всего секунду, не больше, смотрела Девон на этого второго мужчину. Зато человек рядом с ней полностью завладел ее вниманием. У нее перехватило дыхание. Теперь она вспомнила. Вспомнила, как очнулась и увидела его... Мгновенный приступ страха овладел ею, когда этот огромный человек склонился над ней, лежащей на земле.

Не только его рост и комплекция излучали силу. Это было нечто большее, гораздо большее: он обладал значительностью, которую невозможно было не заметить.

Одет он был очень элегантно. Ни морщинки на ткани смокинга, синий шелковый жилет, батистовая крахмальная рубашка. Галстук без единого пятнышка, белоснежный, даже ослепительный на фоне загорелой кожи.

У него острый взгляд пронизательных серых глаз, глубоко сидящих под черными, резко очерченными бровями; волосы густые, цвета воронова крыла. Квадратный подбородок чисто выбрит, ни одной щетинки на гладкой коже в отличие от бородатых или покрытых отросшей щетиной физиономий знакомых ей мужчин. Мягкость его исключительно мужественной наружности придавала только ямочка на подбородке.

– Где я? – Голос прозвучал хрипло.

– Я нашел вас, когда вы, раненая, лежали на мостовой. И привез сюда, в мой дом в Мейфэре.

Мейфэр. Девон медленно обвела глазами комнату. Потом еще раз, еще... Она почему-то не могла остановиться. На окнах шторы из желтого шелка, подхваченные серебряным шнуром. Стены оклеены обоями в мелких розочках. Сама она лежала на кровати такого размера, какого раньше не могла бы себе представить, и такой мягкой, что ей казалось, будто она плывет на облаке. Если бы не боль в боку, Девон могла бы подумать, что видит все это во сне.

Этот человек выговаривал слова так же правильно и аккуратно, как ее мать.

– Вы джентльмен, – безотчетно произнесла она. – А этот дом... он такой большой. Таким, я думаю, должен быть дом знатного лорда.

Намек на улыбку промелькнул на его красиво очерченных губах.

Девон моргнула.

– Вы лорд?

Он сделал полупоклон:

– Себастьян Стирлинг, маркиз Терстон, к вашим услугам.

А это мой брат Джастин.

Девон была ошеломлена. «Бог ты мой, он маркиз!»

– Мисс, – произнес второй джентльмен с легким кивком; взгляд его не обладал такой пронзительной остротой, как у маркиза, однако смотрел он на Девон очень пристально.

– Ну а вы? – спросил маркиз. – Как ваше имя?

– Девон. Девон Сент-Джеймс.

– Отлично, мисс Сент-Джеймс, теперь вы гостя у меня в доме. Быть может, вы сочтете возможным рассказать о... ночном происшествии?

Во взгляде его она заметила скрытую холодность. Только теперь она полностью пришла в себя. Память вернулась к ней. С невероятной отчетливостью вспомнила она, как пальцы Фредди сдавили ей шею. И с запозданием поняла, почему ощущает царапающую боль в горле и почему голос у нее такой хриплый.

Фредди... Это имя снова вспыхнуло у нее в голове. Девон припомнила, как достала свой нож и нанесла удар... ткань одежды подалась под лезвием, а потом... потом она почувствовала, как нож вошел в тело... Фредди ушел, шатаясь из стороны в сторону. Девон едва не вскрикнула от страха. Где он? И что с ним? Она подняла глаза на Себастьяна.

– Там был мужчина, – произнесла она неуверенно. – Где он?

– Когда я обнаружил вас, вы были одна, – покачав головой, ответил маркиз.

– Но он был там! Я говорю вам, он был там!

– Вынужден повторить, что вы были одна. Разумеется, вы не сами нанесли себе рану. Так расскажите о мужчине, с которым вы были.

– Я вовсе не была с ним! Я... – Девон замолчала. Он так

смотрит на нее...

– Мисс Сент-Джеймс? Продолжайте, прошу вас.

Легко было понять, что он о ней думает. Он смотрел на нее как на какого-нибудь червяка, и Девон внезапно разлилось. Скажите, пожалуйста, он уселся на расстояние вытянутой руки от нее.

Девон вовсе не собиралась скрывать, кто она такая. Этого она не могла изменить. Она выросла на грязных и зловонных улицах Сент-Джайлза и на горьком опыте научилась тому, что нельзя быть слишком доверчивой.

Маркиз он или нет, она не позволит ему отнять у нее ее гордость, – ведь это единственное, что у нее есть. Задолго до смерти матери Девон решила, что непременно выполнит данное себе самой обещание устроить свою жизнь иначе. Она ходила по богатым домам Лондона, ища себе работу получше. Девон работала с самой юности. Она чистила рыбу в доках, подметала дорогу для джентри, когда они переходили улицу, выносила отбросы из кухонь, потому что мама, занимаясь шитьем, зарабатывала только-только на еду и квартиру.

Но не было никакой возможности получить место горничной в доме у кого-то из лондонской знати, кухарки или даже судомойки в приличном заведении. Один взгляд – и дверь захлопывали у нее перед носом. Девон старалась изо всех сил, чтобы выглядеть как можно презентабельнее, но это было очень нелегко. Она поставила таз под водосточную трубу,

чтобы набрать воды для мытья, но какой-то негодяй украл его. Будь она чистенькая, с розовыми щечками, ей, может, и повезло бы. Ничего нельзя было поделаться и с тем, что она выросла из своего поношенного платья. Денег на покупку одежды не оставалось...

– Мисс Сент-Джеймс, почему у меня возникает чувство, что вы от нас что-то скрываете?

Резкий ответ замер у Девон в горле. Взгляд у Джастина был такой же непреклонный, как у его брата. Она почувствовала, что бледнеет, ей стало нехорошо. У этих двоих голубая кровь, а таким, как она, нет никакого прока от типов с голубой кровью. Как они с ней поступят, если она признается, что пырнула Фредди ножом?

Совершенно ясно, что они передадут ее властям, ни секунды не задумываясь.

– Мисс Сент-Джеймс, вам плохо?

У Девон бешено заколотилось сердце.

– Ничего подобного, – поспешила сказать она, и этот ответ был продиктован отчасти страхом, отчасти обидой. И тут она спохватилась: – Мое ожерелье! – Рука Девон лихорадочно задвигалась по шелковому стеганому покрывалу. – Мое ожерелье! Где оно? Я не могла его потерять. Оно было у меня. Я это знаю...

– Успокойтесь. Оно в надежном месте.

Но выражение его лица отнюдь не успокаивало.

– Оно мое! Я хочу, чтобы мне его вернули.

Он встал. У Девон промелькнула мысль, что когда он стоит, то кажется просто гигантом. Она молча наблюдала, как он идет к резному мраморному камину, поворачивается лицом к ней и закладывает за спину сильные руки. Его брат, стоя у двери, продолжал смотреть на Девон.

– Как только найдется подлинный хозяин этой вещи, – произнес он, подняв одну бровь, – она будет немедленно возвращена ему.

– Подлинный хозяин? Что вы этим хотите сказать?

Глаза у него словно окаменели.

– Это значит, мисс Сент-Джеймс, что я не полоумный. Я имею вполне определенное представление о том, каким образом получили вы это ранение, и вы меня не проведете. Предположим, что то была ссора между двумя ворами...

– Я не воровка! – выкрикнула Девон. – Это у меня украли кошелек.

– Ваш кошелек, – повторил он. – Набитый вашими собственными деньгами, я полагаю.

– Да. Да! Их было двое мужчин...

– Ах вот как, их стало двое... Оба бандиты, без сомнения. Девон ощутила острую, сверлящую боль под ложечкой.

– Я должен оказать вам доверие, мисс Сент-Джеймс. Вы говорите лучше, чем я ожидал.

Девон вздернула подбородок.

– Моя мать говорила прекрасно.

– А кто была ваша мать?

– Королева Англии!

– Стало быть, вы принцесса. В таком случае мне следует воздать величайшую хвалу вашему умению маскироваться.

Девон проследила за его взглядом и на стуле возле двери увидела свой рваный плащ, свое платье и... подушку, которую она прятала под платьем.

Да будь она проклята, его самоуверенность! Как он вообще смеет судить о ней?!

Как и ее мать, Девон сильно отличалась от тех, кто жил и работал в грязных закоулках Сент-Джайлза. Вопреки этим различиям, а возможно, благодаря им, она научилась искусству выживать. Не потому, что она была умнее, или сильнее, или даже хитрее этих людей. Просто она была достаточно разумной, чтобы избегать обстоятельств, которые поставили бы ее в нежелательное положение.

Для того чтобы одеваться так, как она одевалась, были основательные причины. Тому, кто вынужден был поздним вечером идти по улицам, лучше выглядеть именно так. Поступая на работу в «Воронье гнездо», Девон поначалу думала переодеться парнишкой, но сообразила, что вряд ли кого обманет, имея такую полную грудь и густые кудри до плеч. А на одетую в лохмотья женщину, которая к тому же, как говорила Бриджет, готова вот-вот разродиться, вряд ли кто глянет во второй раз.

– Нельзя, однако, не поинтересоваться, почему вы оказались на улице в столь поздний час. Вышли на прогулку? По-

дышать воздухом?

Девон перевела глаза на Себастьяна. Совершенно ясно, что он имеет в виду.

– Вы считаете меня не только воровкой, но и проституткой?

Он не ответил, да в этом и нужды не было. Стоял и разглядывал ее фигуру весьма выразительным взглядом. Разгневанная донельзя, Девон натянула шелковое стеганое одеяло до самого подбородка.

– Как, вы сказали, вас зовут? – спросила она, вложив в слова всю доступную ей меру ледяного презрения. – Лорд Бесстыдник?

Себастьян заметно вздрогнул.

– Простите?

– О, это вы простите, я неверно выразилась! Следовало сказать «лорд Нахал»...

В три больших шага он пересек расстояние от камина и остановился возле кровати.

– Придержите язык, мисс Сент-Джеймс! Я не допущу подобных выражений у себя в доме. Но я, видимо, должен был ожидать всего этого от уличной женщины.

Он стоял над ней. Очень высокий. Не угрожающий, но весьма жесткий на вид. Однако Девон была настолько обозлена, что не собиралась сдавать позиции.

– Вероятно, мне следует убираться отсюда, сэр?

– Не раньше, чем вы окончательно поправитесь.

Безапелляционная команда, ничего не скажешь!

Глаза их встретились в непримиримом поединке.

– Смею вам сказать, что мой отец был из более знатной семьи, чем ваша! – выпалила Девон. – И жил в доме, куда более великолепном, чем ваш!

– Ах да, он жил в нем с вашей матерью, королевой. На сей раз уж вы простите мою забывчивость. Тем не менее у меня такое чувство, что вы могли бы немало рассказать мне о событиях прошлой ночи.

– Думаю, что нет.

– В таком случае я вернусь, когда вы будете более расположены к разговору.

– Возможно, вам не стоит возвращаться.

– О, я непременно вернусь. И обещаю, что мы продолжим разговор.

Он, однако, не уходил и продолжал смотреть на нее тем же оценивающим взглядом, который так не понравился Девон несколько минут назад. Она резким движением одернула мягкие складки надетой на нее ночной рубашки и буркнула:

– Это не мое.

– Да. Сорочка принадлежит моей сестре Джулиан – не, которая сейчас путешествует по Европе. Будь она дома, за вами ухаживала бы именно она, а не я. Джулианна вечно нянчится с бедными больными животными и так далее.

– Я не животное, – скрипнув зубами, возразила Девон.

– Виноват. Неудачно выразился.

Виноватых ноток в его голосе Девон не услышала.

– Полагаю, это вы надели на меня ночную рубашку.

– Совершенно верно.

На щеках у Девон вспыхнул яркий румянец стыда.

– Кажется, вы сказали, что вы маркиз.

– Так оно и есть.

– Разве у вас нет прислуги? – Стыд Девон перешел в новый приступ негодования. – Как вы могли снизойти до того, чтобы дотронуться до столь ничтожного существа?

Он улыбнулся – почти весело.

– Не пытайтесь от меня отделаться, это в данном случае было бы невозможно. Относитесь ко мне как к вашей сиделке, мисс Сент-Джеймс, и будьте спокойны: я вылечу вас достаточно быстро. – Заметив, что Девон задохнулась от возмущения, Себастьян добавил мягко: – Если вы собираетесь спросить, почему мы не вызвали врача, я напомню вам, что врач мог бы задать вам немало вопросов, на которые вы не склонны отвечать.

Девон проглотила свое негодование. Он прав, ей следует придержать язык. Мама часто бранила ее за неумение делать это в нужных случаях. Как бы ни злили ее самоуверенность этого маркиза и его менторский тон, сейчас она должна смириться со своей судьбой. Девон напомнила себе, что находится сейчас в безопасности, далеко от Гарри и Фредди.

Он наклонился к ней настолько близко, что она ощутила запах крахмала от его сорочки. Попыталась отодвинуться, но

отодвигаться было некуда. Кончиками пальцев он дотронулся до нежной кожи у нее под ухом и проговорил озабоченно:

– У вас тут синяки.

Девон не ответила. Она пыталась по выражению его глаз догадаться, о чем он думает, но это оказалось столь же невозможно, как разглядеть хоть что-то в темном проулке в безлунную ночь.

– Вы склонны сообщить мне, откуда у вас эти кровоподтеки?

Боль в боку у Девон внезапно усилилась, но то было ничто по сравнению с ее душевной болью. Черное отчаяние охватило ее. Какой во всем этом смысл? Он ей все равно не поверит.

– Нет, – сказала она негромко.

– Вам больно?

Вопрос прозвучал настоятельно, однако жесткие нотки исчезли из голоса маркиза. Но Девон не поддавалась соблазну и отрицательно помотала головой.

– Может, дать вам настойки опия?

– Зачем? Чтобы вынудить меня говорить?

– Нет, – немного помолчав, ответил он. – Чтобы успокоить вас.

– Все будет в порядке, – возразила она и стиснула губы, чтобы не расплакаться, прекратить сопротивление, все рассказать ему... Она боялась, что не устоит, если он продолжит свои уговоры.

Она отвернулась.

– Если вы не возражаете, я предпочла бы остаться одна.

Уголком глаза она заметила, как направилась к двери тень его брата, но сам маркиз не двигался с места. Девон чувствовала, что он просто буравит ее взглядом.

– Вы, наверное, голодны. Я пошлю вам еды с кем-нибудь.

– Отлично, – сказала она. – Только не приходите сами.

– Учитывая ваше состояние, мисс Сент-Джеймс, я предпочитаю сделать вид, что не слышал этого. – Он слегка поклонился. – И буду ожидать удобного времени для нашей следующей встречи.

Девон, в свою очередь, этой встречи не хотела.

Глава 5

Джастин, скрестив руки на груди, ожидал брата в холле.

– Настоящая мегера, верно? – произнес он.

Себастьян сердито фыркнул:

– Мегера? Я бы подумал о прозвище более подходящем и намного менее благопристойном.

– Но ты должен признать, что она неглупа, – заметил Джастин с кривоватой усмешкой. – Меня позабавило, когда она обозвала тебя лордом Бесстыдником.

– Уверен, что тебе это было забавно, и признаю, что она неглупа. Но она что-то скрывает, Джастин. Я в этом убежден.

Глаза у Джастина вспыхнули.

– Предлагаю пари.

– Ты проиграешь, – предостерег Себастьян.

Джастин расхохотался.

В этот вечер после обеда Себастьян расположился в своем любимом кресле в библиотеке. День выдался хлопотливый. Всю первую половину его Себастьян занимался делами, и все это время его сопровождали неотвязные мысли о девушке наверху. Он так и не смог с хотя бы приблизительной точностью определить, во что они оказались замешанными. Хотя, подумал он с досадой, девица изо всех сил старается забыть о нем самом. Он заглянул к ней днем, но, едва завидев его,

она смежила веки и притворилась спящей.

Вечером будет бал у Уэдерби, но Себастьян уведомил запиской, что не может принять приглашение. Он не считал правильным оставить раненую девушку только на попечение слуг. По поводу его отсутствия языки любителей посплетничать заработают вовсю, особенно в связи с тем заявлением, которое он сделал на вечере у Фартингейлов, но свое решение он принял с легким сердцем.

Опустившись в кресло, Себастьян потянулся за газетой, которую принесли еще днем.

Вскоре он услышал в прихожей голос вернувшегося домой Джастина, а затем и приказание закладывать карету, после чего братец собственной персоной появился в дверях библиотеки.

– Я думал, ты уже одеваешься на бал у Уэдерби.

– Я не еду, – сказал Себастьян, покачав головой и показывая большим пальцем на потолок.

– Ах да, я и забыл. Остаешься сторожить фамильное серебро. – Джастин стянул перчатки. – Кстати, как она там?

– Лучше, чем я ожидал, но по-прежнему не слишком благосклонно относится ко мне.

– Да. Просто непонятно, с чего бы так... – Джастин помолчал и спросил: – Ты уверен, что не хочешь поехать на бал к Уэдерби?

– Совершенно уверен.

– Сидя дома, идеальную невесту не найдешь. Я думаю, у

Уэдерби нынче соберутся все милашки Лондона.

– И все они будут глазеть на тебя. Кроме того, если я перешагнул третий десяток, не сыскав себе невесты, то можно еще немного и подождать.

Себастьян зашуршал газетой, но брат вытянул ее у него из рук.

– Ты только послушай, – усмехнувшись, предложил он, откашлялся и огласил цитату из колонки светской хроники: – «Леди, надевайте шляпки! Маркиз Терстон, самый блестящий жених в Лондоне, заявил, что он ищет невесту и...»

– Господи помилуй! – громким восклицанием перебил брата Себастьян и выхватил у него газету.

– Клянусь, Себастьян, после такой сладкой приманки все милашки будут разочарованы тем, что тебя нет на балу. Я просто обязан хоть как-то утешить их.

– Уверен, что ты найдешь способ их развлечь, – бросил Себастьян и углубился в газету.

– Само собой, найду. У меня будет приятнейший вечер.

Джастин еще не вышел из комнаты, как вдруг Себастьян разразился громким проклятием. Джастин обернулся:

– В чем дело?

Лицо у старшего брата было мрачнее тучи.

– Я так и знал! – сказал он. – Я знал, что она что-то скрывает!

– Что ты имеешь в виду? – удивился Джастин.

Себастьян ткнул пальцем в газету:

– Ты помнишь, что она говорила о мужчине? Ну так вот, убитый мужчина был обнаружен на улице, соседней с той, где я наткнулся на нашу уважаемую гостью.

Боже милостивый!

– Он был членом одной из бандитских шаяк в Сент-Джайлзе, это установлено. – Две белые линии четко обозначились от уголков губ к подбородку Себастьяна. – Рядом с его телом нашли нож.

– Но ведь ты не думаешь... – медленно заговорил Джастин, уставившись на брата.

– Я думаю, что на повестке дня у нас повторный визит к милейшей мисс Сент-Джеймс, – перебил его Себастьян. – Полагаю, она может пролить свет на происшедшее. – Он подошел к двери, пинком отворил ее. – Господи, – пробормотал он, – хоть бы я не привозил ее сюда.

Джастин шел следом за ним, когда он поднимался по лестнице. В желтой комнате Девон сидела на постели, опершись спиной на подушки. Танзи, одна из горничных, только что убрала поднос с ее колен. Себастьян с удовольствием отметил про себя, что она съела почти весь обед.

При виде Себастьяна Девон вздернула голову:

– О, да это милорд Бесстыдник!

Себастьян тонко улыбнулся:

– Рад видеть, что вам уже лучше. Надеюсь, это поможет вам держаться ближе к истине. – Он остановился у кровати и бросил на колени Девон газету. – Полагаю, вы здесь найдете

интересные новости. – Он провел пальцем по заголовку.

Огромные золотисто-карие глаза обратились с его лица на газетный лист. Девон не сказала ни слова.

– Ну? – произнес Себастьян. Она продолжала хранить молчание.

– Мисс Сент-Джеймс?

Она еле заметно повела головой из стороны в сторону:

– Я... я не умею читать. То есть я хочу сказать, что знаю все буквы, но не могу складывать их в слова... кроме моего имени.

Себастьян молча ругнул себя: это следовало предвидеть.

– Ладно, тогда позвольте вам помочь. – Он снова взял газету в руки. – Недалеко от того места, где я обнаружил вас, нашли сегодня утром мужчину.

Девон заметно побледнела.

– Говорят, что поблизости заметили женщину в темно-сером плаще и большом капоре.

Девон перевела взгляд на поношенный капор, висящий на спинке обтянутого полосатым дамасским шелком стула на другом конце комнаты.

– Женщина, – продолжал он, – отличалась плотным телосложением, возможно, была беременна.

Он бросил взгляд на лежавшую на стуле подушку, потом пристально посмотрел на Девон.

Она закусила нижнюю губу. Взгляд у нее был явно виноватым.

– Этот мужчина был убит ударом ножа в грудь, мисс Сент-Джеймс.

– Что? – проговорила она слабым голосом. – Вы сказали, что он мертв?

– Именно. Рядом с ним нашли нож. Полиция утверждает, что это орудие убийства.

– О Боже! – прошептала Девон.

– Так вот, я спрашиваю: это вы его убили?

Девон приоткрыла рот, но ответа не последовало.

Впрочем, достаточно было взглянуть на ее ошеломленное лицо, чтобы понять, каков этот ответ.

– Кто первый нанес удар?

Девон не смотрела ему в глаза.

– Нож мой, – негромко призналась она. – Но это совсем не то, о чем вы думаете. Правда не то.

– Вы пытались его ограбить?

В ту же секунду ее горящие гневом глаза уставились на Себастьяна.

– Нет!

– Значит, ссора между любовниками?

– Любовниками... У меня нет любовника, – с негодованием произнесла она. – Я же сказала вам вчера вечером, что это он ограбил меня. Украл заработанные мною деньги и пытался отнять ожерелье.

Себастьян проигнорировал дрожащие губы – такие соблазнительные! – и продолжал расспросы. Он понимал, что

настало время, когда он может узнать правду.

– Газета утверждает, что убитый был членом бандитской шайки. Вы его знали?

– Клянусь, что нет. Мне известно лишь его имя. – Девон вздрогнула. – Его звали Фредди.

Она смотрела теперь на Джастина, который подошел к изножью кровати.

– Все, чего мы хотим, – это узнать правду, – спокойно проговорил он.

– Они преградили мне дорогу, этот Фредди и его брат Гарри. – Глаза Девон снова вспыхнули, когда она обратилась к Себастьяну. – Я же сказала вам, что их было двое. Гарри залез ко мне в карман и забрал деньги. Он сразу убежал в проулок. Фредди хотел вытащить ожерелье у меня из другого кармана. Меня не особенно беспокоило, что они украли деньги, но я не могла допустить, чтобы они отняли мое ожерелье. Я пыталась оттолкнуть Фредди, но он сдавил мне горло так, что я не могла дышать. Я вспомнила про нож и сумела достать его. Он был у меня в ботинке.

Себастьян бросил взгляд на ее шею. Так вот откуда эти синяки, подумал он. Фредди хотел ее задушить.

– Должно быть, Гарри вернулся и нашел тело Фредди, – высказал свои соображения Джастин.

– Вовсе не обязательно, – возразил Себастьян. – Это мог сделать и кто-нибудь другой. Зато Гарри вполне мог сообщить в полицию.

– Нет, – сказала Девон. – Он не посмел бы из страха, что его самого арестуют. Скорее всего какой-нибудь их дружок сообщил констеблю об этом деле. – Она быстро-быстро заморгала и опустила глаза.

Себастьян нахмурился. – Во всяком случае... – продолжила она голосом чуть громче шепота, – во всяком случае, это не имеет значения. Он ищет меня, и констебль тоже.

– Ищут женщину с большим животом, в плаще и нелепом капоре, – напомнил Себастьян. – Хоть вы и уверяете, что не воровка, одеты вы были соответственно.

Девон снова вздернула подбородок.

– Не смейте называть меня так. Можете считать меня убийцей, но я не воровка.

– Чем же вы зарабатываете на жизнь?

– Я служу в «Вороньем гнезде» и смею сказать, это заведение, в которое такие джентльмены, как вы и ваш брат, вряд ли когда заглядывали.

Какая дерзость! Ну и девчонка, просто сорванец, иначе и не скажешь! Себастьян вопросительно глянул на брата.

– Это пивная неподалеку от доков, – пояснил тот. Неудивительно, что от барышни несет рыбой, табаком и элем! Себастьян снова обратился к Девон:

– Вы употребили немалые усилия, чтобы скрыть вашу фигуру.

– Но совсем по иной причине, чем та, о которой говорите вы!

Он высоко вздернул брови:

– Хотел бы узнать, какова эта причина.

Глаза у нее так пылали, что Себастьяну пришло в голову: будь она посильнее, с радостью сомкнула бы пальцы у него на горле.

– Я нанимаю комнату у человека по фамилии Филлипс, в доме поблизости от Шелтон-стрит. Домой возвращаюсь очень поздно. Вы должны бы понять, что мой маскарад – способ защитить себя.

Братья переглянулись, оба явно сконфуженные. А гостья смотрела на них как на отъявленных болванов.

– Мужчины редко бросают на женщину второй взгляд, заметив с первого, что она беременна. И я пользовалась этим вплоть до прошлой ночи. – Она помолчала. – Я не хотела убивать Фредди... я просто хотела остановить его.

Вполне правдоподобное объяснение, сделанное прерывающимся от волнения голосом, с дрожащими губами... Может ли это быть ловким притворством?

Немного успокоившись, Девон снова обратилась к Себастьяну со словами, прозвучавшими на этот раз глухо и безнадежно:

– Лучше бы вы оставили меня там, на мостовой...

– Какая чепуха!

– Это правда, – возразила она с горечью. – Констебль мне ни за что не поверит, и мировой судья тоже. Я бедна. Я из Сент-Джайлза. Вот и весь резон, чтобы повесить меня. А

Гарри... – Она снова вздрогнула. – Он хитрый. Жестокий. Я поняла это по его глазам. А я... я убила его брата. Если он меня отыщет, лучше бы мне умереть там, где вы меня подобрали.

На этот раз ей ответил Джастин – решительно и резко.

– Послушайте, так говорить нельзя! И не надо бояться. В этом доме вы в полной безопасности. Мы с Себастьяном проследим за этим. Вы можете оставаться здесь сколько захотите. – Он встал и направился к двери. Взявшись за начищенную до блеска медную ручку, обернулся и добавил: – Ладно, хватит. Вам надо отдохнуть. Так что пожелаем вам доброй ночи.

Джастин, без сомнения, унаследовал фамильную самоуверенность Стирлингов. Себастьяну не оставалось иного выбора, как последовать за ним в коридор. Он закрыл за собой дверь и увидел, что Джастин стоит, прислонившись к стене.

– Не далее как прошлой ночью ты заявил, будто я положил глаз на эту девчонку, – заговорил старший брат не без иронии. – Но боюсь, это ты поддался ей, как бы это поточнее выразиться, явному очарованию.

– Чушь, – отрезал Джастин. – Я не настолько легкомыслен, как кажется. Она в опасности. Мы не посмеем ее выгнать. И не можем выдать полиции. – Он подождал ответа Себастьяна, но тот промолчал. – Слушай, ты же не считаешь ее убийцей?

Себастьян все еще медлил, борясь с внутренними сомнениями, потом сказал:

– Нет. Но полагаю, не стоит забывать о том, что она из Сент-Джайлза. Приюта нищих. Воров. Проституток.

– О, понимаю. Ты считаешь, что она женщина легкого поведения?

– Я бы сказал, женщина нецеломудренная.

– Улицы Сент-Джайлза – скверное, грязное место. Живя там, нелегко сохранить невинность.

– Вот именно. И если она твердит, что не воровка, это еще не значит, что так оно и есть.

– Она в ужасном положении, Себастьян. Если мы обратимся в полицию, ее там и слушать не станут. По ее собственному признанию, она убила Фредди. А ее происхождение из Сент-Джайлза уже само по себе преступление. Что, если полиция предпочтет осудить, а не осуществить правосудие? Естественно, что она старается защитить себя. Воровка она или нет, Девон не заслуживает виселицы.

Это было малоприятное умозаключение.

– Я тоже думал об этом, – спокойно согласился с братом Себастьян. – Вполне вероятно, что они рассудят примерно так: чем меньше на улицах подобных нежелательных личностей, тем лучше.

Однако сейчас «нежелательная личность» находилась у него в доме, и нельзя сказать, чтобы он был особенно рад тому, что Джастин безоговорочно предложил предоставить

ей безопасное убежище.

– Ты сказал ей, что она может оставаться здесь, сколько пожелает, но я хотел бы надеяться, что она не истолкует это как предложение стать постоянной гостьей в доме.

– В таком случае она стала бы уже не гостьей.

– В таком случае ты, может, взял бы ее к себе, когда приобретешь собственный городской дом. Ты как-то упоминал, что такая возможность вроде бы наклеывается.

– О, я не склонен спешить с этим.

– Я заметил.

– Мой дорогой старший братец, я хотел бы обратить твое внимание на две вещи. Во-первых, это ты привез в дом милую леди Девон, ..

– Спасибо за напоминание, – вставил Себастьян.

– А во-вторых, готов присягнуть, что ты чувствуешь себя одиноким в этом чудовищно огромном доме.

– Джулианна сейчас путешествует, однако живет она здесь, – в свою очередь, напомнил Джастину старший брат. – И я очень хотел бы, чтобы наша дорогая сестрица была дома и ухаживала бы за этой парвеню.

– Но ты же сам сказал, что наша подопечная пошла на поправку.

– Пройдет еще какое-то время, пока она окончательно встанет на ноги. Не мешало бы ей, так сказать, нарастить мяса на косточках, если ты этого не заметил.

– Я-то заметил. И, судя по тому, как ты о ней отзываешься,

удивлен, что ты тоже это заметил.

Себастьян почувствовал легкий укор совести.

– Я не считаю себя бесчувственной скотиной, Джастин.

Джастин изменился в лице.

– И смею сказать, что в Лондоне найдется женщина, которая могла бы назвать бесчувственной скотиной тебя, дорогой братец.

– О, смею сказать, даже не одна, – сверкнув глазами, весело согласился Джастин. Он помолчал, взгляд его посерьезнел. – Она была испугана, Себастьян, она изо всех сил старалась сдержать слезы.

Себастьян попытался вспомнить побледневшее лицо Девон, выражение блестящих, янтарного оттенка глаз. Он твердил себе, что то не были слезы. Господь свидетель, ему всегда было невыносимо зрелище плачущей женщины. Это рывало ему сердце, обжигало душу. Джулианна могла бы это подтвердить. Он совершенно терялся, когда сестра, опустив глаза, принималась всхлипывать с дрожащими губами. Нельзя сказать, чтобы Джулианна была слабым духом, плаксивым созданием. Далеко не так. Но при том, что она отличалась стойкостью и душевной силой, она обладала нежным, отзывчивым сердцем – других таких он не знал. И если она или любая другая женщина плакала, он не мог оставаться равнодушным. Не мог просто повернуться спиной и уйти. Делал все, что было в его силах, чтобы унять эти слезы, утешить плачущую.

Достаточно редко проявляемая участливость Джастина только ухудшила его настроение. Боже милостивый, даже Джастин, совершенно нечувствительный к женским слезам, Джастин, который разбил больше женских сердец, чем все донжуаны Лондона, вместе взятые, и то был тронут.

Ах, черт, черт побери, он и в самом деле повел себя как бессердечная скотина? Ведь девчонка и вправду попала в ужасное положение.

– Может, стоило бы навести справки на основании того, что она утверждает? – произнес он негромко. – Особенно об этом мерзавце Гарри?

– Я попробую, – отозвался Джастин, кивнул и направился к лестнице.

– Послушай-ка, – окликнул его Себастьян, – нельзя, чтобы узнали, что это мы проявляем интерес к происшествию.

Джастин наклонил голову набок и весьма выразительно глянул на брата:

– Разве я хоть раз в жизни проболтался о чем не следовало?

В ответе Себастьяна на этот вопрос прозвучала самая малость иронии, когда он с пафосом произнес:

– Никогда!

– Ага, вот видишь. – Улыбка младшего брата была отчасти ехидной, отчасти озорной – типичной для Джастина. – Ты имеешь в виду, что изредка такое случалось.

– Полагаю, ты отлично понял, что я имею в виду. Улыбка

Джастина угасла, теперь он смотрел на брата очень серьезно.

– Понимаю, – сказал он. – Остается заверить тебя, брат, что ты можешь на меня положиться.

Глаза их встретились, и Себастьян проговорил мягко:

– Я знаю.

Глава 6

В желтой комнате Девон горько всхлипывала, уткнувшись лицом в подушку. Она была в ярости, оскорбленная как никогда в жизни, до самых глубин своей страдающей души.

Сердце ее словно сжала ледяная жесткая рука. Мама пришла бы в ужас, узнай она, что у Девон есть нож и что, мало того, она пустила его в ход. Когда-то она дала маме слово, что не станет воровкой, проституткой или нищенкой.

А теперь она стала убийцей.

Чувство вины не давало ей ни секунды покоя. Она хотела бежать из Сент-Джайлза. Хотела этого больше всего на свете. Но разве такой ценой?

Господи, как тяжело на сердце! Себастьян Стирлинг счел ее воровкой. Воровкой!

Она и не думала воровать.

Во всяком случае, никогда больше.

Потому что она однажды совершила кражу. Стащила пирожное в кондитерской. Оно было такое соблазнительное. Лежало на хорошенькой белой тарелочке с голубыми и желтыми цветочками... Хозяйка кондитерской как раз отвернулась и была чем-то занята, она не могла увидеть, как Девон взяла пирожное. Всю дорогу домой она бежала как можно быстрее.

А потом на чердаке Девон села на пол и откусила от пи-

рожного первый кусочек – до сих пор она помнит его дивный медовый вкус.

Мама застала ее на месте преступления.

– Ты это украла?

Сладкое тесто у Девон во рту мигом превратилось в песок. Ей пришлось его проглотить – иного выхода не было. И отвечать маме было незачем.

– Ты больше никогда не будешь воровать, Девон Сент-Джеймс! – выкрикнула разъяренная мать. – Пускай мы живем во зле, но сами мы не зло.

Потом они обе плакали. Девон впервые видела свою маму плачущей.

И теперь слезы тоже готовы были пролиться, но Девон поспешила сморгнуть их. Ей нельзя плакать. Ни в коем случае. Она не в силах изменить происшедшее. Фредди мертв.

И не может она оставаться в этом доме. Его доме. Потому что он не хочет, чтобы она была здесь. Но ей необходимо вернуть свое ожерелье.

Тогда она отсюда уйдет.

Глаза Девон были устремлены на дверь. Решительным движением она откинула одеяло и подвинулась на самый край постели. Комната словно бы завертелась вокруг нее, Девон стало нехорошо. Мир утратил привычную устойчивость. Девон заставила себя сесть, прижала ко лбу дрожащую руку. Больше всего ей сейчас хотелось вернуться в уютное, облакивающее тепло мягкой, чудесной кровати. И комната

такая красивая... С тоской подумала она, как хорошо было бы жить в такой вот роскоши, носить ласкающее кожу нижнее белье вроде ночной рубашки, которая и сейчас окутывала ее тело. Богатый паркет так отполирован, что, кажется, стоит постараться, и увидишь в нем собственное отражение. Солнечно-желтые занавески кровати, многоцветное, пестрое одеяло – все это как сияние радуги, осенившей ее, Девон.

Но он не хочет, чтобы она была здесь.

Девон посмотрела на свой капор, который все еще висел на столбике стула. Как это сказал Себастьян? Ищут женщину с большим животом, в плаще и нелепом капоре.

Крепко сжав губы, Девон спустила с кровати ноги и встала. Острая боль пронизала раненый бок. Она осторожно постояла с минуту, чувствуя, как теряет силы, и отчаянно сопротивляясь этому ощущению. Колени дрожали, Девон даже не могла выпрямить спину. Слаба, точно старая карга, да и выглядит, наверное, соответственно.

Дверь внезапно отворилась.

– Проклятие! – услышала она. – Какого черта вы это делаете?

Она устремила гневный взгляд на Себастьяна:

– Мне кажется, это совершенно очевидно. Я собираюсь уходить. И мне кажется, вы говорили, что язык трущоб неприемлем в вашем доме. Как видно, на хозяина этот запрет не распространяется, не так ли, милорд?

Он пропустил мимо ушей ее выпад. Она выглядела умирительно в своем дурацком капоре. Себастьян скрестил руки на груди.

– Повторяю, какого черта вы это делаете?

– Собираюсь уходить. – Почти воинственно Девон затянула ленты капора. – И вы меня не остановите.

– Вы точно в той же степени не в состоянии уйти, как были не в состоянии войти сюда на собственных ногах.

Съездившись, она пошатывалась из стороны в сторону, словно пьяная, – того и гляди, упадет. Но глаза горели яростным огнем. Джастин был прав. Она особа вздорная и упрямая.

– И что вы намерены надеть на себя? – спросил Себастьян.

– Боюсь, что придется воспользоваться этим ночным одеянием. Но не беспокойтесь, я верну его вашей сестре. Впрочем, может, она захочет поносить мою одежду, как я носила ее вещи.

Дерзкая девчонка! Эту роль она разыгрывает здорово, но при этом гордости и самолюбия у нее хоть отбавляй.

– Сомневаюсь, – сказал он, окинув ее быстрым взглядом. – Джулианна весьма практична, но становится необычайно придирчивой, когда дело касается выбора одежды. Кстати, Танзи починила ваш плащ и ваше платье, а также почистила ваши ботинки. Не понимаю, чего ради она старалась.

– Пожалуйста, поблагодарите ее от меня. И где же вещи?

Себастьян повел рукой в сторону гардеробной, потом прошел туда и распахнул дверь.

– Вот, возьмите их, если вам так хочется.

Девон бросила на него прямо-таки уничтожающий взгляд. Сделала один шаг, потом осилила второй. Попыталась выпрямиться, но не преуспела. Ночное одеяние сползло с плеч, открыв заинтересованному взору обнаженную натуру. Взор Себастьяна был откровенно заинтересованным, он не преминул воспользоваться случаем.

Девон это заметила.

– Ах ты, надутый, спесивый осел, чертов аристократ!

Источником этих бранных словес явно послужили закоулки Сент-Джайлза. Девон сжала кулак и нацелилась им в челюсть Себастьяна.

То было жалкое усилие. Она свалилась прямо ему в руки, и Себастьян не мог даже пошевелиться.

– Не повезло вам, – проговорил он спокойно.

– Отпустите меня! Вы не хотите, чтобы я оставалась здесь.

Она тяжело повисла на нем, и глаза ее все так же гневно сверкали сквозь пряди светлых волос. Волосы упали ему на плечо, заструились по рукаву, густые, выющиеся, отливающие золотистым блеском какого-то необычного оттенка. «В них словно отсвет лучей заходящего солнца», – подумал Себастьян.

Он вздохнул и заговорил:

– Дорогая моя юная женщина, вы ранены. Должен ли я

напомянуть, что вы находитесь под моим наблюдением?

– Вашим наблюдением, скажите, пожалуйста! Не понимаю, с чего это вы беспокоитесь, ведь вы недвусмысленно выразили свое отношение ко мне. Кроме того, мне не нравятся, как вы на меня смотрите.

Себастьян недоуменно заморгал:

– Прошу прощения?

– Вы смотрите на меня точно так же, как мужчины в «Вороньем гнезде». Но я не публичная девка.

То был самый бурный взрыв праведного негодования, какой ему приходилось наблюдать.

– Если вы намерены смотреть на меня, то смотрите прямо в глаза, сэр!

«Сэр». Это уже нечто иное, нежели «чертов аристократ». И совсем иное, нежели «лорд Нахал». Кажется, он приобрел в ее глазах более благопристойный статус.

На этот раз он поостерегся смотреть ей в глаза, столь же необычные, как и волосы. Окруженные густыми черными ресницами, они казались почти золотыми. Он никогда не видел ничего похожего.

– Вы правы. Я повел себя не так, как подобает джентльмену.

– Рада, что вы это признаете.

Она запрокинула голову, чтобы посмотреть на него, и пресловутый капор свалился у нее с головы прямо на пол.

– Мой капор! – вскрикнула Девон. – О, пожалуйста, под-

нимите его, он мне нужен.

– Но он уже никуда не годится, – не подумав о возможных последствиях, сказал Себастьян.

– Ничего подобного! – снова взвилась Девон. – Он очень красивый, и он мой! Также, как и ожерелье. Как только мне вернут его, я уйду своей дорогой.

Губы у нее дрожали, в глазах появился подозрительный блеск.

«Господи, – в страхе молил небеса Себастьян, – только не плачь!»

Сдавленный всхлип... У него словно что-то сжалось внутри. Проклятие, ему следовало это предвидеть. Надо что-то предпринять, иначе буря неизбежна. Он не успел ничего подходящего придумать, так как Девон в эту минуту попыталась наклониться и поднять с пола капор. Себастьян крепче сжал ее и сказал достаточно мягко, но настойчиво:

– Вам нельзя уходить сейчас. Как вы думаете, не стоит ли обратиться к констеблю?

– На черта мне ваш констебль!

Нет, если она останется здесь, придется что-то делать с ее языком.

– Ну а как насчет Гарри? Вопрос явно привел ее в смятение.

– Гарри? – прошептала она.

Себастьян почти физически ощутил ее страх.

– Нуда.

– Вы думаете, он станет меня искать?

– Не знаю, – совершенно искренне ответил он. – Здесь он вас не найдет. Более того, и не подумает искать вас в Мейфэре. Это совсем иной мир, нежели Сент-Джайлз.

Девон подняла на него встревоженные, умоляющие глаза.

– Вы не позволите ему отыскать меня?

– Никоим образом.

Силы Девон были на исходе. Ноги уже не держали ее, и он повисла на руках у Себастьяна. И на этот раз не последовало бурного протеста, когда он поднял ее, чтобы отнести в постель. Только просьба:

– Мой капор... пожалуйста, поднимите его.

Себастьян исхитрился нагнуться за драгоценным предметом туалета, а Девон в это время обхватила его за шею. Он осторожно опустил ее на постель, потом вручил ей капор.

В ту же секунду она водрузила капор себе на голову.

Он увидел, как она вытирает слезы. Сказать по правде, он не понимал, что с ним происходит. И не помнил, как сел на постель рядом с ней.

– Вам надо отдохнуть и полежать спокойно, Девон.

Глаза у нее были полузакрыты. При звуке его голоса она приоткрыла один и сказала:

– Не помню, чтобы вы до этого хоть раз назвали меня по имени.

Утверждение тем более примечательное, что она только что была в его объятиях, а теперь лежала в его постели. Соб-

ственно, постель не его, но дом принадлежит ему. Улыбка слегка раздвинула уголки его губ, но он успел ее спрятать, пока Девон не заметила.

– А можно мне? – спросил он серьезно.

– Можно что?

Она была измучена, он определил это по темным кругам вокруг ее глаз.

– Можно называть вас Девон?

– Думаю, можно. А как мне в таком случае называть вас?

– Только не «лорд Бесстыдник».

У нее на губах промелькнула тень усмешки.

– Вы предпочитаете прозвание «лорд Нахал»?

– Девон! – Он поднял брови. – Я считаю, что мы с вами вроде бы заключили перемирие. Давайте же не будем его нарушать. Называйте меня Себастьяном, это вполне приемлемо и даже приятно.

Улыбка Девон дрогнула. Она отвернулась и произнесла очень тихим и слабым голосом:

– На самом деле я не хотела уходить.

– Не хотели? Нет. Это все потому, что у вас такой угрожающе серьезный вид.

Ничего себе лестно, подумал он, уж не принимает ли она его за людоеда?

– Да, я понимаю, – буркнул он. – Это Джастин мил и приятен, а не я.

– Что вы имеете в виду?

– Дорогая моя, вы только что сказали, что я выгляжу угрожающе.

– Не просто угрожающе, а угрожающе серьезным.

Она произнесла это с таким эмоциональным нажимом, что Себастьян был просто потрясен. Потом он вспомнил ночь, когда нашел ее. Она тогда назвала его красивым. Его. Он ничего не ответил, просто посидел молча на кровати с минуту, испытывая странное и самому неясное ощущение в груди. Веки Девон начали медленно опускаться, но вдруг она вздрогнула – очень сильно.

Себастьян наклонился, борясь с желанием убрать прядь волос со щеки Девон.

– Что с вами? – ласково спросил он.

– Я вспоминаю ту ночь, когда лежала на улице, вспоминаю тот ужасный холод. – Голос ее перешел в шепот. – Я больше не хочу снова очнуться так.

Руки ее оказались в его руке. Не мягкие и нежные ручки леди в перчатках, но шершавые, покрасневшие и сухие – и такие маленькие в его большой ладони.

– Этого не будет, – сказал он спокойно. – А теперь постарайтесь уснуть, Девон.

– Наверное, я не смогу, – произнесла она. – Я... – она запнулась, – боюсь.

– Чего?

– Что, когда я проснусь, все это исчезнет. Что вы исчезнете.

Себастьян ощутил невыразимое удовольствие от этих слов.

– И ваш брат Джастин тоже.

«Так и есть, Джастин», – эхом отозвалось у него в голове. Он крепче сжал в ладони тоненькие пальчики.

– Обещаю, что все будет на месте, когда вы проснетесь.

Веки ее затрепетали – она вот-вот уснет. Послышался легкий вздох.

– Эта комната... так прекрасна. Правда, она прекрасна. О Себастьян... я хотела бы... остаться здесь навсегда.

Сердце Себастьяна попало в плен. Она не заплакала из-за Гарри, она заплакала из-за своего нелепого капора. Было в ней сейчас что-то невероятно трогательное. Слабая, как котенок, она побила его – не в словесной перепалке, а в буквальном смысле слова. Он усмехнулся при мысли об оплеухе, которую едва не получил от нее. Он никогда еще не встречал женщины, столь преисполненной силой духа. Если не считать Джулианны. Но почему-то в эти минуты воинственная мисс Девон Сент-Джеймс казалась такой хрупкой, что он боялся до нее дотронуться.

И тем не менее не удержался от этого.

Глаза у нее были плотно закрыты. Она пробормотала сквозь сон что-то неразборчивое.

Медленно и осторожно он дотронулся кончиком пальца до ее маленького носа, соблазнительно полных губ, изящно очерченного подбородка. Странное ощущение где-то под ло-

жечкой вынудило его задержать дыхание. Иисусе, как же она изысканна с этим своим бледным лицом и совершенством черт! Как нежна ее перламутровая кожа!

Он убрал руку.

Шантаж, мрачно решил он. Эмоциональный шантаж этой бродяжки и его беспутного брата. Он не понимал, как это случилось и почему, но он, несомненно, был очарован. Во всяком случае, обезоружен.

Он не мог бы прогнать ее. Даже если бы хотел этого.

Даже если бы она украла столовое серебро.

Глава 7

Поздним утром на следующий день Джастин явился к брату в кабинет.

– Я поручил Эйвери проверить рассказ Девон.

Эйвери служил их семье около двадцати лет; его преданность была вне всяких сомнений, и Себастьян знал, что лакею можно смело поручить решение таких же задач, какие решал его хозяин.

Себастьян сомкнул кончики пальцев обеих рук.

– Ну и?..

– По всей видимости, все это правда. И насчет того, где она жила, и насчет того, где работала.

Себастьян выслушал информацию с мрачным видом.

– А та парочка, на которую она натолкнулась? Гарри и Фредди?

– Я бы сказал, ей повезло, что она осталась жива. В высшей степени опасная парочка эти двое. Если она и убила Фредди, то, несомненно, сделала это, защищая свою жизнь. Я бы только хотел, чтобы Гарри присоединился к своему братцу на том свете. Мир здорово выиграл бы, избавившись и от него.

Себастьян кивнул:

– Передай Эйвери, чтобы держал глаза и уши открытыми.

– Я уже так и сделал.

Когда Джастин ушел, Себастьян вернулся было к своей работе. Работа! Она стала невозможной. Он старался выбросить из головы сведения, собранные Эйвери. Старался выбросить из головы ее самое. Но не мог забыть страх, который увидел в ее прекрасных золотых глазах.

И словно бы ощущал в своей ладони тоненькие ледяные пальчики.

Это терзало его душу до тех пор, пока не стало непереносимым.

Это было неразумно. Более того, это было попросту глупо. Но он не мог это отложить.

Он не успокоится до тех пор, пока своими глазами не увидит, откуда явилась Девон.

Часом позже Себастьян сидел среди портовых рабочих, которые ели и пили в «Вороньем гнезде». Он был одет, как и все остальные клиенты заведения, в грубошерстную одежду. Ему хотелось привлечь как можно меньше любопытных взглядов, когда он, пригнув голову в дверях, вошел в пивную, мрачную и плохо освещенную.

Помещение было маленькое и убогое, публика шумная, можно даже сказать буйная, голоса охрипшие, а речи представляли собой главным образом сквернословие. Мужчины сидели в тесном соседстве друг с другом за длинными грубо сколоченными деревянными столами. Себастьян занял место за одним из столов.

Пухленькая официантка с волосами цвета соломы тотчас подошла к нему.

– Вы у нас новенький, верно? – спросила она и, не дав Себастьяну возможности ответить, задала новый вопрос: – Как вас зовут?

– Патрик, – не моргнув глазом отвечал Себастьян.

– Отлично, Патрик, а меня зовут Бриджет. Что вам подать?

– Эль.

Здоровенный бородатый парень, который сидел напротив Себастьяна, со стуком поставил на стол пустую пивную кружку.

– Черт, а как насчет меня? – прорычал он. – Может человек получить вторую пинту пива в этом логове?

– Успокойся, Дэви. Твою пинту подадут сию минуту.

– Хорошо, – буркнул парень. – А куда, к чертям, подевалась Девон?

При этих словах Себастьян напрягся. Парень, сидевший с ним рядом, пожал плечами.

– Я тоже ее не вижу второй вечер подряд, а может, и больше, – сказал он. – Тимми уверяет, будто она решила, что слишком хороша для нас. – Он повернул голову и указал подбородком на увальня за стойкой бара: – Говорит, что завтра на ее место придет другая девчонка. Будем надеяться, что она хоть наполовину такая красотка, как наша Девон.

Себастьяна обдало жаром. К счастью, Бриджет водрузи-

ла перед ним большую кружку пенящегося эля, и он немедленно приложился к нему, а Бриджет направилась к стойке. Завсегдатай, устроившийся в самом конце стола, успел ухватить девушку за юбку и усадил ее к себе на колени. Внезапность движения привела к тому, что полные груди Бриджет едва не выскочили из корсажа.

Мужик восторженно заорал:

– Не девка – сладкая конфетка, а, парни?

Бриджет разразилась громким смехом, и оба – она и клиент – свалились на пол. Себастьян заметил, как мужчина что-то шепнул девушке на ухо и что-то втиснул ей в ладонь. Бриджет кивнула.

Себастьян бросил на стол монету и встал. Не было нужды оставаться здесь дольше. Он увидел все, что хотел увидеть.

Но, оказавшись на улице, он не пошел туда, где оставил своего кучера Джимми, а повернул в другую сторону и углубился в темные проулки Сент-Джайлза.

Дело его было еще не закончено.

Когда он вернулся в Мейфэр, час был поздний. Едва переступив порог, подумал, что Джастин непременно вскоре объявится, – и не ошибся в своих предположениях.

Джастин и в самом деле объявился.

Они столкнулись в прихожей лицом к лицу.

– Себастьян? – услышал он изумленный голос брата, после чего Джастин окинул его взглядом с головы до ног. – Боги небесные, что за дрянь ты на себя нацепил?

– Меня зовут Патрик, – представился он, слегка приподняв надетую на голову шапку из грубошерстной материи. – Я матрос с севера.

– Доведись нам встретиться на улице, я бы тебя не узнал.

– Этот костюм я надевал на бал-маскарад у Пембертонов несколько лет назад, – пояснил Себастьян. – Не только нашей гостье свойственно умение изменять свой облик.

– А, это она послужила причиной... – начал было Джастин, но вдруг умолк и брезгливо повел своим аристократическим носом. Отступил на шаг и скривил рот. – Господи, от тебя разит элем! И табачным дымом. Только не говори мне, что ты побывал в Сент-Джайлзе.

Себастьян уже направлялся к своему кабинету и пропустил мимо ушей укоризненный тон брата. Бросил только:

– Ну и отлично. Не стану говорить.

Однако Джастин следовал за ним по пятам.

– Черт побери, – процедил он сквозь зубы. – Я же сказал тебе, что поручил Эйвери проверить рассказ Девон. Ты что, не поверил мне?

Себастьян уже взялся одной рукой за графин, в который было налито бренди, а второй – за стакан.

– Дело не в этом, – сказал он.

– Тогда в чем оно? Ты сомневаешься в ней? В Эйвери? Во мне? Или во всех троих?

– Дело не в этом, – повторил с нажимом Себастьян. Помолчал и добавил: – Я должен был увидеть сам. Должен.

Молчание повисло в воздухе. Себастьян поднес стакан к губам.

Джастин опустился в кресло напротив брата.

Откинувшись на спинку своего кресла, Себастьян запустил пальцы в спутанные черные волосы.

– Боже мой, – проговорил он странным, напряженным голосом. – Я чувствую себя так, словно побывал в аду. – Начав говорить, он, казалось, уже не мог остановиться. – Я велел Джимми высадить меня на окраине Сент-Джайлза. Едва завернув за угол, я встретил мужчину без обеих рук. Женщина без ног скрючилась на пороге какого-то дома неподалеку от «Вороньего гнезда».

– Это уловка. Обман. Надеюсь, ты не дал им денег.

– Никоим образом, – ответил Себастьян с невероятно надменным видом, который мог бы утратить кого угодно, только не его брата. – Я дал денег трем босоногим мальчуганам.

Джастин одобрителем кивнул и сказал:

– Вот это правильно.

– Покинув «Воронье гнездо», я отправился к месту жительства Девон.

– Что-что?

– Не прикидывайся, ты отлично слышал, что я сказал.

Итак, я туда отправился.

Джастин наклонился и оперся на локоть.

– Господи милостивый! У тебя были столкновения с кем-нибудь из тамошнего отребья?

Себастьян рассмеялся – жестким смехом.

– О да! Например, с каким-то попрошайкой. Я бросил ему несколько монет, он поблагодарил, а потом попытался обчистить мои карманы. – Последовала долгая пауза, а потом Себастьян улыбнулся легко и весело. – Он не преуспел в своем намерении. За первым последовали другие. – Улыбка стала шире. – Они оказались более настойчивыми, продолжив дело, начатое первым, когда тот убежал.

– Они?!

– Да. Их было двое.

– Надеюсь, ты позвал на помощь.

Себастьян раскрыл ладонь и пригнул к ней пальцы, словно бы разглядывая ногти.

– В этом не было нужды, – произнес он беспечно.

– Дурацкое безрассудство! В этом была прямая необходимость.

Себастьян осторожно подул на костяшки пальцев и посмотрел на брата:

– Никакой. Ты разве не знал, что в Оксфорде я считался лучшим боксером? И неоднократно получал призы. Впрочем, ты вряд ли знал, ты же поступил в Кембридж. Видимо, я сохранил свое умение, потому что, как видишь, удалился оттуда без единой царапины.

Джастин потянулся за графином.

– Ладно, ладно, у каждого из нас есть свои секреты. Но мне просто не верится, что ты снова отправился в Сент-

Джайлз и снова в одиночку. Черт побери, мне надо выпить!

Он выпил бренди в два глотка и собирался налить себе еще, но, заметив выражение лица Себастьяна, опустил руку, в которой держал стакан.

– Что-нибудь еще? – спросил он встревоженно.

– Да.

– Я весь внимание, – буркнул Джастин. Себастьян потер пальцы и сообщил:

– Я познакомился с Филлипсом.

– Домохозяином Девон?

– Именно. Полагаю, что по своей организации он где-то на уровне червя.

– Понятно.

– Он не слишком обрадовался, когда пьяный шотландский матрос постучал явно не в ту дверь и нарушил его крепкий сон.

Джастин наконец обрел свой обычный апломб.

– Он и в самом деле посчитал, что ты ошибся домом?

– Да. Но он запел совсем иную песенку, едва я упомянул, что мне негде ночевать. Сообщил, что у него есть подходящее помещение.

– Значит, ты видел, где жила Девон?

– Видел. Рассказать тебе об этом? Потолок в этой дыре такой низкий и к тому же еще и покатый, что я не мог выпрямиться во весь рост. Единственное окно. Единственный предмет обстановки – убогая койка в углу. Даже повернуть-

ся негде. – Себастьяна снова обдало жаром. – Он назвал Девон маленькой нахальной сучкой, которая сбежала, не уплатив за жилье. Мне сильно захотелось наставить ему фонарей под оба глаза. Увы, я воспользовался этой возможностью. Я заявил, что ожидал большего, чем эта мерзкая дыра, и Филлипс выразил протест. В результате я тоже выразил протест. – Он стиснул челюсти. – Господи, Джастин, посмотрел бы ты на это! Я в жизни не видал более убогого жилья. И Девон жила там. Она там жила, пойми! – Повернув голову, Себастьян несколько секунд молча смотрел в затененный угол. – Она туда не вернется. Никогда. Я этого не допущу.

Джастин окинул брата внимательным взглядом.

– И это суждение исходит от человека, который и думать поначалу не хотел о том, чтобы она осталась здесь. – Джастин недоуменно поднял брови, так как выражение лица у Себастьяна оставалось по-прежнему жестким. – С чего это ты так насупился? Нынче вечером ты уже набил морду троим...

– Четверым. Ты забыл Филлипса.

– Во всяком случае, я не хотел бы стать следующим. – Джастин помолчал. – Какие у тебя планы на ее счет?

Отсутствующий взгляд.

– Понятно. Планов пока нет. Зная твою склонность к сантиментам, я понимаю, насколько тебя это раздражает.

– Прекрати, Джастин.

– Имей терпение. Сегодня ночью ты сам на себя не похож.

Я почти верю, что в тебя вселился матрос Патрик. – Джастин покачал головой с хорошо разыгранным притворным осуждением. – Подумать только: выпивал, шатался по темным улицам. Если бы отец был жив, он, без сомнения, выразил бы тебе свое неудовольствие.

Себастьян с трудом сдержал охватившее его негодование. Гневные вспышки были ему несвойственны, он если и злился, то не без основательной причины. Однако он терпеть не мог едкую иронию брата. Джастин отлично понимал это, но случилось, не считал нужным от нее воздерживаться.

Себастьян полагал, что не в меру острый язык когда-нибудь доведет брата до беды и тогда он пожалеет о своей склонности к излишнему сарказму.

Заговорил он, впрочем, вполне сдержанно:

– Давай не будем об этом, брат.. Постараюсь не вспоминать о происшедшем и настоятельно прошу тебя о том же.

– Ты прав. Как всегда. Но позволь напомнить тебе об одном обстоятельстве.

– Какое это?

– Я далек от желания подчеркивать, как бы это выразиться поизящнее, некоторую необычность ситуации, но под нашей крышей оказалась молодая незамужняя женщина. Я знаю, как ты относишься к скандальным положениям. И потому в случае чего готов принять грех на себя...

– Не говори чепухи, – перебил брата Себастьян, который внезапно ощутил, что напряжение его оставило, сменившись

почти приятной расслабленностью. Необычайно живая натура Джастина хоть кого могла сбить с толку. – Мы дали приют бедной обездоленной девушке с улицы. Наши слуги слишком преданы нам, чтобы задавать неуместные вопросы или предать меня.

Последние слова он произнес с достоинством подлинного аристократа, пожалуй, излишне подчеркнутым.

– Это правда. Твоя репутация выше всяких подозрений.

– А твоя – за их пределами.

– Не могу с этим спорить. – Джастин достал из кармана сигару. – Кстати... как идет охота?

Себастьян уставился на брата непонимающими взглядом:

– Ты что, парень? Охота? Я вовсе не собираюсь охотиться.

Джастин расхохотался.

– Так ты это бросил?

Только теперь Себастьян понял, что Джастин имеет в виду.

– Господи, поиски невесты – это последнее, о чем я сейчас могу думать.

Он сердито насупил брови, когда Джастин расхохотался еще веселее.

Глава 8

Девон выздоравливала. Она быстро поправлялась. Через несколько дней она уже могла вставать с кровати. Боль в раненом боку несколько поутихла. Девон была в состоянии сидеть и даже ходить по комнате. Танзи, веселая маленькая горничная, однажды утром явилась в спальню с целым ворохом платьев Джулианны в руках – по распоряжению милорда Себастьяна, как она сообщила. Платья были в самый раз на бедрах, в длину, в плечах, но, увы, не в груди. Пышные округлости Девон выпирали из лифа, выступая над линией выреза. Джулианна явно была менее развитой в этой части своей фигуры.

До шестнадцати лет Девон была хрупкой и тощенькой, и ее обычно принимали за ребенка более младшего возраста. Она почувствовала величайшую гордость, когда ее едва заметные грудки начали наливаться, – какая девочка не жаждет стать женщиной? Однако, поступив на работу в «Воронье гнездо», Девон лютой ненавистью возненавидела голодные, волчьи взгляды, которые мужчины бросали на ее фигуру, в особенности подолгу задерживая их на ее груди. Точно так же смотрели они и на Бриджет, которую к тому же щипали и тискали.

Однажды Девон спросила Бриджет, почему мужчины обращают такое пристальное внимание на женскую грудь. Та

пожала плечами и коротко ответствовала: «Потому что они мужчины». За все время, что Девон проработала в пивной, она так и не смогла привыкнуть к этим хищным взглядам. И почему-то чувствовала, что никогда не привыкнет.

Мысль о том, что ей придется вернуться в «Воронье гнездо», приводила ее в дрожь. Она решила избежать этого любой ценой. Твердила себе, что непременно найдет иной выход. Надо только как следует поискать. Бывают же на свете чудеса. Само ее пребывание здесь, в Мейфэре, может служить тому доказательством.

Каждое утро, просыпаясь в чудесной комнате, похожей на вспышку солнечного света, Девон напоминала себе, что все это не сон, что большой дом в Мейфэре – самая настоящая реальность, в которой она существует. Завтракает в постели. Чай пьет у окна, и ноги ее в это время заботливо укутаны одеялом. Обедает у камина, в котором пылает жаркое пламя. Ночью в постель ей кладут грелку к ногам. Разве это не истинный рай? Ни голода, ни вечной тревоги, вызванной страхом, что ей не хватит ее жалких пенсов, чтобы уплатить за комнату.

Но она не должна слишком привыкать ко всему этому. Девон молила Бога, чтобы, когда она поправится, Себастьян позволил ей остаться здесь до тех пор, пока она не найдет себе подходящую службу в доме, похожем на этот. Она готова работать не покладая рук, только бы не возвращаться в Сент-Джайлз.

Но, хотя дни ее полны были светлых надежд и уюта, ночи приносили тяжкие душевные мучения. Когда все в доме затихало и она оставалась одна в своей комнате, приходило отчаяние.

Девон не могла забыть.

«Вашей собственной рукой» – так сказал ей Себастьян.

Так оно и было.

Фредди погиб от ее руки. Она убила человека. У-би-ла.

Это терзало душу Девон.

Однажды вечером она лежала и старалась забыть. Из всех сил тщила не думать об этом. Старалась, как это было уже много раз, удержать поток горячих слез, но безуспешно. Мысли ее обратились к Себастьяну, – вероятно, это было вполне объяснимо и естественно. По словам Танзи, в этот вечер Себастьян куда-то уехал.

Если бы она знала, как вести себя по отношению к нему! Он заходил к ней каждый божий день, спрашивал, как она себя чувствует. Всегда безупречно одетый, неукоснительно вежливый. Но почему-то при его появлении у Девон язык словно прилипал к гортани, становился тяжелым и неповоротливым. Быть может, потому, что он понимал, насколько сильное впечатление производит его внушительная наружность.

На следующее утро Девон лежала в постели, а Танзи убирала в комнате. Девон почувствовала неловкость оттого, что вот так просто лежит и глазеет, как хлопчет ясноглазая дев-

чушка. Она отодвинула в сторону одеяло, намереваясь помочь Танзи, но та в эту минуту обернулась и запротестовала: – Не надо, прошу вас, мисс Девон!

Как назло, именно в эту же минуту появился Себастьян. Сердце у Девон так и подпрыгнуло, едва она его увидела. А Себастьян перевел взгляд темных глаз с макушки Девон на кончики пальцев ее ноги, коснувшихся пола. Высоко поднял одну бровь, выражая тем самым свое молчаливое порицание. Собственно говоря, никакие слова и не были нужны. Девон мгновенно убрала ногу под одеяло и натянула его до самого подбородка.

Судя по чисто внешним проявлениям, отношение Себастьяна к ней стало более мягким, но Девон никак не могла избавиться от мысли, что он по-прежнему считает ее проституткой, и не знала, как переубедить его.

Дней десять спустя после своего появления в этом доме Девон решилась на дерзкий поступок: зажгла свечу, надела халат и вышла в холл. Ее мучило любопытство, снедало желание узнать, куда она попала. Судя по обстановке той очень большой комнаты, где ее устроили, маркиз должен быть очень богатым человеком. Как-то раз она поделилась этим своим соображением с Танзи, и та со смехом ответила, что так оно и есть.

В этот ранний предутренний час Девон не встретила ни души. Было приятно хоть немного размять ноги – как ни прекрасна ее спальня, очень утомительно так долго лежать

без моциона.

Неслышно ступая, спустилась она по лестнице и прошла по дому, заглядывая в комнаты. Вот столовая с длинным, массивным и до блеска отполированным столом, на котором стояли серебряные канделябры. Вот гостиная, украшенная множеством изящных фарфоровых ваз вперемешку с красивыми статуэтками, которые выглядели призрачно в лучах лунного света. Все такое элегантное, дорогое, аристократичное, как и подобает дому маркиза.

С благоговейным страхом, но не в силах отказаться от своего намерения, Девон проскользнула в следующую дверь и замерла посреди огромной комнаты. Между двух высоких окон находился мраморный камин, по стенам комнаты располагались застекленные шкафы, заставленные бесчисленными рядами книг.

Библиотека.

Девон ощутила болезненное стеснение в груди. Как понравилась бы маме именно эта комната! О, если бы мама была жива и увидела все это... Всего три месяца назад ее не стало, но не было с тех пор ни дня, ни часа, чтобы Девон не вспоминала и не тосковала о матери, не ощущала ее отсутствия. Она смахнула навернувшиеся на глаза слезы.

Она немного постояла возле кресла у камина, провела рукой по подлокотнику. Кожа, которой он был обтянут, казалась такой мягкой и гладкой. Угли в камине еще светились красным светом. Что может быть уютнее, чем сидеть в таком

вот кресле у очага и наслаждаться теплом, глядя на горящие поленья!

Порывистый ветер шумел за окнами, струи дождя били по стеклам. Непогода разыгрывалась не на шутку. Девон вздрогнула, вспомнив о страшной ночи, когда она так мучилась от холода, когда дождь насквозь промочил ее плащ.

В который раз она подумала о том, какое счастье, что Себастьян нашел ее и привез к себе в дом.

Девон усмехнулась. Если бы он узнал, что она тайно шныряет по его дому, то скорее всего выгнал бы ее вон.

Ветер взвыл с новой силой. А за дверью вдруг послышался странный царапающий звук.

Первым побуждением Девон было желание спрятаться, и она пригнулась за спинкой кресла.

Снова то же звук. На этот раз более громкий и настойчивый. Да, более настойчивый и сопровождаемый скулящим повизгиванием.

Побуждаемая все тем же любопытством, Девон вышла из библиотеки и направилась в ту сторону, откуда доносилось повизгивание-; она крепко сжала в руке подсвечник – на всякий случай. Медленно выпрямилась и осторожно отворила дверь.

Порыв ветра набросился на нее с такой силой, что едва не сбил с ног. Что-то холодное и мокрое прошмыгнуло мимо ее ног в прихожую. Девон подавила готовый вырваться крик и посмотрела себе под ноги. Два темных умоляющих

глаза усталились на нее. Девон недоуменно заморгала. Собака! Вся мокрая, от головы до хвоста, она дрожала мелкой дрожью. Как же она очутилась на улице в такую ужасную погоду? Красотой собака не отличалась: приплюснутый нос почти не выступал вперед. Но тем не менее было в этом песике нечто чрезвычайно привлекательное. Шерсть у него была желтоватая и настолько длинная, что волочилась по гладкому кафельному полу. При этом пес был на редкость упитанным, и казалось, что у него вообще нет ног.

Девон поставила, не оглядываясь, подсвечник на столик где-то позади себя и сама не заметила, как очутилась на полу на коленях возле песика.

– Бог мой, до чего же ты промок, бедняжка!

Пес незамедлительно уткнулся мордочкой ей в ладони и жалобно взвизгнул. Этот звук болью отозвался в сердце Девон.

– Ты голодный? – спросила она заботливо и готова была бы поклясться, что при этих словах глаза у собаки оживились и утратили отчаянное выражение. – Сейчас мы подумаем, чем бы тебя покормить... У меня после обеда остался кусочек сыра. – Любят ли собаки сыр? Ладно, она сейчас сходит за этим кусочком. – Ты, малыш, оставайся тут. Малыш... гм... надо придумать тебе имечко получше. Как же мне тебя назвать? – Она прижала палец к губам и подумала немного. – Так, знаю. Уэбстер. Я буду называть тебя Уэбстером.

Пес явно одобрил это имя, потому что бешено завертел

ХВОСТОМ.

– Отлично, – сказала Девон, довольная своим выбором. – Сиди на месте, Уэбстер.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы сбегать за кусочком сыра, который она оставила про запас, завернув в салфетку. Когда она вернулась, песик сидел на том же месте.

– Ты хороший мальчик, Уэбстер, – похвалила его Девон и, отщипнув немного от кусочка, протянула своему найденышу.

В поощрении тот не нуждался и мигом проглотил сыр. Девон рассмеялась. Уэбстер смотрел на нее выжидательно.

– Терпение, Уэбстер, – призвала она его к добродетели, которой сама отнюдь не отличалась, но это не имело значения.

Дребезжание дверного звонка привело ее в смятение. Кто же это пришел? Себастьян? Джастин? Придет ли кто-то из слуг отворить дверь? Так или иначе, но она попалась. И не успеет подхватить Уэбстера, убежать с ним к себе в спальню. Ее заметят.

В полном отчаянии она накрыла песика подолом своего ночного одеяния.

– Ни слова! – прошипела она и хихикнула, подумав: «Как будто он это может!»

Порыв ветра овеял голые ноги Девон. Щелкнул дверной замок. Когда она выпрямилась, Себастьян уже стоял возле нее.

– Я не занималась воровством, – поспешила сказать она и только после этих своих слов сообразила, что прячет за спиной руку, в которой зажат остаток сыра.

Себастьян не произнес ни слова в ответ на этот вызов – лишь слегка наклонил голову набок, как бы задавая вопрос.

Девон сглотнула. Подняла глаза на Себастьяна и словно впервые увидела его широкие плечи и мощный торс, облаченные в костюм из тонкой шерсти, крепкую шею, небрежно обмотанную шарфом, из-под которого был виден сложный узел галстука. Вот она стоит в очередной раз совсем рядом с ним и не может думать ни о чем ином, кроме его необычайной мужественной красоты. Ей никогда не доводилось прежде встречать таких мужчин!

Между тем и он был занят тем, что пристально разглядывал ее фигуру, и Девон ужасно жалела, что волосы ее в полном беспорядке... Господи, что за глупости... Она вдруг разозлилась на себя. Какое значение имеет то, как она сейчас выглядит? Себастьян уже составил мнение о ней, вполне определенное, и вряд ли намерен это мнение менять.

Черт побери! Теперь он смотрит на нее таким взглядом, от которого ей становится не по себе.

Девон нервическим жестом прижала к шее ладонь.

– В чем дело?

– Ни в чем. Просто мне приятно видеть, что вы хорошо выглядите. На щеках у вас появился румянец.

Он подступил ближе к ней.

Девон хотела было отступить, но вспомнила о собаке у себя под подолом.

– О да, – бодреньким голоском произнесла она. – Я чувствую себя гораздо лучше.

Проклятие, не может же она стоять вот так целую вечность с Уэбстером, уюмившимся у ее ног! Брр, какой же он холодный!

– Это заметно. Теперь вы уже не упадете мне на руки от слабости.

Девон почувствовала, что краснеет до корней волос. Его руки! Такие сильные, надежные и теплые...

Уэбстер покрутился вокруг ее ног и улегся, прижавшись к ним. Подол халата затрепыхался от этих его движений. Внутренний жар, только что обжигавший щеки Девон, сменился жутким холодом от страха. Только бы Себастьян ничего не заметил, о нет, нет, только не это!

Между тем взгляд Себастьяна скользнул вниз, а одна бровь его изогнулась с типичной для ее обладателя надменностью.

Стало быть, он заметил. И чрезвычайно удивился. Опустил бровь и заговорил:

– Мисс Сент-Джеймс...

– Девон, – перебила его она. – Помните, мы же договорились, что вы будете называть меня Девон, а я вас – Себастьяном.

– Отлично. Так скажите мне, Девон, что у вас под хала-

том? Кто там прячется?

Девон переступила с ноги на ногу, чтобы придать трепыханию подола, так сказать, естественный вид.

– Разумеется, там никто не прячется... – начала она и тотчас пришла в ужас: из-под юбки мелькнул кончик собачьего хвоста, а Себастьян сощурил глаза, приглядываясь. – Ничего там нет, будь оно иначе, я знала бы об этом.

Говорила она еле слышно, однако Себастьян и не вслушивался в ее бормотание. Он слишком загляделся на ее маленький красивый ротик, на остренький кончик языка, которым она быстро провела по пересохшим от волнения губам.

Себастьян поспешил отвести глаза в сторону. Господи, да что это с ним такое? Надо немедленно взять себя в руки!

– Вы уверены? – полюбопытствовал он.

– Ну конечно же, уверена. Не могла же я не заметить, что у меня под подолом что-то есть.

– Надеюсь, – хмыкнул Себастьян, сдвинув брови и подумав при этом, что Девон – весьма неумелая лгунья. И он в жизни не видел таких огромных глаз.

Снова какая-то возня под халатом Девон. Теперь уже показался не кончик хвоста, а морда. Собачья морда, если он не ошибается.

– Так давайте посмотрим, – предложил Себастьян, и не успела Девон возразить, как он наклонился и протянул руку к подолу ее халата.

Пес зарычал и сделал выпад из своего укрытия. Себастьян

вовремя успел убраться и едва не выругался, но придер-
жал язык. Выпрямился и укоризненно покачал головой:

– Ну и злючка!

– О, простите! Это потому, что он голоден.

– Голоден? У меня, напротив, такое впечатление, словно
он никогда не упускал возможности что-нибудь слопать.

Девон нагнулась и скормила псу остаток сыра.

– К тому же Уэбстер замерз, – сказала она. – Смотрите,
как он дрожит.

Зловредное создание уже не дрожало. Наоборот, оно вы-
глядело вполне прилично и бодро! Себастьян взглянул на со-
баку.

– Этот ублюдок, – весьма сухо проговорил он, – похож на
жирную косматую крысу из сточной канавы.

Девон вспыхнула.

– Вы не так давно утверждали, что я похожа на уличную
женщину.

«Ах так? Ну погоди же!» – подумал Себастьян и заявил:

– Живот у этой твари, во всяком случае, столь же выдаю-
щийся, какой был у вас. Но в отличие от вас не благодаря на-
ивной хитрости, а просто потому, что псина любит пожрать.

– Но этот, как вы изволили выразиться, ублюдок вовсе не
похож на крысу из сточной канавы.

Себастьян не стал настаивать на своем определении, так
как Девон выглядела невероятно оскорбленной, но с некото-
рым раздражением задал вопрос:

– Какого дьявола он оказался в доме?

Маленькие белые зубки на секунду впились в нежную розовую мякоть нижней губки, после чего Девон призналась:

– Это я его впустила.

– Быть может, он последовал сюда за вами?

– Разумеется, нет. Я услышала, что в дверь кто-то царапается, открыла, и песик ринулся в дом.

– Возможно, он потерялся, – предположил Себастьян, подумав при этом, что вряд ли кто захотел бы держать у себя в доме такую уродину, но тем не менее продолжил: – Наверное, его надо выпустить, хозяин может разыскивать свою собаку.

– Именно поэтому нам и не следует делать ничего подобного. Я прошу вас, позвольте ему остаться, – произнесла Девон умоляющим тоном. – По крайней мере пока он не обогрется, не поест и не обсохнет. Я оставлю его у себя в комнате. Даю слово, что он никого не будет беспокоить. Уверена, что он значительно похорошеет после купания.

«Как и ты сама», – промелькнуло у Себастьяна где-то в глубине сознания. Он вздохнул:

– Девон...

– Прошу вас! Мне невыносимо думать, что он окажется снова на улице в такую ужасную погоду.

Себастьян был намерен ответить отказом. Твердо намерен. Но вся его решимость полетела в тартарары, когда он прочитал мольбу в широко раскрытых золотистых глазах. Он

увидел в них еще кое-что: навернувшиеся слезы. И не ошибся: Девон заплакала. Да, заплакала...

Никогда в жизни он не чувствовал себя таким растерянным и смущенным. Хотел спросить, почему она плачет, но что-то его удержало. Он не может отказать ей, когда она смотрит на него с таким безнадежным отчаянием. Да и кто, какой мужчина мог бы?

– Полагаю, ничего плохого не случится, если он останется.

Улыбка, просиявшая на лице Девон, вознаградила Себастьяна с лихвой.

– Благодарю вас, милорд...

– Себастьян, – поправил на этот раз он.

– Спасибо, Себастьян. Огромное спасибо!

Крепко прижав собачонку к груди, Девон повернулась и направилась к лестнице. На первой ступеньке остановилась и обернулась к Себастьяну, снова прижав зубами нижнюю губу.

Так, подумал он. Сейчас она сообщит нечто важное.

– Я должна признаться, – начала она и на секунду умолкла. – Я... то есть я хочу... – Тут она сначала посмотрела куда-то в сторону, потом уставилась в пол, затем – в потолок и только после этого заговорила снова, глядя Себастьяну прямо в глаза. – Я вам сказала неправду.

Господи, она говорит так, словно для него это великая новость! Себастьяна эти ее слова ничуть не обеспокоили, но тем не менее он перестал улыбаться и скрестил руки на гру-

ди.

– Вы солгали?

– Я вышла вовсе не потому, что услышала, как царапается Уэбстер. Я... мне хотелось осмотреть ваш дом.

– Вы хотели осмотреть мой дом, – повторил он.

Теперь она смотрела на него с таким выражением, словно ожидала, что в любое мгновение ее поразит молния.

– Да. Я не могла уснуть и устала от своей комнаты...

– Кажется, вы говорили, что комната очень красива.

– О да! Но и дом ваш тоже красив, просто прекрасен. Мне хотелось увидеть его.

– Понимаю.

– Правда понимаете?

– Да.

– И не сердитесь?

– Нет, – произнес он почти ласково. – Но теперь, когда вам стало лучше, вовсе нет необходимости делать это втайне и бродить по дому в темноте. Завтра я попрошу Танзи показать вам все, если Хотите. Я сделал бы это сам, но боюсь, что у нас с братом завтра неотложные дела за городом. А вечером я приглашен в один дом... – Он прервал свою речь и пригляделся к Девон. – Вас это устраивает?

Рот Девон приоткрылся. Широко раскрытыми глазами она смотрела на Себастьяна, сдерживая в то же время смех. У него вдруг возникло безумное желание подойти к ней, взять за подбородок и накрыть смеющиеся уста поцелуем.

Отбросив эту мысль, Себастьян ответил за Девон:

– Значит, подходит? Отлично. И знаете, Девон? Вы свободно можете заходить в любую комнату – в какую только захотите. И уверяю вас, что при свете дня они выглядят куда приятнее. И тогда я могу не беспокоиться, что вы в ночной темноте скатитесь кувырком с лестницы.

– Спасибо, что вы так заботливы, – еле слышно произнесла Девон.

– Это доставляет мне удовольствие.

Помоги ему святые небеса, но оно и на самом деле так. Она снова улыбнулась той бесконечно светлой улыбкой, от которой у Себастьяна перехватывало дыхание. Еще долго после того, как дверь в комнату Девон захлопнулась с легким щелчком, он молча стоял в прихожей, пока не задал самому себе вопрос, уж не сошел ли он с ума.

Выходит, что он умудрился приютить не одного подкидыша, а двух.

Глава 9

Когда Девон проснулась, Уэбстер уже сидел возле ее кровати, глаза у него сияли, а хвост так и ходил из стороны в сторону. Он уже не выглядел таким уродцем, как ночью, но Девон была права, сказав, что искупать его просто необходимо.

Они с Танзи справились с задачей, но во время процедуры Девон сделала вполне ошеломительное открытие. Вернее сказать, даже два открытия. Первое ее насмешило и не имело особого значения. Что касается второго... в общем, Девон даже не знала, как довести о нем до сведения Себастьяна и сможет ли она это сделать.

Потом Танзи повела ее по дому. И в какую бы комнату они ни заходили, Девон тотчас приходила в голову мысль, что Себастьян был прав. При свете дня дом выглядел еще лучше. Элегантная лепнина обрамляла потолки, окна и двери; мебель сочетала в себе роскошь с удобством. Со вкусом подобранные букеты цветов украшали многие столы и столики, радуя глаз и наполняя воздух свежестью своих ароматов. Было еще самое начало года, и Девон дивилась про себя, откуда же взялись эти цветы в такое время. Спрашивать она не хотела, даже у Танзи, чтобы не обнаружить свою неосведомленность.

Ужасную погоду прошедшей ночи сменил яркий солнеч-

ный день, напоминая о тепле грядущей весны. Танзи показала Девон из окна маленький садик за домом. Когда горничная ушла, чтобы заняться своими делами, Девон накинула на плечи теплую шаль – еще один предмет, позаимствованный из гардероба отсутствующей Джулианны, – и вышла подышать воздухом.

Садик, полный красиво подстриженных кустов и деревьев, окружен был со всех сторон красной кирпичной стеной. Девон пришла в восторг при мысли о том, как здесь должно быть чудесно летом, когда распускается пышная зелень, когда все цветет и благоухает. Пройдя под деревянной аркой, она направилась по дорожке к каменной скамье в дальнем углу садика. Запрокинув голову, подставила лицо солнечным лучам, чувствуя, как кружит возле нее легкий ветерок. Когда начало смеркаться, она с неохотой вернулась в дом.

Она пообедала у себя в комнате, потом спустилась в библиотеку. Едва она уселась в кожаном кресле, которое так манило ее прошлой ночью, когда она, пробираясь по дому, заглянула сюда, как услышала низкий мужской голос:

– Привет.

То был Джастин. Она ощутила нечто вроде разочарования от того, что это не Себастьян. Боже милостивый, что это на нее нашло? Чего ради ей захотелось снова увидеть Себастьяна? В этом желании нет ни малейшего смысла, просто ни малейшего, особенно если вспомнить, какого он мнения о ней.

И о том, как она теряется в его присутствии, в какой беспорядок приходят ее чувства, какой неуверенной в себе она становится. Но ведь при всем том она нисколько его не боялась и всегда готова поспорить с ним.

Сказать по правде, Девон благоговела перед ним. Он отличался от всех мужчин, каких ей доводилось знать. Мужчины, посещавшие «Воронье гнездо», вечно чванились, хвастались своими достоинствами и успехами. Ей это всегда казалось неуместной навязчивостью.

Себастьяну во всем этом не было необходимости. От него исходили почти непоколебимая уверенность в себе и столь же непоколебимое самообладание. Он мог не говорить ни слова. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, какими способностями и возможностями обладает этот человек.

Он ее завораживал, несмотря на то что она терпеть не могла того, что про себя называла его высокомерием.

Но прошлой ночью он был таким славным. Просто милым. Он не хотел оставлять в доме приبلудную собаку, но позволил ей это сделать. Он не рассердился на нее за то, что она бродила по его дому среди ночи, словно воровка, которой он ее и считал.

Девон не могла забыть о той ночи, когда она выбралась из постели и заявила, что немедленно покинет его дом. Кончилось это тем, что она свалилась ему на руки. О дальнейшем ее воспоминания были туманными, но Девон могла бы по-

клясться, что Себастьян дотрагивался до ее лица, до ее губ, дотрагивался так нежно и осторожно, что она и сейчас готова была заплакать при мысли о его прикосновениях...

Она постаралась прогнать будоражащие душу воспоминания и сосредоточила внимание на человеке, который стоял перед ней. Ей нравится Джастин, твердо сказала она себе. Он держится с непринужденной уверенностью, но в этой уверенности нет ничего претенциозного – по крайней мере в обращении с ней, – и это было Девон по душе. Знает она Джастина недолго, но в отличие от Себастьяна, в присутствии которого она почти теряет дар связной речи, с его младшим братом разговаривать ей легко и просто. Не далее как вчера он говорил ей, что дни его проходят в карточной игре, верховой езде и на скачках, а ночи – в погоне за тем, что не предназначено для женских ушей.

Девон, разумеется, насторожила уши.

– Так вы повеса, – проговорила она весьма неодобрительно.

Джастин щелкнул каблуками и подмигнул ей:

– Самый красивый мужчина в Англии, как говорят.

Девон даже не стала размышлять на эту тему. Красивый, да. Но самый ли красивый? С ее точки зрения, самым красивым мужчиной в Англии был Себастьян. Она несколько секунд молча смотрела на Джастина, потом сказала:

– Вы, стало быть, в восторге от самого себя, сэр?

– Это просто самый лестный из эпитетов, которыми жалу-

ет меня молва, – ответил он с усмешкой. – Я также известен как распутник, негодяй и так далее, но я не стану повторять более сильные определения в вашем присутствии.

– Сомневаюсь, что вы такой скверный.

– Уверю вас, что так оно и есть. Себастьян – вот истинный джентльмен в нашей семье. К тому же он герой войны, он перевязывал раненых под огнем врага во время битвы в Пиренеях. Смею сказать, что он стал настоящим врачом. У него терпение святого.

Девон ничуть не удивилась, узнав, что Себастьян вел себя как герой, – она принимала это как свойство его природы. Но насчет терпения... туту нее были сомнения, с которыми она ничего не могла поделать...

Сейчас Джастин устроился в кресле напротив нее. Но как только он это сделал, по его лодыжкам прошелся влажный холодный нос.

– О, привет! Это кто такой?

Девон рассказала ему о событиях минувшей ночи и добавила:

– Не думаю, чтобы вашему брату это доставило удовольствие.

– Ему не привыкать: когда мы все трое были еще детьми, Джулианна вечно приносила домой пострадавших животных. Однажды, помню, притащила белку, упавшую с дерева. Мать, конечно, подняла крик.

– Ваша мать тоже живет в Лондоне?

По лицу Джастина скользнула тень. Была ли то тень печали или чего-то другого? Помолчав немного, Джастин ответил:

– Нет. Наши родители умерли... – Он снова примолк ненадолго, потом сказал: – Я собирался уходить, но Себастьян сообщил мне, что вы здесь, вот я и зашел повидать вас.

– Разве он дома? – Девон старалась говорить равнодушным тоном, но это давалось ей с трудом. – Он упомянул вчера, что приглашен куда-то сегодня вечером.

– Да. Вдовствующая герцогиня Каррингтон дает бал. Себастьян наверху, он одевается. Боюсь, что меня нет на этот раз в списке приглашенных. Видите ли, репутация в высшем обществе зависит от отношения герцогини к вам – одобрительного или наоборот. Полагаю, что герцогиня терпит меня только потому, что жалуется Себастьяна. Но я не собираюсь коротать вечер в сожалениях и обиде. Все эти приемы такая скука.

Девон само слово «бал» приводило в восторг.

– Вы, наверное, склонны к сарказму, не правда ли? – заметила она.

– Неизменно, – ответил он и протянул руку к Уэбстеру, негромко рассмеявшись, когда тот лизнул ему пальцы. – Какое ласковое маленькое существо, верно?

Ни один из двоих не заметил, что Себастьян, прислонившись к дверному косяку, наблюдает за ними. Им явно хо-

рошо друг с другом, решил он. И какая замечательная пара – Джастин с его блестящими черными волосами и златокудрая, такая вся светлая Девон. Черт побери, да что это с ним? Он почти ревнует.

Почувствовав неловкость своего положения, он вошел в библиотеку... и был встречен низким, глуховатым рычанием.

– Потеряшке ты, кажется, не понравился, – сказал, поворачиваясь лицом к брату, Джастин.

– Потеряшка? – Себастьян бросил удивленный взгляд на Девон: – Кажется, вы называли его Уэбстером?

– Что было, то было, – со слабой улыбкой отозвалась Девон. – Боюсь, мне придется переменить имя.

– Почему?

– Потому что это не он, а она.

Так. Ублюдок оказался сукой. Понятно, что ей полюбился Джастин, а не он!

– Бог мой, но в таком случае ее и Потеряшкой нельзя называть.

– Согласна. Назовем ее Банни – Булочкой. Она такая кругленькая и толстая. Правда подходящее имя?

Себастьян посмотрел на собачонку. Ничего себе булочка! Ему стало смешно.

Объект его внимания оскалил зубы.

– Полагаю, ей больше подходит Бисти, то бишь Бестия, – предложил Себастьян.

Девон сказала строго:

– Перестань, Банни.

Обиженно взвизгнув, животинка улеглась на пол и положила голову на лапы, но при этом не сводила со своего обидчика круглых черных глаз.

Джастин расхохотался и получил в награду осуждающий взгляд старшего брата. Он встал со словами:

– Думаю, мне пора уйти. Доброй ночи, Себастьян. Приятных снов, Девон.

Сделав короткий общий поклон, он удалился.

Девон и Себастьян остались наедине. Себастьян молча наблюдал за тем, как она придвигается поближе к огню, чтобы согреться.

– Надеюсь, у вас нынче был хороший день.

– Благодарю вас, так оно и есть.

«Благодарю вас»... В этой юной женщине положительно есть какая-то загадка. Если не знать о ее прошлом, можно посчитать ее девушкой из хорошей семьи, соответственно воспитанной. Он случайно проходил мимо ее комнаты в то время, как она ела, и заметил, что она облизнула пальцы. Она подняла голову и, в свою очередь, заметила, на что направлен его взгляд. Девон так покраснела, что щеки ее почти сравнялись цветом с алой ленточкой у нее в волосах. И она тут же схватила в руку салфетку.

Сейчас она выглядела очаровательно, одетая в платье в стиле ампира, подхваченном, согласно моде, широкой лентой

под самой грудью. Волосы завязаны на затылке обычной ленточкой и чудесным золотым потоком падают на одно плечо.

Себастьян почувствовал приступ желания, такой сильный, что его можно было бы сравнить с чувством острого голода. У него задрожали пальцы. Ему неудержимо захотелось подойти к Девон и коснуться ее шеи сзади, зарыться рукой в золотые волосы и ощутить, как она вздрогнет от неожиданности.

Он совсем близко подошел к ней, опустил голову и руки, крепко сцепив пальцы.

– Девон? – отчего-то неуверенным голосом произнес он ее имя.

Ответа не последовало.

Себастьян смотрел и не верил своим глазам.

– Девон, – повторил он, – вы плачете?

Она повернулась к нему спиной, очерченной такими нежными, стройными линиями.

Ни о чем не думая и не говоря ни слова, Себастьян заключил ее в свои объятия.

Псина тотчас вскочила.

– Ну-ка попробуй укуси меня, Бестия, – прошипел он. – А я укушу тебя, вот увидишь.

Бестия села.

В следующее мгновение Девон тесно прижалась к Себастьяну, и они почти свалились в просторные глубины его любимого кресла. Себастьян пристально всмотрелся в лицо

женщины, которую сжимал в объятиях.

– Вы и прошлой ночью плакали, правда?

– Не-ет, – всхлипнула она.

Себастьян вздохнул.

– Девон, я совершенно не выношу плачущих женщин.

– Я... не... плачу...

Но она плакала. Узкие плечи вздрагивали. Девон просто исходила слезами.

Лихорадочно обдумывая, чем бы ее утешить, он не придумал ничего лучшего, чем сказать:

– Вам приятно будет узнать, что я пригласил для вас модистку. Она приедет завтра ровно в десять часов утра.

– Модистку?!

– Да. Портниху.

Слезы снова полились у нее из глаз. Покатались по щекам мерцающие слезинки, при виде которых у Себастьяна защемило сердце. Да что такое, дьявол его побери, он сделал? До сих пор ему не встречалась ни одна женщина, которую не привел бы в поэтический восторг вид нового платья.

По правде говоря, он вообще не встречал женщин, похожих на Девон.

Вытянув свои, длинные ноги, Себастьян снова вздохнул.

– Девон, сделайте одолжение, скажите мне: в чем дело?

Холодный маленький носик уткнулся в кружевной галстук у него на шее. Девон глотала слезы, изо всех сил стараясь их унять.

– Девон, вы должны сказать мне, что с вами.

При всей мягкости и даже нежности голоса это был приказ.

Никакого ответа. Что это, упрямство? Обида?

– Девон, – повторил он уже более строго.

– Господи, – пробормотала она сквозь прерывистые всхлипы, – какой же вы приставала!

– Я предпочитаю думать, что это настойчивость, но вас это раздражает, я понимаю.

– Это верно! Но... вы не оставите меня одну, если я скажу вам? Не бросите?

– Нет, – просто ответил он. – Ну, теперь рассказывайте, что вас угнетает.

Горячие слезы уже успели промочить туго накрахмаленную рубашку Себастьяна.

– Я... не уверена, что... могу объяснить.

– Попробуйте.

– Это просто... ох, все кажется таким неправильным. Я хочу сказать, посмотрите на меня. Я живу в большом доме в Мейфэре, в самом лучшем месте города. Мейфэр! Только подумать... Ко мне явится портниха... портниха! А что я сделала, чтобы это заслужить? Ведь я... – Голос ее предательски дрогнул. – Я убила человека. Убила Фредди.

Он крепче прижал ее к себе – так близко, что от его дыхания шевелились тонкие волоски у нее на виске.

– Послушайте, Девон. Вы сделали то, что должны были

сделать, чтобы остаться в живых. Иначе Фредди убил бы вас.

– Я понимаю. Понимаю. – Слезы продолжали течь по ее щекам. – Но что-то мне подсказывает, что я не заслуживаю такого обращения. А тут еще вы...

– Я?! – Себастьян даже отшатнулся.

– Да! – прорыдала она. – Почему вы так поступаете? Почему вы такой щедрый? Ведь я здесь чужая. Вы даже не знаете меня. И я вам даже не нравлюсь.

– Это неправда, – возразил он.

– Правда. Я знаю, что вы обо мне думаете. И если вы хотите, чтобы я отсюда ушла...

– Я вовсе не хочу, чтобы вы отсюда уходили. Я хочу вам помочь. И вы не вернетесь в Сент-Джайлз. Я этого не позволю.

В последнем он теперь был твердо уверен.

– Я не хочу быть для вас обузой.

– Девон, прошу вас, не спорьте со мной.

– А я прошу вас не обращаться со мной подобным образом. Вы ничего не можете мне запретить. И не можете указывать, что мне делать.

Себастьян крепко сжал губы, чтобы не взорваться. Да, это упрямство, и еще какое!

– Вы слышите, Себастьян? Я не хочу быть обузой.

– А вы меня слышите? Девон, вы не обуза. Повторяю: вы не обуза.

Последние три слова он произнес с подчеркнутой выра-

зительностью.

– Тогда позвольте мне зарабатывать свой хлеб. – Слезы у нее на щеках вроде бы начали высыхать. Девон подняла голову и посмотрела на Себастьяна с самым серьезным видом. – Я уже думала об этом, Себастьян. Позвольте мне помогать Танзи или еще кому-то из горничных. Могла бы я помочь и на кухне.

– Этого не будет! – прорычал Себастьян.

– Почему? Я же занималась этим раньше.

– Девон, больше вы этим заниматься не будете. Я не намерен превращать вас в прислугу.

– Я не хочу жить из милости.

Я вам этого и не предлагаю. Я предлагаю помощь там, где есть в ней необходимость. Ну, и я думаю, что вполне в состоянии прокормить вас, да, вас определенно. – Тут он наклонил голову набок, как бы что-то взвешивая в уме. – Но я не вполне уверен насчет Бес... то есть Банни.

Последняя фраза была рассчитана на то, чтобы развеселить Девон.

И он в этом преуспел.

Кончиком пальца он провел по ее губам и пробормотал:

– Кажется, мы улыбаемся?

Внутренний голос говорил ему, что он вступает на опасную почву. Чувствовать ее в своих объятиях, видеть, как она смотрит на него золотистыми глазами, еле заметно улыбаясь... Он и сам невольно улыбнулся и услышал легкий, очень

легкий вздох, а потом слова:

– Какая это милая комната.

– Согласен с вами, Девон. – Говоря это, он – опять-таки невольно – слегка коснулся губами ее щеки и с трудом подавил порыв прижаться крепче. – Мы с вами сидим в моем любимом кресле и в моей любимой комнате.

– Как странно, – широко распахнув глаза, произнесла Девон. – Я так и подумала, когда вошла сюда.

Она не спешила убирать голову с его плеча, а маленькую ручку – с его груди.

– Себастьян, неужели вы прочли все эти книги? – почему-то шепотом спросила она.

Боже милостивый, она толкует о чтении! А он только и думает о том, как бы взять ее на руки, отнести к себе в постель, снять с нее одежду и ласкать, любить всю ночь.

Он чувствовал себя возбужденным. Соблазненным завораживающим очарованием милой маленькой бродяжки из Сент-Джайлза. Но боялся напугать ее и не хотел даже говорить с ней на эту тему.

– Разумеется, нет, – ответил он на ее вопрос.

– Почему? – спросила она, словно бы удивленная тем, что такое могло быть.

– Ну, скажем так: прежде всего потому, что их здесь слишком много.

– Если бы я жила здесь, я бы поставила себе целью прочитать каждую книгу в этой библиотеке. – Она отвела глаза

и добавила упавшим голосом: – Если бы умела читать.

Сдвинув брови, он задал ей вопрос, который давно уже вертелся у него в голове:

– Скажите, Девон, как это вышло, что у вас очень хорошая речь, но вы при этом даже не умеете читать? – Заметив, что ей явно не хочется отвечать, он продолжал: – Кажется, вы упоминали, что ваша мать была хорошо образованной.

Девон кивнула и, еще немного помолчав, сказала:

– До моего рождения мама зарабатывала на жизнь как гувернантка. Должна вам честно признаться, что она очень хотела научить меня читать, а я сопротивлялась.

Себастьян усмехнулся. Поразительное признание, надо сказать, но хорошо хоть то, что она оказалась настолько честной, что сделала его и не заупрямилась.

– У нас не было денег на книги, – продолжала Девон, – и я по глупости не видела смысла в том, чтобы научиться читать. Этим я очень огорчила маму, – произнесла она тихо. – Теперь я жалею, что была такой своевольной и упрямой, ведь, не откажись я учиться, могла бы стать гувернанткой, как мама. Или компаньонкой у какой-нибудь пожилой вдовы.

– А ваш отец, Девон?

Глаза ее подернулись печалью.

– Он умер до моего рождения.

– Поэтому ваша мать и жила в такой бедности? У нее не было родных, к которым она могла бы обратиться за помощью?

– У нее была единственная сестра, которая умерла в юности. Единственной работой, какую мама могла найти, было шитье. И к сожалению, платили ей мало.

– Наверное, ваши отношения с ней были очень близкими. Девон кивнула.

– Маму звали Амелией, – сказала она. – Амелией Сент-Джеймс.

Так, стало быть, гувернантка, начал соображать Себастьян. Она хочет быть гувернанткой, как ее мать. Можно ли это устроить? И должно ли? Внутренне она к этому готова, он это чувствовал инстинктивно.

– Если хотите, – медленно заговорил он, – то я мог бы научить вас читать.

– Правда?

– Я не шучу. – Он подумал. – Модистка придет завтра утром. В таком случае мы с вами могли бы начать с послезавтрашнего утра.

– О, Себастьян! – выдохнула она. – Конечно, я хочу этого. Очень хочу!

Однако ее бурная радость оказалась непродолжительной. Губы Девон задрожали, и голос упал, когда она проговорила:

– Я просто не знаю... как мне выразить...

– Только не плакать, – строгим голосом предупредил он.

Не плакать, – повторила она и просияла улыбкой, ради которой Себастьян был готов перекувырнуться публично через голову на каждой площади Лондона. Только бы видеть

ее лицо таким вот блаженно радостным, как сейчас.

Он чуть сильнее сжал ее в объятиях – и пульс его снова бешено участился. Бедро Девон прижималось как раз к тому месту, где скрывалось его мужское достоинство, которое тотчас ожило и подскочило вверх. Почувствовала ли она это? Видимо, нет. Лицо ее было слегка запрокинуто, и стройная шея Девон находилась на уровне губ Себастьяна, являя собой открытое приглашение тому, кто изголодался по любовным ласкам.

Стоп, необходимо справиться с соблазном. Эта трезвая мысль промелькнула у Себастьяна в голове именно в ту секунду, когда ему до боли захотелось прижаться губами к ямочке у основания шеи и поцелуй за поцелуем, поднимаясь все выше, проложить себе путь к ее нежным губам.

Ни разу в жизни не испытывал он столь мучительного желания...

Девон высвободилась из его рук и села, оставаясь у него на коленях, и это доставило ему дополнительные – весьма неслабые ощущения. Скрипнув зубами, Себастьян помог Девон встать. Поднимаясь с кресла сам, он повернулся таким образом, чтобы скрыть от глаз Девон свое возбуждение. Девон потрянула головой и сказала сердито:

– Я, наверное, ужасно выгляжу.

– Вы прекрасно выглядите, Девон, – возразил Себастьян.

Она поморщилась:

– Спасибо на добром слове, но я знаю, что когда плачу, то

вид у меня убийственный. Глаза красные, опухшие.

Себастьян достал из кармана носовой платок и вытер слезы на щеках у Девон.

– Так лучше?

Она молча кивнула и шмыгнула носом отнюдь не в стиле хорошо воспитанной леди.

Себастьян еле сдержал смех. Ему невероятно хотелось сжать в объятиях это полное противоречий создание, то острое, как бритва, то ласковое, как котенок, и никогда не отпускать.

Это просто безумие.

Рука Девон коснулась его рубашки на груди, и Себастьян затаил дыхание. О Господи, только бы она каким-нибудь случайным жестом не дотронулась до того места, – тогда все начнется заново.

– О Боже, я измяла ваше жабо! А вы так элегантно и красиво одеты. – Прежде чем он собрался ответить, она произнесла очень странные слова: – Я уверена, что вы понравились бы моей маме.

– А вам, Девон Сент-Джеймс, я нравлюсь?

– Вы не понравились мне в ту первую ночь. И на следующий день тоже. Особенно на следующий день, – подчеркнула она.

То есть в тот день, когда она пыталась его ударить.

– А теперь... Я теперь считаю вас очень хорошим человеком, Себастьян Стирлинг.

Хорошим. Но мысли его хорошими, пожалуй, не назовешь. Теплая, душистая ямка на ее шее притягивала его, как магнит железо, напоминая о других, мягких и бархатистых, углублениях на ее теле, спрятанных под покровом одежды.

Да, мысли у него решительно нечистые.

– Благодарю вас, – произнес он почти грубо.

– Джастин тоже очень славный человек.

Славный. Себастьян в жизни не слышал, чтобы женщины характеризовали его брата подобным словом. Он хрипло откашлялся и сказал:

– Боги небесные, только не говорите этого ему самому. Он мнит себя чрезвычайно опасным.

Крохотная морщинка появилась у Девон между бровей.

– Опасным?

– Да. Он всячески распространяет слухи о том, что ни одна леди не может чувствовать себя в безопасности в его присутствии. – Себастьян улыбнулся. – Сказать по правде, я этому верю.

Девон прищурилась:

– А как насчет вас, сэр? Вы тоже опасный мужчина?

– Сильно в этом сомневаюсь. Джастин, например, считает меня самым порядочным и воспитанным мужчиной из всех, кого он знает.

– Он также считает вас самым утонченным из всех известных ему мужчин.

– Он так вам сказал? Неужели?

– Не в таких точно словах, – призналась она, – однако смысл был именно такой. Я это почувствовала. И еще он сказал, что у вас терпение святого.

– Серьезно? – спросил явно обрадованный Себастьян. Раздался громкий стук в дверь.

– Милорд, – послышался голос, – ваша карета готова. Девон отступила на шаг.

– Я не могу дольше вас задерживать.

Себастьян не двинулся с места. Стоял и смотрел на Девон вопрошающим взглядом. Она прочитала его мысли.

– Я больше не плачу, – сказала она. – Нисколько.

Взяла его руку и прижала к своей щеке.

Каждый мускул в теле Себастьяна напрягся. Они стояли совсем рядом, платье Девон касалось полы его сюртука.

Джастин ошибается. У него нет терпения. Совсем нет. Ему хочется прижать Девон к себе и целовать, целовать без конца.

Он поднес ее руку к губам.

– Вы уверены, что с вами все хорошо?

Она кивнула.

Он почти хотел, чтобы она ответила отрицательно.

Ему хотелось послать ко всем чертям свои планы, послать туда же бал у герцогини и вообще весь мир – и остаться здесь.

И тем не менее он подчинился велениям рассудка. Поступил так, как привык поступать с тех лет, когда был еще со-

всем мальчишкой.

Потому что Себастьян был человеком долга. Он поехал на бал к герцогине и танцевал со всеми возбужденно щебечущими светскими барышнями.

Но он ни секунды не переставал думать о Девон.

И всю ночь перед ним сияли золотистые, радостно сияющие и будоражащие его сердце глаза.

Глава 10

Двумя днями позже Девон ровно в девять часов утра явилась в библиотеку. Себастьян уже ждал ее там. Солнечный луч, проникший в комнату через окно, высветил четкие очертания его густых бровей, линии красиво вылепленного носа и плотно сжатые, по-мужски твердые губы.

Странное чувство охватило ее. Она стояла, не в силах сдвинуться с места, словно приросла к полу. И едва могла справиться с таким естественным и простым действием, как дыхание. И откуда взялось это стеснение в груди? Инстинктивно она догадывалась, что это как-то связано с нехваткой воздуха в легких... а также с Себастьяном, с его присутствием.

Он что-то деловито писал на листке пергаментной бумаги. Если и заметил, что она стоит на пороге, то никак этого не показал. Девон обратила внимание на его пальцы – сильные, длинные и смуглые.

Со все еще стесненным дыханием она наблюдала за тем, как он аккуратно складывает листок втрое, капают на него растопленным воском и прижимает к воску свою печатку. Вид его рук породил у нее желание спрятать собственные, и Девон укрыла их в складках юбки. Танзи дала ей целебный бальзам, чтобы она втирала его в кожу каждый вечер перед сном, но руки все еще были потрескавшиеся и сухие.

Он, как видно, заметил ее присутствие. Отодвинул стул от стола, встал и проговорил с улыбкой:

– Прекрасно, я вижу, что вы готовы к занятиям.

Девон поспешила взять себя в руки. Подняла повыше голову и вошла в комнату. Двигаясь мимо книжных полок, она вела пальцем по корешкам толстых томов, выстроившихся в ряды.

– Да, я готова, – сказала она, вытаскивая с полки какой-то из томов. – Вот эту, – заявила она, легонько похлопав ладонью по обложке с золотым тиснением. – Я хочу прочитать эту книгу.

Себастьян взглянул на обложку.

– Это собрание английского фольклора. Волшебные сказки. Насколько помню, одна из любимых книг Джулианны. – Он помолчал. – Если она вам понравится, то есть еще парочка братьев, которые пишут замечательные сказки, просто очаровательные, как мне говорили. Кажется, их вторая книга вышла в этом году.

– Тогда я прочту и то и другое, – сказала Девон.

Какое-то быстрое и немного необычное выражение промелькнуло по его лицу и тотчас исчезло, но Девон успела его заметить.

– В чем дело? Я думала, вам понравится, если я так сделаю.

– Мне понравилось, Девон, я просто боюсь, что поспешил со своим сообщением. Книги этих замечательных братьев

написаны по-немецки.

– Два брата, вы говорите?

– Да. Братья Гримм.

– Вы живете в этом большом доме вдвоем с вашим братом Джастином. Может, и вы начнете когда-нибудь вместе писать сказки.

– Сказки? – Он усмехнулся. – Поверьте, Девон, что это дело лучше всего предоставить братьям Гримм.

Девон почудилось, что в глазах у него появилось грустное выражение. Она поставила книгу обратно на полку и вернулась к столу.

– А вы умеете читать по-немецки?

– Да. Боюсь, это не слишком красивый язык. Впрочем, говорят, что у меня ужасное произношение.

Девон была потрясена тем, что ее учитель говорит и читает по-немецки.

– Вы знаете еще какие-нибудь языки? – спросила она.

– Разумеется, но еще только греческий и латынь.

Разумеется. Девон заметно приуныла: вряд ли ей удастся преодолеть препятствия на пути между ней и образованием.

Выражение лица выдало Девон, и Себастьян поспешил ее успокоить:

– Вам нет необходимости изучать греческий и латынь, да и немецкий тоже. Немножко французского, не более того.

– Французского? – удивилась она. – Зачем? Мы же воевали с французами. И не любим их.

Себастьян рассмеялся:

– Я знаю. Вернее сказать, я вас понимаю, но мы живем в таком странном мире. Все французское у нас в чести, начиная с фасонов одежды, Бог мой, даже повара! Портниха уже более не портниха, а модистка. Дети должны учиться французскому языку, а значит, гувернантка обязана его знать.

Девон немного подумала.

– А ваш повар тоже француз?

– О нет! Я вполне доволен моей истинно английской кухаркой.

Девон все еще находилась где-то между надеждой и страхом.

– А чему еще я должна научиться? – неуверенно спросила она.

– Я буду рад дать вам несколько уроков истории и географии, покажу, как вести записи расходов. Когда моя сестра Джулианна вернется с континента, она научит вас манерам настоящей леди, а также музыке, танцам, вышиванию, рисованию. Сама она делает прекрасные акварели.

Вышиванию? Боже милостивый, почему она не научилась от мамы хотя бы искусству вязать на спицах? И рисовать красками... Она осталась совершенной неумехой в таких вещах. На сердце Девон словно лег тяжелый камень. Но не успела она опомниться, как ее подбородка коснулись длинные пальцы. Легким движением большого и указательного пальцев Себастьян приподнял ее низко опущенную голову и

посмотрел ей в глаза.

– Да не огорчайтесь вы так, Девон. Вы справитесь со всем этим. Я верю в ваши силы.

Но в голове у нее все еще царил хаос отчаянного беспокойства. Сумеет ли она? И сколько времени ей на все это понадобится? Может, стоило бы задать вопрос, каким временем она располагает? Ведь она не имеет представления, на какой срок он позволит ей остаться у него в доме.

Ей ужасно хотелось верить ему. И его спокойная убежденность помогла поверить.

Она добьется своего, твердо сказала она себе. Научится читать и всему прочему, о чем он говорил. Стимул был весьма убедительный: она ни за что не хочет возвращаться на работу в «Воронье гнездо». И ни за что не вернется в Сент-Джайлз.

Справится со своей неуверенностью. Со своей слабостью. Это единственная возможность улучшить собственную жизнь, и она будет попросту дурой, если не воспользуется такой возможностью.

На ее губах появилась чуть заметная улыбка.

– В таком случае, сэр, на станем тянуть время. Проницательные серые глаза смотрели на нее одобрительно.

– Отличная мысль, – похвалил он Девон и тотчас перешел к сугубо деловому тону: – Кажется, вы упоминали, что знаете буквы?

– Да, мама обычно изображала их прямо на земле, когда

мы гуляли. Думаю, я их помню. – Соединив перед собой кончики пальцев обеих рук и прикрыв глаза, Девон начала вслух произносить названия букв алфавита.

– Отлично. – Себастьян одобрительно кивнул. – Это значительно упростит дело.

Так и начались их занятия.

Следующие четыре дня Девон и Себастьян занимались ее образованием с девяти утра и до четырех часов дня, уединившись либо в библиотеке, либо у него в кабинете. Делали перерыв только на ленч, а заканчивали к чаю. Себастьян был человеком слова, весьма пунктуальным и никогда не запаздывал к началу занятий.

К тому же он был твердым приверженцем раз навсегда усвоенных привычек.

Неудивительно, что Девон испытывала острое чувство вины, когда остановилась однажды утром у двери его спальни.

Соблазн был непреодолимым. Горничная только что вышла из комнаты с охапкой постельного белья в руках. Девон была уже хорошо знакома с заведенными в доме порядками. Она знала, что служанка сюда уже не вернется. И Себастьян тоже – она слышала раскаты его баритона, доносившиеся с нижнего этажа.

Затаив дыхание, Девон вошла в спальню.

Комната была совершенно в духе ее хозяина: строгих пропорций, затемненная, обставлена красивой мебелью. Девон

прошла мимо большой кровати с четырьмя столбиками для балдахина. С отчаянно колотящимся сердцем открыла она дверцу массивного зеркального шкафа. Ее обволокло запахом свежего, накрахмаленного белья – запахом Себастьяна. Стараясь ничего не сдвинуть с места, Девон пошарила одной рукой за стопкой аккуратно сложенных шейных платков. Дотрагиваясь до вещей Себастьяна, она испытывала такое чувство, словно дотрагивается до него самого. Прогнав по возможности от себя это странное и возбуждающее ощущение, она возобновила свои поиски.

Какая досада! Там ничего не было.

Она огляделась и увидела бюро со множеством выдвижных ящиков. Сердце вновь сильно забилося от страха и волнения, но Девон все же выдвинула верхний ящик. От этого движения опасно накренилась стоящая на крышке бюро ваза в форме античной урны, Девон едва успела ее подхватить. Ругнув себя, она выдвинула следующий ящик. Сдерживая нетерпение, открыла третий. В луче света, падающего через окно, в этом третьем ящике что-то сверкнуло. Неужели это ее ожерелье? Вне себя от волнения, Девон потянулась за ним.

В эту минуту что-то дотронулось до ее юбки. В полной панике Девон посмотрела вниз. С нервным смешочком наклонилась, чтобы погладить Банни по голове, потом снова запустила руку в ящик бюро.

И тут она услышала предостерегающее ворчание собаки.

Девон застыла на месте, выдернув руку из ящика. Даже не поворачивая головы, она поняла, что поймана на месте преступления. Черт возьми, как мог этот большой мужчина подойти настолько бесшумно?

Она обернулась. Себастьян стоял в трех шагах от нее в непринужденной позе, скрестив руки на груди и прислонившись одним плечом к стене. Обтягивающие коричневые штаны обрисовывали каждый мускул сильных ног. На ногах начищенные до сияющего блеска черные короткие сапоги.

Он казался совершенно невозмутимым. Даже вполне доброжелательным. Неужели этого человека ничто не в состоянии вывести из себя? Он неправдоподобно спокоен. Но у Девон все задрожало внутри, когда она поняла, что эта внешняя невозмутимость опасна. Черты его смуглого лица как бы заострились, квадратный подбородок выступил вперед, и даже ямочка на нем обозначилась четче.

Щеки у Девон вспыхнули огнем, но она не испугалась.

– Ну, Девон, – заговорил Себастьян холодно-вежливым тоном, – вы можете хоть что-нибудь сказать в свое оправдание?

– Да, – огрызнулась она. – Вы что, вечно намереваетесь ко мне подкрадываться?

Лицо у Себастьяна стало еще более мрачным.

– Подозреваю, что вы мне и на этот раз скажете, что вы не воровка.

– Совершенно верно. Я ищу свое ожерелье.

– Почему вы не попросили его у меня?

– А вы бы мне его отдали? – выпалила Девон в ответ.

Какая-то тень промелькнула по его лицу, и тень эта почему-то вызвала у Девон мгновенную вспышку гнева.

– Отдали бы? – потребовала она.

– Не знаю.

Гневное возмущение вспыхнуло в ее глазах.

– Тогда вам понятно, почему я не попросила вас. И во всяком случае, это вы – вор! Вы украли у меня ожерелье, Себастьян.

– То, что у вас когда-то было ожерелье, еще не свидетельствует о том, что вы являетесь его владелицей. Напомню вам, что замочек сломан.

– Это я его сломала!

– Хорошо, что вы хоть это признаете. Подозреваю, что нет нужды спрашивать, при каких обстоятельствах это произошло.

Последние слова сопровождались весьма выразительным, «понимающим» движением бровей.

Даже если бы он спросил, при каких обстоятельствах, Девон ему не сказала бы. Она никогда не забывала о том, как случилось, что она сломала замочек ожерелья. Она в те уже далекие годы редко спрашивала мать о своем отце, поняв, насколько мучительны для той подобные расспросы. Мама почти ничего не говорила о нем, но каждый раз неизменно упоминала, что он был человеком знатного происхождения.

Эти скудные сведения не приносили Девон ни пользы, ни радости, тем более что дети, с которыми она иногда играла, смеялись над ней и дразнили ублюдком.

– Ты говорила, что мой папа джентльмен, – сказала Девон однажды матери, горько расплакавшись.

– Он им и был, – коротко ответила та, и лицо ее исказила боль.

– Тогда почему другие дети называют меня ублюдком? – выкрикнула Девон. – Почему?

В жизни ей не забыть потрясенный взгляд матери, когда та бережным движением отвела прядь волос со щеки дочери и произнесла горестно и нежно:

– Девон... Бедная ты, бедная моя девочка.

Тогда мать и рассказала ей всю правду.

– Однажды летом, в то время я была совсем молодая и служила гувернанткой у племянниц хозяев дома в одной очень богатой семье, я полюбила... Полюбила сына хозяев. Это подарок от него. – Она дотронулась до ожерелья у себя на шее. – Я была глупа, не понимала, что он мне не пара, он, со своим огромным богатством и знатностью. Когда я говорила ему о своей любви, он сказал, что не может... не хочет на мне жениться. Он... бросил меня.

Итак, это оказалось правдой. Ее отец – человек знатный.

Но вряд ли порядочный.

Голос матери дрогнул, и она продолжала:

– Я уехала в Лондон, собственной семьи у меня не было, я

осталась совсем одинокой. Через несколько недель я узнала, что твой отец погиб во время несчастного случая на скачках. А потом поняла, что ношу под сердцем его ребенка. – Слова, казалось, застревали у нее в горле. – Работы было мало, но я не могла отказаться от тебя... не могла! И не могла обратиться к его родным. Возможно, из гордости. А возможно, из упрямства, такого же, как у тебя. Но больше всего меня мучил страх, о, какой страх! Его семья была настолько влиятельной и богатой, что тебя могли отнять у меня, а я поняла, что не могу этого допустить, особенно когда увидела тебя. – Лицо у мамы вдруг сделалось задумчивым, она долго молчала, перебирая пальцами ожерелье у себя на шее. – Ты унаследовала его вспыльчивость, – продолжила она шепотом. – Его порывистость. И у тебя такие же глаза, какие были у него.

Но, слушая признания матери, Девон с каждой минутой все сильнее пылала негодованием – таким, какого никогда не замечала у Амелии. Она злилась на то, что мама страдает от неутолимой печали, которую и сейчас видела у нее в глазах.

Несмотря на то что он от нее отказался, мать не перестала любить отца. Девон же его ненавидела за то, что он причинил им столько горя.

– Зачем ты это носишь? – закричала тогда она и сорвала ожерелье с шеи матери. – Зачем?

Мать заплакала.

То был их последний разговор об отце. И последний слу-

чай, когда дочь довела мать до слез. Но Девон не могла простить себе этого случая – она поняла, какую великую ценность представляло ожерелье для матери...

Девон медленно подняла глаза на Себастьяна и проговорила с нескрываемой злостью:

– Это мое ожерелье! Его подарил моей матери... очень богатый человек.

– Ваши возражения становятся утомительными, Девон. Должен признать, что в вас произошла замечательная перемена. Я почти полностью уверовал в то, что вы не воровка. Но сейчас мне кажется, что я должен вас предостеречь. Я терпеть не могу, когда меня используют. И не желаю быть обманутым.

Обманутым! Девон процедила сквозь зубы:

– Я обещала маме, что никогда не стану воровкой, проституткой или нищенкой, и я сдержу слово!

Его молчание ясно свидетельствовало о недоверии. В полном бешенстве она обозвала Себастьяна таким нецензурным словом, что он ушам своим не поверил.

– Ругательствам вы тоже научились от матери?

– Мама ни разу не слышала, чтобы я выругалась. Она была самым добрым, самым деликатным человеком из всех, кого я знала, и я ни за что не унизила бы ее подобным образом. А вы – дело другое.

– Так я и понимаю. Жаль, что вас не научили контролировать вашу речь.

Девон сделала реверанс и сказала с ядовитой любезностью:

– Как, сэръ? Вы не ожидали от меня ничего подобного?

– Напротив, именно этого я и ожидал.

Они стояли очень близко друг к другу. Отвечая на ее издевку, Себастьян наклонился и придвинулся еще ближе. Улыбки Девон как не бывало. Что, если он сейчас поцелует ее? Фу, что за нелепая мысль! Но пульс у Девон зачастил до невозможности. Тем не менее она не отстранилась – такого удовольствия она ему не доставит! Запрокинув голову, она вдруг заметила, что его взгляд скользнул по ее шее и устремился к выступающей за пределы корсажа верхней части ее груди, вернее, к ямке между ними.

– Прекратите глазеть на мою грудь!

– С чего вы взяли, что она меня интересует? Девон взорвалась:

– Это очевидно! Хватит пялиться! Взгляды их встретились.

– Послушайте, Девон, будем откровенными друг с другом. Я посетил «Воронье гнездо». Я видел хозяйку, кажется, ее зовут Бриджет. Да, точно Бриджет.

Девон ощутила, как у нее вспыхнули щеки. Ее охватил горячий стыд, который сменился гневом, растущим с каждой секундой. Себастьян ходил в пивную, чтобы проверить истинность ее рассказа...

– Бриджет не выразила ни малейшего неудовольствия, ко-

гда какой-то мужчина запустил одну руку ей за корсаж, а другую – под юбку.

– Бриджет не шлюха, – ровным голосом произнесла Девон.

Себастьян скривил губы:

– Если вы и в самом деле так думаете, то ваши представления о нравственности явно искажены.

Девон открыла рот, чтобы дать Себастьяну достойный ответ, но тот опередил ее:

– Бриджет, бесспорно, шлюха. Хотел бы я узнать, как обстоит дело с вами.

Девон влепила ему пощечину со всей силой, на какую была способна.

Его явное потрясение послужило ей наградой.

– Но ведь это вполне логичный вывод, – произнес он в свое оправдание.

– А вы треклятый вор!

– Как, мы опять возвращаемся все к тому же?

– Вы, – дрожащим голосом продолжала она, – вы лицемер, вот вы кто такой! И я знаю, что это слово значит! Вы смеетесь надо мной, а сами бесстыдно глазеете на мою грудь. Я видела, как вы на нее тарасились, когда думали, что я этого не замечаю. Вы думаете обо мне самое плохое, разве я не права? – бушевала Девон. – Да как вы смеете осуждать Бриджет или меня, вы, в вашем огромном доме со всей этой роскошью?! – Тут она ткнула пальцем в его широкую грудь. –

Уверена, что вы не прожили вашу жизнь в полной непорочности. Уверена, что в вашей постели побывала не одна женщина!

Себастьян поначалу был ошеломлен ее натиском, потом парировал:

– Но ведь я мужчина.

Как будто это все объясняло. Как будто могло объяснить хоть что-то. И при этом Себастьян говорит таким тоном, холодно подумала Девон, будто у него есть право обладания любой женщиной.

Впрочем, тот факт, что от него исходит обаяние напряженной мужской силы, отрицать невозможно. Девон сама ощутила это с первого взгляда, с первой их встречи. Ее тогда словно жаром обдало. Нет ничего невероятного в том, что и многие другие женщины находят его широкие плечи, узкие бедра и черные блестящие волосы неотразимо привлекательными.

Реальность неопровержима. Вечерний костюм не скрывал, а подчеркивал достоинства его великолепного сложения. Девон окинула быстрым взглядом его фигуру – сверху донизу.

Себастьян выпятил подбородок:

– Нечего глазеть на...

Он запнулся, и Девон закончила за него:

– На вашу ширинку?

– Не будьте такой вульгарной, – почти угрожающе проце-

дил он.

Она возразила с подчеркнутой любезностью:

– Если бы я хотела быть вульгарной, то сказала бы...

– Достаточно, Девон! – перебил Себастьян.

Девон с невозмутимым видом посмотрела ему в лицо, все еще грозно насупленное:

– Вы сказали, что вы мужчина. Я подумала, что стоит в этом удостовериться.

В иное время Девон не посмела бы говорить так нагло и дерзко, она сочла бы это унижительным для себя. Но не теперь. Себастьян только что дал ей понять, как он к ней относится и кем считает. Так пусть получит свою порцию!

Он распрямил плечи, но не ответил. Что ж, вернемся к тому, с чего начали. И Девон произнесла ледяным тоном:

– Итак, когда мы уяснили, что вы не вели целомудренный образ жизни, будьте добры сказать, случилось ли вам делить постель с женщиной, которой вы за это платили?

Себастьян продолжал молча смотреть на нее с высоты своего роста, и вид у него был донельзя высокомерный.

– Случалось ли такое, милорд?

– У меня не было необходимости платить женщине за то, что она спит со мной. Но если бы такое положение возникло...

Теперь уже Девон перебила его:

– Позвольте мне высказать мое суждение, милорд. Смею предположить, что у вас, людей голубой крови, все это про-

исходит иначе. – Она не дала ему возможности возразить. – Признаю, что я любопытна. Есть ли у вас любовница, милорд? Оплачиваете ли вы ее жилье, платья и...

– Это не ваше дело, – строго проговорил Себастьян. – И вы нахалка, Девон.

Она удовлетворенно фыркнула, не собираясь отвечать на эту грубость. Главное, она попала в точку!

– Вам не приходилось мучительно размышлять на тему о том, где взять денег на еду, Себастьян. Вы не провели ни одной ночи, дрожа от холода. Так не смейте осуждать меня. Не смейте осуждать Бриджет, Да, она принимает мужчин в задней комнате пивной. Да, она берет за это деньги, иначе ей не на что было бы кормить братьев и сестер.

Все это Девон произнесла, глядя Себастьяну прямо в глаза. Потом подобрала юбки и направилась к двери. Но прежде чем уйти, повернулась к нему и бросила:

– К вашему сведению, я непременно заберу мое ожерелье перед тем, как покину ваш дом.

Глава 11

Когда Себастьян вошел к себе в спальню и увидел, что Девон шарит в ящиках его бюро, хоть, возможно, и не в буквальном смысле слова, он пришел в ярость. Разозлился черт знает как и на нее, и, главное, на себя. Он проявил неуместную доверчивость, вообразив, что вначале ошибался в ней. Ее присутствие в его спальне свидетельствовало об обратном.

Он многократно назвал себя полным дураком за то, что попался на удочку, что был ослеплен ее соблазнительной чувственностью и... ее очарованием, да-да, очарованием, незачем бояться этого слова!

Она порывиста. Импульсивна. Она его провоцировала. Раздражала. Она вовсе не была застенчивой или пугливой. Наполовину леди, наполовину дикая кошка – и совершенно непредсказуема!

Ему следовало бы отшлепать ее, а он только и думал о том, чтобы прижать ее к себе, обнять и целовать до тех пор, пока она не сможет выговорить больше ни слова. Он застал ее в своей спальне, когда она рылась в его вещах, но даже в те минуты хотел одного: прижаться губами к ее соблазнительным губам и целовать так, чтобы оба они сходили с ума от взаимного желанья. Хотел запустить руки ей под платье, ощутить под пальцами нежную кожу, обнажить ее груди и

провести языком вокруг восхитительно розовых сосков...

Но что-то не похоже, чтобы он сегодня, так сказать, имел у нее успех.

– Черт, черт побери! – громко выругался Себастьян и рассеянно провел пальцами по щеке. Было еще больно до нее дотронуться. Ему почти не верилось, что она вlepила ему такую затрещину. Себастьян никогда в жизни не били по лицу. Да он никогда и не давал к тому повода.

Ему припомнились слова, которые она бросила ему напоследок. Неужели Девон приходилось голодать? Страдать от холода? Тяжело думать об этом. Да, до встречи с ней он никогда не задавался мыслями о тех, кому живется далеко не так, как ему. Ведь не все бедняки воры и грабители, подонки общества вроде Фредди и Гарри. Нет сомнения, что многие из них похожи на мать Девон, Амелию Сент-Джеймс, женщину, брошенную на произвол судьбы с ребенком на руках.

Надо верить тому, чему ты поневоле должен верить. Девон сделала все, чтобы он переменял свое мнение о ней.

Обожаемая. Вот кем она стала для него. Бесконечно обожаемая. Себастьян с трудом удержался от смеха. Надо же – подобранная им на улице бездомная девчушка прочитала ему нотацию! И он эту нотацию принял к сведению...

Ему, право, было не до смеха, когда Девон ударила его по физиономии. Но она вынудила его о многом задуматься.

Спохватившись, Себастьян поспешил спуститься в холл. У него не было уверенности, что Девон не вознамерится сбе-

жать. От него она ушла как раз в подходящем для этого настроении.

Он почти бежал по лестнице и чуть не сбил с ног Танзи, которая вывернулась из-за угла с огромной картонкой в руках.

– Милорд, – обратилась она к Себастьяну в полной ажитации с горящими от восторга глазами. – Милорд, вы только посмотрите! Все это доставили от модистки. Вот обрадуется мисс Девон, правда?

Обрадуется ли она? После сцены у себя в спальне Себастьян хотел бы в этом удостовериться.

– Если вы не против, Танзи, я не прочь сам вручить ей это.

– Как прикажете, милорд, – ответила горничная, сделав реверанс.

Подождав, пока девушка уйдет, Себастьян постучался в дверь спальни Девон.

– Кто там?

Себастьян нахмурился: голос у Девон был сдавленный. Неужели она плачет?

Он не ответил. Не посмел. Зато посмел войти в комнату.

При его появлении глаза у Девон так и вспыхнули. Банни со своего места в ногах кровати тотчас зарычала. Себастьян поставил картонку возле двери. Подхватил собачонку на руки, вынес в прихожую и, без особых церемоний усадив ее на пол, захлопнул дверь перед мохнатой мордой недовольной таким обращением псины. Повернулся к Девон.

– Вы еще долго намерены меня мучить? – выкрикнула она.

– Кажется, что так.

Девон, сидя на постели, молча наблюдала за тем, как он пересекает комнату, а когда он подошел к ней вплотную, отвернулась.

Себастьяна это ничуть не обескуражило. Он взял ее за руки и поднял с постели. Она попыталась вырвать свои руки из его крепко сжатых ладоней, но это ей не удалось.

– Девон, – заговорил он очень тихо, – посмотрите на меня.

– Нет! – выпалила она с яростью. – Ни за что! Он взял ее за подбородок:

– Девон, пожалуйста. Ну прошу вас!

Длинные ресницы дрогнули, потом поднялись. Себастьян увидел прямо перед собой огромные влажные глаза, и у него перехватило дыхание. Она не плакала, но находилась в опасной близости к нему.

– Девон, – в третий раз повторил он ее имя, глядя на нее в упор, – я отвратительно вел себя сегодня. От всего сердца прошу вас простить меня за то, что я вам наговорил. Мне не следовало так грубо осуждать Бриджет. – Он помолчал. – И вас, Девон. Скверно с моей стороны было осуждать вас, особенно теперь, когда я узнал вас лучше.

С губ Девон сорвался невнятный звук. Она быстрым движением прильнула к Себастьяну, обхватила его обеими руками. Он крепко обнял ее.

– О, Себастьян, я тоже прошу прощения. Я не должна была тайно пробираться в вашу комнату. И так мерзко с моей стороны, что я вас ударила. Вам было больно?

– Нужна куда более сильная рука, чем у такого крошечного создания, как вы, чтобы причинить мне боль, – слегка улыбнувшись, солгал он.

Девон запрокинула голову, чтобы взглянуть на него. Золотые волосы, еще час назад убранные в красивую прическу, в беспорядке рассыпались по плечам. Обрадованная его словами, Девон тоже улыбнулась.

И через какую-то долю секунды, право, не больше, губы его оказались возле ее губ. В устремленных на него глазах появилось удивление, но Девон не отпрянула, как он предполагал. Господи, до чего же она тоненькая и хрупкая по сравнению с ним! Запах ее волос кружил ему голову. Себастьян тесно прижимал ее к себе, опасаясь при этом, что причинит ей боль.

То был лишь намек на поцелуй, малая частица того, чего жаждал Себастьян, но он интуитивно чувствовал, что поддаться возбуждению, бушующему у него в крови, значит уложить Девон на постель, сорвать с нее одежду – и овладеть этой желанной для него маленькой женщиной.

Отрезвление наступило мгновенно. Себастьян отстранился от Девон и даже отступил на шаг.

– Простите меня, – сказал он.

Девон смутилась, чуть повела головой и прошептала:

– Все хорошо...

– Нет, – ответил он уже совсем спокойно, – не хорошо. Джентльмен не должен позволять себе такое. По крайней мере я не должен.

– Тогда почему же вы позволили?

Настал его черед отвернуться. Он так и сделал, проговорив:

– Я не знаю.

Сейчас он не смог бы посмотреть ей в глаза, кажется, даже ради спасения собственной жизни. Себастьян никогда не считал себя трусом, но в эту минуту, чудовищно нелепую и неприятную, он им был. Но она прошла, эта минута, как проходит все на свете, и Себастьян кивнул в сторону перевязанной лентами картонки, которую оставил у двери.

– Что у вас там? – спросила она.

Себастьян принес картонку и поставил на постель.

– Танзи сказала, что это привезли сегодня. Для вас. Так вперед, откройте же ее сами!

Осторожно, почти робко Девон развязала белую шелковую ленту и сняла с картонки крышку. Озабоченно сдвинув брови, наклонилась и потрогала легкие волны гонкой ткани.

– Это первое из ваших платьев от модистки, – счел нужным пояснить Себастьян. – Весьма своевременно прибыло.

Девон покраснела и прижала зубками нижнюю губу, однако глаза ее засияли радостным оживлением, когда она достала из картонки платье из белого и голубого узорчатого

муслина.

– О, Себастьян, как это красиво! – воскликнула она.

Далее появились сорочка и нижняя юбка, которым Девон обрадовалась не меньше.

Себастьян почувствовал, что напряжение его оставило.

– Примерьте, – предложил он.

– О да, конечно! – просияла она. – Только вам придется помочь мне с пуговицами. Прежде чем он успел ответить, она подхватила платье и белье и скрылась за ширмой.

Шелест материи – и то платье, в которое Девон была одета, повисло на ширме.

Себастьян поворачивал голову то к ширме, то к двери. Право, ему следовало предоставить все это Танзи.

«Ты только что назвал себя джентльменом, – не без самоиронии подумал он. – Почему же ты не ведешь себя соответственно?.. Да потому, что это Девон, стало быть, никакие общепринятые мерки здесь неуместны».

Он еще немного поспорил с самим собой, однако ноги его словно приросли к полу.

Ленивым движением достал из картонки изысканную белую шляпку и, держа двумя пальцами за ленты, покачал ею в воздухе.

– Тут есть и шляпка, – сообщил он Девон. – Теперь вы можете избавиться оттого безобразия, которое было у вас с собой.

Он с отвращением посмотрел на ее так называемый капор,

который висел на столбике кровати.

– Ни за что! – немедленно изъявила протест Девон. – Я дорожу своим капором! Это моя первая шляпа.

Себастьян пожат плечами. Если уж речь заходит о фасонах одежды и тому подобном, с женщинами не стоворишься. В детстве Джулианна почему-то воспылала пристрастием к безвкусоному зеленому платью, которое непременно хотела носить каждый день. По утрам происходили сопровождаемые криком и слезами споры с няней, которая настаивала на том, чтобы выбросить эту тряпку. Когда Джулианна выросла наконец из этого платья, то потребовала, чтобы ей сшили несколько черных платьев в знак траура по утраченному любимому одеянию.

– Чулки и подвязки, – произнес он, едва Девон появилась из-за ширмы в новом наряде. И вручил ей то и другое.

– Отвернитесь, – скомандовала она.

Себастьян подчинился, однако уголком глаза наблюдал за тем, как Девон уселась на стул, задрала юбки на колени и принялась натягивать тонкие шелковые белые чулки на стройные ножки, которыми он залюбовался.

– Туфельки? – спросил он и, не дожидаясь ответа, отнес их ей.

Девон оперлась одной рукой ему на плечо и надела одну за другой изящнейшие маленькие туфельки. Потом натянула ажурные перчатки.

В вихре разлетевшихся юбок Девон повернулась к нему

спиной. Низкий вырез платья открывал ее плечи.

Себастьяну хотелось спустить платье с плеч Девон, а во-все не застегивать его снизу доверху, продевая в петельки крошечные жемчужные пуговицы, ожидающие, когда он ими займется. У него пересохло во рту, когда он увидел стройную спину Девон, прикрытую почти прозрачной тонкой сорочкой. Пальцы его наконец задвигались – вяло и неохотно. Он упорно гнал от себя желание прижаться губами к нежной шейке. Почти бессознательно он сравнил ширину своей большой, темной руки с узенькой талией Девон, с теплой белизной ее тела. И почувствовал себя неуклюжим и почти грубым – он, Себастьян Стирлинг, маркиз Терстон, почувствовал себя именно таким рядом с кем? С бездомной девчонкой! Хмуро сдвинув брови, он спросил:

– Где ваш корсет, Девон?

– Я терпеть не могу корсетов. И носить корсет не стану. Это просто орудие пытки.

– Все леди носят корсет.

– А я не буду. Не носила раньше, не стану и теперь.

Подумать только, она не носила корсетов! Никогда не носила корсетов, которые называет орудием пытки. И не подозревает, что сама она мастерица пытать...

Но по правде говоря, ей корсет ни к чему. Он же видит это, более того – чувствует...

Себастьян выполнил задачу и подвел Девон к большому зеркалу в золоченой раме. Но если перед этим Девон едва

ли не приплясывала от радостного возбуждения, то сейчас, перед зеркалом она, как ни странно, даже не приняла горделивую позу. И стояла, опустив голову, довольно долго, пока не решилась наконец поднять глаза и взглянуть на себя.

– О! – прошептала она и повторила: – О! – Прижала ладонь к корсажу и обратилась к Себастьяну: – Оно мне идет, Себастьян! – Их глаза встретились в зеркале. – А что скажете вы?

– Ну, – протянул он, как бы обдумывая что-то. – Я бы сказал, что чего-то не хватает.

– Чего?

– Право, я не уверен. – Он сделал вид, что присматривается к ней, наклонил голову в одну, потом в другую сторону.

Рука Девон поднялась к шее, но этот жест был не вполне уверенным.

– Вот-вот, это в точности моя мысль.

Себастьян достал что-то у себя из кармана. Девон не сводила с него глаз, пока он застегивал изящное серебряное украшение у нее на шее. Крест улегся точно в ямку под горлом.

– Мое ожерелье! – Она почти благоговейно дотронулась до сверкающих серебряных плетений. – Вы его починили, – прошептала она.

– Да, – признался Себастьян со смущенной улыбкой. На самом деле он посылал ожерелье известному ювелиру в тот день, когда побывал в Сент-Джайлзе.

Девон медленно повернулась к нему. Потемневшие от волнения, вопрошающие глаза искали его взгляда.

– Почему? – задала она вопрос дрожащим голосом. – Почему, Себастьян? Я думала...

– Вы были правы, – мягко произнес он. – Я не должен удерживать его у себя.

– Себастьян, я... я не знаю, что сказать.

– Просто поблагодарите меня.

Она поблагодарила, но не так, как он ожидал. Протянула обе руки, обхватила его за шею, пригнула к себе его голову и поцеловала Себастьяна прямо в губы.

Дюжина предостерегающих колоколов зазвонила в голове у Себастьяна, утверждая, что он прав. Поцелуй был сладок.

И он на него ответил...

Глава 12

Девон целовали и раньше – если можно считать смачное прижимание слюнявых губ к ее щеке поцелуем. Когда она работала в «Вороньем гнезде», у нее вся кожа покрывалась мурашками, она уклонялась как могла от наглых похотливых приставаний подвыпивших клиентов пивной. Но иногда приходилось их терпеть, чтобы не лишиться работы.

Но в этом поцелуе не было ничего ни от похоти, ни от разврата.

И он не был нежеланным.

Продолжался мгновение, но в ее сердце проник навсегда.

Девон в жизни не испытывала ничего хотя бы отдаленно похожего на прикосновение губ Себастьяна к ее губам. Ей отчаянно хотелось обнять Себастьяна, запустить руки ему под рубашку и дотронуться до кожи, под которой перекачивались твердые мускулы. И если бы поцелуй оказался более долгим, она, возможно, так и поступила бы.

И все последующие дни она не могла забыть ни на минуту, что Себастьян поцеловал ее. Он ее поцеловал! И это был не просто вежливый отклик на ее поступок, нет, в его поцелуе она ощутила нечто особое, чему не могла подобрать название. В поисках этого «нечто» она теперь на занятиях, которые продолжались пунктуально, подолгу засматривалась на Себастьяна, стараясь, разумеется, чтобы он этого не заметил,

но порой забывалась. Однажды, уже после их обычного перерыва на ленч, она, видимо, утратила представление о времени и так долго смотрела на ямочку у него на подбородке, что он это заметил. Девон вышла из задумчивости, услышав его голос:

– Девон, вы отвлеклись?

– Нет, – поспешила солгать она.

– Но вы явно чем-то озабочены, – заметил Себастьян.

Девон жарко покраснела и пробормотала:

– Вовсе нет.

Себастьян оперся локтем на письменный стол.

– А мне кажется – да.

Теперь уже Девон была уверена, что лицо у нее не просто горит, а пылает. Как может она сказать, что обожает его? Что он для нее – самый красивый мужчина на свете?

– Ваш бок все еще болит? – вдруг спросил он.

– Нет. Я ощущаю совсем незначительную боль, когда делаю слишком глубокий вдох.

Сказать по правде, она вообще еле могла дышать, если он находился рядом.

Себастьян кивнул. Ясные серые глаза в упор смотрели на Девон, когда он спросил:

– Скажите, что у вас на уме?

– Ничего. – Она пожала плечами. – Почему вы так говорите?

Очень ласково он ответил:

– Потому что вы таращили на меня глаза. И продолжаете таращить.

– О, – начала она слабым голоском, – простите меня... От вас пахнет.

На сей раз он был поистине ошарашен.

– Прошу прощения?

– Не подумайте, что от вас пахнет плохо, – поспешила заверить его она. – Мне просто не приводилось находиться в обществе джентльмена, от которого пахнет так, как от вас. Запах такой свежий, чистый... словно крахмал и что-то еще... восхитительное... – Девон окончательно смутилась и договорила совсем уж растерянно: – Наверное, ни одна женщина не говорила вам об этом, правда?

– О том, что я пахну? Пожалуй, нет.

– Я подозреваю, что ни одна леди не скажет такого джентльмену.

– Совершенно верно, – согласился он.

Девон зачем-то дернула подол своего платья и сказала:

– Вы, наверное, считаете меня глупой.

Смешливые искорки промелькнули у него в глазах.

– Нет, – с чуть заметной улыбкой произнес он. – Но я сказал бы, что наш разговор принимает необычный оборот.

– Я вас насмешила?

– Немного.

– Видите ли, дело в том, что с вами я чувствую себя, как бы это объяснить? Самой собой, что ли... Мне не нужно при-

творяться, будто я знаю то, чего на самом деле не знаю. Но вы меня извините. Больше я не стану говорить такие вещи.

Не надо, – перебил он ее. – Не просите прощения. Не бойтесь говорить мне обо всем. Не бойтесь спрашивать обо всем, о чем хотите. И не надо оправдываться, Девон. Ни перед кем не надо оправдываться. – Взгляд у него сделался пронизывающим, но голос оставался спокойным. Он положил свою ладонь на руки Девон, опущенные на колени. – Вы поняли меня? Она смотрела на него испытующе.

– Я поняла, что вы разрешаете мне говорить вам все, что я хочу.

– Вот именно.

– И спрашивать вас о чем хочу?

– Безусловно, – подтвердил он.

– Тогда, милорд, скажите мне, как вам удастся побрить...

– Она наклонилась к нему, и в глазах у нее плясали чертики. – Вот здесь?

Девон легонько дотронулась кончиком пальца до ямочки у Себастьяна на подбородке.

Он рассмеялся низким, мелодичным смехом.

– С большой осторожностью, – ответил он и потер ладонью уже начинающую пробиваться жесткую щетину на подбородке.

Сердце у Девон растаяло.

Так у них с тех пор и пошло, где бы они ни находились вдвоем. Чувства Девон были спокойны. Сердце ее пело. Ей

ужасно нравилось, как приподнимались уголки его губ, когда он старался выглядеть серьезным и строгим и не смеяться над ней. Ведь это было и тогда, в библиотеке.

Ей нравилось вызывать его смех, хотя порой ей казалось, что он уж слишком серьезен.

За шесть недель, проведенных в доме Стерлингов, она получила представление о том, что такое стиль светской жизни. По утрам, пока Себастьян внимательнейшим образом читал «Паблик леджер», она сидела рядом с ним и болтала с Чарлзом, лакеем. По поводу большей части заметок в его газете Себастьян высказывал краткие, отрывочные замечания, лениво попивая чай.

Однажды утром Себастьян вошел в столовую, когда Девон уже сидела за столом и намазывала маслом кусок булочки.

– Доброе утро, – поздоровался он, и она ответила:

– Доброе утро.

Чарлз подошел, чтобы налить Себастьяну чаю. Девон пила шоколад. Сделав глоток из чашки, которую держала в руке, Девон почувствовала легкое прикосновение к своей ноге и быстро опустила другую руку под стол.

Едва слуга отошел, Себастьян устремил на Девон строгий взгляд:

– Девон, я это заметил.

– Что именно?

– Пожалуйста, не давайте Бестии куски под столом.

– Банни, – с нажимом произнесла Девон, – тоже нуждается

в еде.

Разумеется, скверно было с ее стороны дразнить Себастьяна подобным образом, тем более что он и Банни по-прежнему находились во враждебных отношениях и смотрели друг на друга неодобрительно.

– Девон, Бестия (он тоже подчеркнул последнее слово) уже не в состоянии ходить нормально, у нее живот почти волочится по полу. У этой собаки аппетит, как у лошади. Последнее, в чем она нуждается, – это дополнительная кормежка, включая и те лакомые кусочки мяса, которые, как мне известно, вы скармливаете ей по ночам.

Девон чуть не подавилась. Прижала салфетку к губам. Боже, но ведь именно эти кусочки мяса были больше всего нужны Банни! Значит, Себастьян не знает? Да, очевидно, так и есть. И она понятия не имеет, как ему сказать. Чему-чему, а этому он явно не обрадуется. И она решила, что, пожалуй, теперь самое время переменить тему.

– Из-за чего это такая суета? – спросила она, заметив, что мимо открытой двери в столовую снуют слуги то в одну сторону, то в другую.

– Готовятся к сегодняшнему вечеру.

– К сегодняшнему вечеру?

– Да. Я сегодня даю обед. – Он посмотрел на нее поверх газеты. – Разве я вам не говорил?

Девон молча покачала головой.

Она не слишком удивилась. Приглашения самому Се-

бастьяну сыпались в дом, можно сказать, дождем. Себастьян каждое утро тщательно отбирал их. Праздники, балы, вечерние приемы. Если бы он посещал все, ему вообще не удавалось бы поспать вволю. Естественно, что и он, в свою очередь, должен был устраивать обеды и суаре.

Девон была убеждена, что никогда не станет частью его элегантной светской жизни. Но она пользовалась некоторыми привилегиями, а соблазн был неодолим.

– Себастьян, – тихонько окликнула его она.

– М-м-м?

Девон не сразу решилась спросить, потом сказала:

– Вы не будете возражать, если я посмотрю на гостей?

Он опустил газету. И бесконечно долго молча смотрел на Девон. Она было подумала, что сказала нечто неподходящее.

– Я буду держаться в стороне, – поспешила заверить его она. – Вести себя тихо, как мышка, невидимая и неслышимая. О, пожалуйста, скажите «да», Себастьян, я вас не подведу, даю слово!

Она затаила дыхание и ждала, как ей показалось, целую вечность. Что-то промелькнуло в глазах у Себастьяна, и он наконец заговорил:

– Разумеется, вы можете посмотреть. – Он улыбнулся. – Я не придаю значения таким вещам.

Она вскочила с места, обняла его за плечи и, сияя глазами, почти пропела:

– Благодарю вас! Благодарю!

Он смотрел, как она уходит, обуреваемый сложным комплексом эмоций. Какие мелочи доставляют радость этому маленькому созданию. Надо же – ей страстно хочется посмотреть на прием, который она даже не может посетить! Он проявил невнимательность, не сообщая ей о таких событиях в доме. Господи, если бы он вообще мог их отменить! Но светские сплетники и сплетницы начали бы тогда задавать слишком много вопросов. Себастьян скривил губы. Если бы можно было отказаться от дурацкого заявления о том, что он ищет невесту! От этого одно беспокойство. Терпеть он не может идиотов с протухшими мозгами, с которыми то и дело приходится сталкиваться... Так много всего произошло со времени той его декларации. Слишком много. Ведь это было в ту самую ночь, когда он привез Девон в свой дом... и в свою жизнь.

Он ощутил тяжесть в груди – давящую тяжесть. До глубины души ему была противна мысль, что Девон следует прятать, скрывать от чужих глаз, – это бесконечно скверно. Она так мила, красива, очаровательна, а он... себя он сейчас чувствовал низким, грязным и ничтожным. Девон ни о чем таком не думала, а он, Себастьян, думает. И тут уж ничего не поделаешь.

Как бы ему того ни хотелось, он не мог пригласить ее на званый обед. В точности по тем причинам, о которых как-то упомянул в разговоре Джастин. Высший свет весьма неодобрительно отнесся бы к самому факту, что молодая незамуж-

няя женщина живет под одной крышей с двумя неженатыми мужчинами, невзирая на обстоятельства, какими бы убедительными они ни были. Дело другое, если бы Джулианна жила вместе с братьями. Но увы, только вчера он получил от нее письмо, в котором она сообщала, что она теперь в Италии и останется там надолго. И видит Бог, Себастьян понимал сестру и не мог осуждать ее после того, что произошло год назад. Джулианна стала невинной жертвой неизбежного скандала, и неудивительно, что она поклялась никогда не выходить замуж!

Скандал. Это слово было ему отвратительно. Он ненавидел его всем своим существом.

В таком случае, мрачно размышлял Себастьян, ему следует всячески оберегать Девон от любого намека на скандал. Если бы она присутствовала на сегодняшнем званом обеде, у гостей неизбежно возникли бы вопросы, на которые он пока не готов отвечать. И в результате Девон может никогда не получить места гувернантки, которого хочет добиться. Придет время, решил он, и они сочинят историю, объясняющую присутствие Девон в доме, такую историю, которая оставит незапятнанной ее репутацию.

Беспокоила Себастьяна и ситуация с Гарри. Судя по сведениям Джастина, Гарри продолжал разыскивать беременную женщину, которая убила его брата, и у Себастьяна мороз пробегал по коже при одной мысли об этом. Он не мог рисковать жизнью Девон, сообщив о ней в полицию или, Бо-

же упаси, самому Гарри.

Позже в тот же вечер Девон устроилась на балконе за кадкой с пышно разросшимся папоротником. Местечко было отличное: она видела все и всех, а ее никто не мог увидеть. Она питала надежду научиться по методу непосредственного наблюдения кое-чему из приличных манер.

Все было как в тех сказках, которые она только недавно дочитала. Вазы, полные свежих цветов, наполняющих воздух тонким ароматом. Леди в шелковых платьях, излучающих мягкое сияние при свете многочисленных свечей. На шее и в ушах у каждой дамы жемчуга и драгоценные камни, в волосах – ленты и перья. Джентльмены в обтягивающих панталонах и плотно облегающих фигуру смокингах, в высоких, твердых от крахмала воротниках.

Но взгляд Девон снова и снова обращался к Себастьяну. Он непринужденно расхаживал между своими гостями со свойственным ему врожденным изяществом. Один раз он остановился, повернув голову таким образом, что Девон увидела его четко очерченный чувственный рот и массивный подбородок. Если бы она стояла, то при одном его виде шлепнулась бы на пол от слабости в коленках.

Девон как-то не обратила внимания на то, что Джастина не видно в толпе гостей. И вдруг увидела, как он легкими шагами поднимается по лестнице.

Она прижалась спиной к стене и, когда он остановился

рядом с ней, громким шепотом предостерегла его:

– Тихо! Скажите, меня не видно?

– Нет, – заверил он. – Я не замечал вас, пока не поднялся на площадку.

– Я не подслушивала, – сказала она поспешно.

В глазах у Джастина мелькнул веселый огонек.

– О, Девон, Девон! – Он покачал головой. – Чего бы вы только не узнали, если бы подслушивали! Вы могли бы разбогатеть и обеспечить себе безбедное существование до самой старости. – Девон все еще пыталась понять, что он хотел этим сказать, когда Джастин продолжил, вытянув указующий перст: – Пригнитесь влево и смотрите между перилами. Так вам будет видно абсолютно все. Таким вещам обучаются с детских лет.

Девон послушалась и убедилась, что он прав: из этой позиции ей было видно и столовую, и гостиную.

– А попозже, если вам доведется увидеть трех очаровательных дам, скрывшихся в саду со мной, – произнес он с самой бесшабашной ухмылкой, – не говорите никому, что это был я.

– Целых три! – воскликнула ошеломленная Девон.

– А хоть бы и четыре.

– Вы неисправимы! – выбранила его она, впрочем, без малейшей злости, понимая, что он просто дразнит ее. Она вытянула шею и посмотрела вниз. – Себастьян уверял, что приглашенных совсем немного, но там, по-моему, человек сто,

не меньше.

– Видите вы человека, который стоит у камина?

Девон кивнула.

– Это виконт Темберли. Он кое-чего добавляет в свои панталоны, чтобы... как бы это выразиться поделикатнее?.. Ну, скажем, подчеркнуть свое мужское достоинство. Быть может, мне лучше было бы сказать «отсутствие оного».

Девон слегка хлопнула его по плечу:

– Я не так доверчива! Ни один мужчина такого не сделает.

– Вот как? Спросите об этом вдову Блейкуэлл, которая стоит рядом с ним. Она знает. И гораздо лучше, чем его собственная жена.

Девон открыла рот и быстро его закрыла. На лице у Джастина появилось какое-то необычное выражение, потом он вдруг рассмеялся:

– Вас это удивляет? Право, Девон, не обольщайтесь. У супруги Темберли тоже есть свои... – Многозначительная пауза. – Развлечения.

– А Себастьян? – У Девон сильно-сильно забилося сердце. – Его любовница здесь?

Джастин целую минуту смотрел на нее с неподдельным изумлением.

– Он сказал вам о ней? Да ведь он даже мне о ней не говорил!

– Не то чтобы сказал... Это предположение, не более, – призналась Девон.

– Себастьян чрезвычайно скрытен в таких делах. Но я отвечу на ваш вопрос. Ее здесь нет. Сказать по совести, я не видел ни одной из его любовниц. Но слышал, что сейчас это некая актриса по имени Лили.

Девон задышала свободнее.

– Себастьян никогда не был настолько вульгарен, чтобы появляться на людях со своей любовницей, а тем более на таком вот сборище. Хотите верьте, хотите нет, но перед вами самые сливки высшего общества. Вот герцог, дальше граф со своей графиней.

Девон наклонилась, чтобы получше разглядеть тех, на кого указывал Джастин.

– А вот и самая важная особа, гранд-дама, как говорят французы. Вдовствующая герцогиня Каррингтон.

Герцогиня была женщиной очень маленького роста, на ее совершенно седых волосах красовалась шляпа, украшенная жемчугом. При ходьбе она опиралась на трость, однако держалась с величавым достоинством, и Девон ни на секунду не усомнилась в том, что это особа весьма важная и значительная. Она испытала даже нечто вроде благоговения.

– Себастьян ездил к ней на бал на следующий день после того, как я нашла Банни.

– Да, я помню. И считаю, что у герцогини самый великолепный дом в Лондоне, а наш всего лишь входит в первую дюжину.

Девон трудно было представить себе дом более велико-

лепный, нежели тот, в котором она сейчас находилась, и она сказала об этом Джастину.

– Смею сказать, что даже сам дьявол был бы принят светским обществом, если бы герцогиня приняла его у себя. Герцог скончался лет десять назад, насколько мне помнится. Их сын Маркус умер очень давно, и титул унаследовал племянник герцога, но у него с герцогиней прохладные отношения. Себастьян утверждает, что она сделала высший свет площадкой для своих игр именно потому, что у нее никого нет.

– Как она одинока и как все это печально, – негромко заметила Девон. – Маркус умер в детстве?

– Бог мой, ничего подобного! По всей вероятности, Маркус был повесой, который посрамил бы даже меня. Интрижки с замужними женщинами, интрижки с незамужними женщинами, дуэли. Герцогиня улаживала все скандалы, потому что обожала его и надеялась исправить. Она была в отчаянии, когда потеряла его.

– Как же это случилось?

– Он упал с лошади и сломал себе шею.

Девон долго молчала, глядя на герцогиню. Ее сын принадлежал к того рода мужчинам, которых Девон презирала. И какая радость высокородной вдове от ее богатства и роскоши? Дома ее пусты, и, возможно, так же пусто ее сердце.

– Неужели вам ее жаль, Девон? – спросил Джастин с недоверчивым удивлением.

– Понимаете... – начала Девон, но Джастин не дал ей до-

говорить:

– Не стоит ее жалеть. Она может одним взглядом уничтожить человека. Одно ее слово – и он заклеямен как полный идиот и простофиля. Она говорит то, что думает, а думает что ей заблагорассудится.

На губах у Девон появился намек на улыбку. Мама очень часто говорила так о ней.

– А когда она начинает размахивать своей проклятой тростью... Помогите Господь тому, кто попадет на линию огня.

Девон не выдержала и громко рассмеялась.

– Опасная женщина, однако.

– Весьма и весьма опасная, – согласился Джастин.

– Но Себастьян, мне кажется, ее не боится, – почти с гордостью произнесла Девон.

– Себастьян умеет с ней обращаться, это верно. Смотрите, герцогиня взяла его под руку. Я уверен, да и Себастьян, я думаю, это понимает, что она намерена сыграть роль свахи.

– Свахи?!

– Глядите, она направляет его напрямиком к мисс Дарби. Милая, вполне достойная барышня, но, сточки зрения Себастьяна, ей не хватает изюминки. С ней он умирал бы от скуки.

Джастин, сидя на перилах балкона и глядя на Девон сверху вниз, усмехнулся. Шутит он или язвит? С Джестином никогда и ни в чем нельзя быть уверенной.

– Давай, старина, вот так, усади старушку в кресло, отвесь

изысканный поклон и смывайся... Галантен в равной степени с молодыми и старыми – в этом весь мой брат.

Девон не могла отвести глаз от Себастьяна. Не успел он отойти в сторонку от герцогини, как его окружила целая стайка девушек.

Улыбки Девон как не бывало.

– Помилуй Боже, уж не собираются ли они задушить его в объятиях? – сердито пробурчала она.

– Очень уместное замечание, Девон. – В смехе Джастина теперь уже прозвучала явная издевка. – Себастьян не так давно заявил, что начинает подыскивать себе невесту.

– Невесту? – еле слышно выговорила Девон, у которой замерло сердце и перехватило дыхание.

– Да. Он маркиз Терстон, и он не молодеет. Ему нужен сын и наследник. А эти барышни увиваются вокруг него в надежде подцепить мужа. Светские сплетники и сплетницы теперь только и чешут языки по поводу того, кто станет его избранницей.

Девон сцепила пальцы рук, опущенных на колени. На нее вдруг снизошло спокойствие.

– Но ни одна женщина его не подцепит. Я знаю своего брата, и когда он женится, это будет брак по его собственному выбору, а не по выбору женщины, которая захочет выйти за него замуж. Смею вас заверить, что ни одна из чирикающих сейчас вокруг него пташек не станет его нареченной – уж слишком явно они этого жаждут. Видит Бог, ни единого

намека на скандал не должно касаться прошлого его будущей невесты. Себастьян женится только на самой порядочной молодой женщине безупречного происхождения и благопристойного поведения.

– Голубой крови, – медленно выговорила Девон.

– Голубой крови, – повторил Джастин. – Никак не менее того. – Он указал подбородком на женщину, которая как раз в эту минуту остановилась возле арфы. – Если бы я мог держать пари, то поставил бы на Пенелопу Хардинг. Она спокойна. Умна. Воспитанна.

Девон не хотела смотреть. Не хотела видеть женщину, которая могла стать невестой Себастьяна. Но никакая сила в мире не могла бы ее от этого удержать.

Комок у Девон в горле сделался почти болезненным.

– Очень хороша, – заставила она себя изречь.

Миниатюрная, с гладкими и блестящими черными волосами Пенелопа Хардинг села на стул перед арфой, аккуратно расправив юбки. Себастьян остановился возле нее. И что-то сказал. Пенелопа кивнула, изящные черты ее лица как бы посветлели. Ее пальчики коснулись струн арфы.

Пенелопа запела.

Комнату наполнили чистейшие, прекраснейшие звуки – Девон никогда не слышала подобных.

Долго после того, как Джастин вернулся к гостям, долго после того, как замерла последняя нота, долго после того, как стихли аплодисменты и гости двинулись в столовую, Де-

вон сидела одна в темноте.

И отчаянно старалась прогнать из сердца мучительную боль. Быть может, причиной этой боли были слова Джастина. Или тишина в гостиной, которая воцарилась там, едва сладкогласая Пенелопа запела. Или жест Себастьяна, когда он, склонившись перед певицей, поспешил подать ей руку, чтобы помочь встать со стула. Пенелопа пела как ангел. И выглядела в своем белом шелковом платье тоже как ангел.

Девон опустила глаза. Какой жалкой и безвкусной выглядит она сама, сидя здесь в своем новом нарядном платье.

Когда вечер начинался, она воображала, что у нее с Себастьяном любовь. Теперь, когда прием шел к концу, Девон мучилась от душевной боли. Влюбиться в такого мужчину, как Себастьян... Это неразумно, твердила она себе. Очень, очень неразумно. Потому что Себастьян настолько же выше ее, насколько вот эти звезды на освещенном луной небосводе.

А она всего лишь камешек в грязи.

Что касается поцелуя, которым они обменялись, то Себастьян не случайно принес извинения. Она была глупа, думая, что за этим поцелуем есть нечто большее, чем каприз.

Ей следует крепко помнить об этом.

Глава 13

Несколькими днями позже Себастьян вошел в библиотеку и увидел, что Девон сидит в кресле, перекинув ноги через подлокотник.

– Дорогая моя, леди всегда ставит ноги на пол.

– А джентльмен никогда не появляется на людях без сюртука.

Девон выразительно посмотрела на закатанные рукава рубашки Себастьяна и его обнаженные до локтей руки.

– Точный удар. – Он вздернул брови, но и не подумал надеть сюртук, брошенный на спинку кресла у письменного стола. Уселся и поднял глаза на Девон. – Мы чем-то недовольны?

Она полыхнула глазами.

– Вам не понравился завтрак?

Ни слова в ответ. Девон сегодня должна была подготовиться к уроку по географии. Она провела большую часть утра, сидя за письменным столом и глядя в пространство с выражением страха на красивом лице.

Себастьян поднялся из-за стола и подошел к глобусу, установленному на особой подставке.

– Девон? – окликнул он ее и жестом предложил последовать его примеру.

Она со вздохом повиновалась.

– Где находится мыс Доброй Надежды?

Девон вяло ткнула пальцем в район Северного полюса.

– Интересно, – сухо заметил Себастьян. – Вчера его там не было.

Уголки ее губ опустились.

– Какое это имеет значение? Я не собираюсь туда ехать.

Это уже нечто серьезное, решил Себастьян.

– Ну что ж, в таком случае покажите мне, где находится Лондон. Мне известно, что вы там бывали.

Она со злостью обвела кончиком пальца крохотный кружок на глобусе.

– Отлично, – похвалил ее Себастьян.

Девон даже не взглянула на него. Плечи ее были опущены, она вообще была сама на себя не похожа. Отвечала на вопросы неохотно и не сразу, без обычной, быющей через край радостной готовности.

– Вы больны, Девон?

– Нет. А вы мне кажетесь до крайности усталым.

– А вы мне – до крайности невнимательной. Наконец-то ему удалось привлечь к себе ее внимание. Глаза их встретились.

– Почему вы занимаетесь всем этим, Себастьян? Возитесь со мной? Когда вы возвращаетесь с вечерних приемов, вы не спите до рассвета. Я это знаю. Видела свет в щели под дверью вашей спальни.

Себастьян посмотрел на Девон долгим испытующим

взглядом. Легкие тени у нее под глазами свидетельствовали о том, что и она не спит по ночам. И не прекратила свои ночные путешествия по дому. Но сейчас, принимая во внимание ее теперешнее настроение, ему не хотелось пробирать Девон.

– Я люблю ночь, – произнес он беззаботно. – И всегда любил.

Это вполне правдивое утверждение явно не убедило Девон.

Совершенно бесспорно, что ему трудно было сосредоточиться только на работе во время их совместных занятий. Порой, когда Девон склонялась над длинным столом красного дерева в центре комнаты, Себастьян любовался ее аккуратной кругленькой попкой, которая двигалась то в одну сторону, то в другую. Ему нравилось наблюдать, с какой сосредоточенностью она хмурит тонкие брови. Девон не хотела, чтобы он, как она выражалась, глазел на ее грудь, и ему приходилось довольствоваться тем, что было ему доступно.

Однако тем дело не ограничивалось.

Обязанности, которые всегда казались ему важными, отошли на второй план. Он предпочитал проводить время с Девон и не тратить его на посещение светских приемов, на которых ему следовало присутствовать, если он намеревался искать себе невесту. В обществе Девон можно было не придерживаться светских формальностей, не думать о долге, налагаемом на него титулом. Помимо всего прочего, Девон не

наводила на него скуку. При всей своей необразованности она обладала острым и восприимчивым умом. Она не жеманилась в разговоре и не прятала свои чувства за неостановимой болтовней и притворным смехом. И она занимала его воображение, как ни одна другая женщина не занимала его до сих пор.

– Дело не во мне, – сказал он. – Я считал, что вам нравится учиться.

– Это так и есть, – буркнула она недовольно.

Себастьян подумал, что две недели назад она не позволила бы себе подобного тона, лишённого даже намека на радость. Он нахмурился:

– В последние несколько дней вы ведете себя по меньшей мере необычно. Что с вами произошло?

Девон отвела взгляд и произнесла очень тихо:

– Ничего.

– Я знаю вас уже достаточно хорошо, чтобы этому поверить, – уверенно возразил он. – Вы изменили ваши намерения? Я полагал, что вам хотелось бы стать гувернанткой.

– Мне по-прежнему этого хочется. Но...

Запинка была многозначительной: Девон явно чем-то сильно огорчена, и это задело сердечные струны самого Себастьяна. Он протянул руку через стол и обхватил пальцами тоненькие пальчики Девон.

– Но что? – спросил он, глядя ей в лицо.

Мягкие розовые губы крепко сжались.

– Девон... – начал было он уже с некоторым оттенком предостережения.

– О, ну хорошо! – перебила его она. – Если вам так хочется знать, то я... я не умею петь.

Себастьян растерянно моргнул:

– Простите, не понял вас.

– Вы слышали, что я сказала. Если бы я запела, все кинулись бы к дверям и убежали на улицу.

Несколько секунд Себастьян тупо смотрел на нее в полном недоумении. Потом его вдруг осенило:

– Вы слушали пение Пенелопы!

Девон кивнула с убитым видом.

Себастьян едва не расхохотался, но вовремя понял, что этого нельзя допустить хотя бы во имя собственной безопасности.

– Девон, – заговорил он, – очень немногие могут петь, как Пенелопа.

Этот прием, кажется, не сработал. Наверное, следовало бы ее подбодрить. Попробуем еще разок.

– Быть может, вам только кажется, что вы не можете петь.

– Нет, – возразила она. – Не кажется. Послушайте.

Она запела какую-то песенку слабым, дрожащим голоском, и Себастьян постарался, чтобы в глазах у него не появилось выражение, которое она могла бы – и не без основания! – принять за жалость.

Бестия, которая дремала, лежа в углу комнаты, пробу-

дилась, села и завыла. Себастьян бросил на псину грозный взгляд.

Девон кончила петь и выжидательно посмотрела на Себастьяна. Плечи ее были безвольно опущены. Ей-богу, ему сейчас надо соблюдать максимальную осторожность, чтобы не задеть донельзя обостренные чувства Девон.

– Дорогая, ведь для того, чтобы стать истинной леди, нужно многое, и умение петь далеко не самое главное в этом.

– Да, – горестно согласилась она. – Я это понимаю.

– Быть может, ваш талант проявит себя в игре на фортепиано...

– Быть может, у меня вообще нет талантов.

– Странно, – произнес Себастьян. – Вот уж не думал, что вы из тех, кто легко сдается.

– Смею сказать, что я и не собираюсь сдаваться или что-то в этом роде. Я просто хочу быть честной. Ведь вы цените честность, не так ли?

– Очень высоко.

– Тогда перестаньте меня уговаривать.

– Да я вовсе не...

– Пожалуйста, Себастьян, позвольте мне договорить, – перебила она. – Дело не только в Пенелопе. Я наблюдала за леди на вашем приеме. Я не смогу стать такой, как они. Никогда! – с жаром воскликнула Девон. – Я не склонна к осуждению. Я не завистлива – или, может, завистлива! О, я понимаю, что как гувернантка я не буду принимать участия в по-

добных развлечениях. Уверена, что гувернантке или компаньонке нечего и думать о том, чтобы попасть в высшие слои общества. Но буду ли я обучать детей или находиться в компаньонках у богатой старой женщины, мне понадобятся соответствующие манеры...

– У вас и будут соответствующие манеры, если вы научитесь сидеть прямо.

– Не в этом дело, – отмахнулась Девон и ткнула указательным пальцем сначала в сторону глобуса, – а потом в сторону полок с книгами: – Это все. Я не умею шить, и зачем мне учиться вышивать? Я не научусь рисовать, незачем и пытаться, это лишь доставит вашей сестре лишние хлопоты. Я никогда не научусь говорить по-французски. Я только-только начала учиться читать на родном языке. – Голос ее вдруг сорвался, она откашлялась и продолжала уже спокойнее: – Я думала, что смогу справиться, но уж очень многому надо учиться.

– Девон, помолчите!

– Себастьян, я...

– Шшш!

Ее милые губы задрожали. У Себастьяна сжалось сердце.

– Послушайте меня, Девон, – произнес он как можно мягче. – И слушайте внимательно. Я неизменно радуюсь вашим успехам в учебе. Они просто поразительны.

– Это вы нарочно говорите, – слегка потрянув головой, возразила она.

– Нет. – Он был непреклонен. – Ничего подобного. Я вижу, что вы чувствуете себя подавленной. Это и неудивительно. Вы приобрели невероятное количество знаний за самое короткое время. Мы начали заниматься немногим более месяца назад. Да-да. – Себастьян ласково провел кончиком пальца по изящному носику Девон. – Ну как, успокоил я вас хоть немножко?

Она посмотрела ему в глаза, как бы желая убедиться в его искренности. И должно быть, убедилась, потому что кивнула и произнесла:

– Да, успокоили. – Голос звучал серьезно, однако на губах у Девон появилась слабая улыбка. – Как всегда.

Себастьян перевел дыхание. Ему хотелось ее поцеловать. Ужасно хотелось, но она могла счесть, что ему от нее нужны только поцелуи, а это уж было совсем ни к чему.

Себастьян повернул голову и посмотрел на глобус. Он объехал, почитай, весь мир. Ездил в Египте на верблюдах. Потел и задыхался от жары в Индии. Вчера он показал Девон на глобусе все места, которые ему довелось посетить.

А Девон только и знала, что треклятый Сент-Джайлз.

«Господи, – подумал он, – всего-то побывала в аду и вернулась!»

– Выпрямите спину и сделайте глубокий-глубокий вдох, моя дорогая. Потому что я знаю кое-что, от чего вам станет еще лучше.

Он увел ее в прихожую и велел подавать карету и прине-

сти плащ Девон.

– Себастьян! – растерянно моргнула она. – Что вы собираетесь делать?

– Мы уезжаем, – объявил он. Девон широко раскрыла глаза:

– Уезжаем? Куда?

Просунув ее изящную ручку себе под локоть, он нежно погладил ее своей рукой.

– Повидать мир, которого вы не знаете.

Карета выехала за город, где воздух был теплым и свежим, а небо – голубым и сияющим. Девон сидела, прижавшись носом к окошку, совершенно замороженная открывшимся ей зрелищем. Себастьян сидел рядом и, в свою очередь, был совершенно заморожен ею.

В маленькой живописной деревушке близ Лондона они поужинали в очаровательной придорожной гостинице. Девон ела с удовольствием, к ней вернулось хорошее настроение. Она была оживленной и радостной; Себастьян тоже радовался от души тому, что увез ее на целый день из Лондона. Перемена обстановки, несомненно, была нужна ей после долгого пребывания в замкнутом пространстве.

В город Себастьян и Девон вернулись уже затемно. Когда они проезжали по Гросвенор-сквер, Девон повернула голову, чтобы посмотреть на очень большой и длинный дом в конце площади. Себастьян усмехнулся – лицо у нее было по-детски

удивленное.

– Этот дом похож на замок, изображенный в одной из книг в вашей библиотеке.

– Это верно, – согласился он. – В нем живет вдовствующая герцогиня Каррингтон.

– Ах да, она была тогда у вас на званом обеде. Джастин показал мне ее.

Спустя несколько минут они проезжали мимо кирпичного дома в георгианском стиле.

– Вот этот дом мне очень нравится, – сказала Девон. – Кто в нем живет?

– Виконт Темберли.

Уголки губ у Девон опустились.

– Но как подумаешь, – медленно проговорила она, – дом этот ужасен.

– Странная перемена мнения, – заметил Себастьян, удивленно приподняв брови. – Можно спросить почему?

– Мне не нравится его хозяин.

– Девон, вы его даже не знаете.

Себастьян замолчал, крепко сжав губы. Веселость его на-чисто улетучилась. Он внезапно ощутил жар во всем теле. Виконт Темберли был известным бабником и приставал, распуская руки, к любой привлекательной женщине, но с его братом Себастьяна связывали дружеские отношения, и, приглашая на обед одного, невозможно было обойти приглашением другого.

Что, если Девон случайно столкнулась с треклятым ви-контом в тот вечер? Не случилось ли чего-то, о чем он не знал? Того, о чем Девон не решилась ему рассказать? Быть может, она из-за этого не спит по ночам? Черт побери, да если Темберли хотя бы посмел бросить на нее похотливый взгляд, он задушил бы этого мерзавца собственными руками!

Он повернулся так, чтобы лучше видеть ее лицо. Он сразу поймет, если она что-то скрывает.

– Чем же это Темберли заслужил такую немилость? – спросил он прямо-таки железным голосом.

– У него есть жена, а при этом еще и любовница.

У Себастьяна словно камень свалился с плеч.

– Откуда вы об этом знаете? Нет.. – Он предостерегающе поднял руку. – Я попробую угадать. Это опять-таки Джастин.

– А вы? – спросила она спокойно. – Вы тоже обзаведетесь любовницей, когда женитесь?

Девон намекала таким образом на его поиски невесты. Незачем спрашивать, откуда она узнала, да это, собственно, и не держалось в тайне. Но он ни разу не говорил с ней об этом, да и какая в том нужда? Однако в последнее время он стал предметом пересудов и он видел, как Девон читает сплетни в последних номерах газеты, которую получал сам. Да, именно сплетни она штудировала с таким увлечением, теперь Себастьян осознал это вполне. И подумал, что лучше

бы она с тем же рвением приобретала нужные ей знания.

Девон призывала его к честности. Что ж, он даст ей честный ответ на ее вопрос.

– Я не знаю, – сказал он.

– Вы не знаете, – повторила она.

– Не знаю. И не могу исключить подобную возможность.

Суть в том, что большинство джентльменов поступает так.

– Ясно, – произнесла она вкрадчиво. – Скажите, пожалуйста, вы ожидаете, что жена будет верна вам?

– Она будет мне верна, – сказал он, – иначе ей не быть моей женой.

– Значит, вы потребуете от нее полной преданности?

– Верность и преданность, если позволите так выразиться, идут рука об руку.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но вы требуете от жены безусловной честности, преданности и верности, отказывая ей в этом со своей стороны?

– Я не определял бы это таким образом. Она будет исполнять свой долг как жена, а я свой долг как муж.

– А что, если она захочет иметь любовника?

– Она этого не захочет! Мужчина должен быть уверен, что его наследники зачаты от него!

– Но вы можете себе позволить обзавестись любовницей. Разве это не одно и то же?

– Конечно же, нет!

Она смотрела на него, сжав губы. В янтарных глазах бу-

шевала буря.

– У светского общества свои законы, Девон. Вы не понимаете...

– О нет, я понимаю! – возразила она холодно. – Понимаю, как скверно со стороны мужчины иметь одновременно жену и любовницу. Мужчина должен быть верен своей жене так же, как она верна ему. Мужчина должен заботиться о жене так же, как она заботится о нем.

Мужчина должен быть порядочным. Я думала, вы это понимаете.

«Так, – подумал Себастьян, – представления о том, что хорошо, а что плохо, у нее, как видно, непоколебимые». Он с трудом удержался от смеха, хотя проповедь Девон о верности произвела на него довольно сильное впечатление. Она прозвучала как кодекс чести, который обязаны блюсти любящие по отношению друг к другу.

И для него это были тоже подлинные ценности.

Он хотел взять Девон за руку, но она отстранилась.

– Девон, – заговорил он негромко, – вам, быть может, интересно будет узнать, что у меня больше нет любовницы.

Себастьян и сам не понимал, чего ради он поведал ей об этом.

– Почему вы считаете, что это может быть мне интересно?

«В самом деле, почему?» – смутился он и откинулся на подушки кареты. В эту минуту колесо, должно быть, ударились о булыжник, и карета подпрыгнула и немного накренилась.

лась. Себастьян протянул руку, чтобы поддержать Девон, и на сей раз она не отстранилась, только вздернула свой маленький носик и спросила сухо:

– Что с ней случилось? Ведь Лили такая красавица? Вы с ней поссорились?

Откуда, черт побери, она узнала про Лили? А, это опять Джастин, со злостью сообразил Себастьян.

Но ведь это он сам начал разговор. Непонятно, как его окончить. Не рассказать же, что в один из вечеров уже после появления в доме Девон он поехал к Лили. Увидел ее и... ничего не почувствовал. Ее пылкий приветственный поцелуй не вызвал у него никаких эмоций. Не возникло ни ответной вспышки, ни намека на желание.

Он понял, что все между ними кончено, и так и сказал. Недовольство Лили было вполне естественным. Она устроила бурную сцену и шумно возмущалась до тех пор, пока Себастьян не предложил ей щедрую компенсацию. После чего она прямо-таки замурлыкала от радости.

Он, разумеется, не намерен был сообщать Девон эти пикантные подробности.

– Нет, просто пришло время нам расстаться.

– И вы прямо так вот и отпустили ее?

Ее тон был почти обвиняющим, и это задело Себастьяна. Он считал, что она обрадуется. Странная логика!

– Красавица Лили, как вы ее назвали, найдет себе кого-нибудь еще. Уверен даже, что уже нашла.

– А если нет?

– Непременно найдет. Так обычно бывает... – последовала неловкая пауза, – с подобными женщинами.

– Судя по этой вашей декларации, я могу прийти к заключению, что у вас было много любовниц.

Себастьян почувствовал себя не слишком уютно. То было утверждение, а не вопрос. Да, по выражению ее лица он понял, что ответ ей известен. Но с какой стати он вообще должен давать ей ответ? Признаться, их разговор принял направление, которого он не предвидел. Впрочем... Себастьян немного подумал, выбирая подходящие слова.

– Мне тридцать один год, – заговорил он. – Так что да, у меня было несколько любовниц.

– В таком случае у вас, быть может, уже есть дети, – заметила Девон неодобрительно.

– Ничего подобного. В этом я вполне убежден.

– Почему? – спросила она.

– Ну, вы же знаете. Есть способы... – Он сделал неопределенный жест. – У мужчин свои. У женщин тоже...

Себастьян вдруг замолчал, пораженный некой примечательной мыслью.

Они были почти что дома. Карета замедлила движение.

– Девон, – снова заговорил Себастьян, – ведь вы знаете, при помощи каких способов мужчины и женщины могут избежать зачатия ребенка?

– Я этого не знаю! – отрезала она. – Мне такие знания не

нужны!

Понадобилась всего секунда, чтобы Себастьян осознал всю важность этого категорического утверждения, которому почти не мог поверить. Неужели она...

Ожесточенное и прочувствованное ругательство само вылетело у него изо рта, после чего он изрек следующее:

– Девон, вы хотите сказать, что вы девственница?

Дверца кареты распахнулась. Слуга в темно-красной лифее поклонился и протянул руку, чтобы помочь Девон выйти.

– Милорд, – заявила она, – ваш язык просто ужасен!

– Он станет еще ужаснее, если вы мне не ответите. Девон подобрала юбки и, высоко вздернув маленький округлый подбородок, бросила через плечо:

– Полагаю, на этот счет вы можете прийти к собственному заключению.

В ее голосе прозвучала подчеркнутая любезность.

Глава 14

Девон – девственница! Господи, она невинна!

Вот уже в течение нескольких часов мысли и чувства Себастьяна находились в полном беспорядке.

Каждая клеточка в его организме подсказывала ему, что это правда. Но как Девон могла сохранить девственность, живя в какой-то вонючей дыре в Сент-Джайлзе? Работая в проклятом «Вороньем гнезде»? Возвращаясь домой по опасным ночным улицам, одинокая и беззащитная женщина, легкая добыча для первого встречного негодяя?

Но тут ему вспоминались обстоятельства, в результате которых она попала к нему в дом. Быть может, она и не была совсем беззащитной. Девон вооружилась ножом, и у нее было достаточно сил, чтобы пустить его в ход. И она обладала самым лучшим оружием из всех – умом, сообразительностью. Тот факт, что она прикидывалась беременной женщиной, уже свидетельствует о ее изобретательности.

Он вообразил, что хорошо ее знает... Это заблуждение.

Она вовсе не была проституткой, как он думал вначале. После тирады, которую она обрушила на него в день, когда он застал ее у себя в комнате за неподобающим занятием, Себастьян уже не винил ее за то, к чему ей приходилось прибегать, чтобы выжить. И он вернул ей ожерелье, по поводу происхождения которого строил не слишком достойные пред-

положения. Ясно, что она его носила постоянно. Если ожерелье почистить, станет очевидным, что вещь это дорогая. В самом ли деле оно подарено матери Девон каким-то богатым джентльменом?

Девственница. Милостивый Боже, она девственница!

Губы Себастьяна изогнулись в саркастической усмешке. Существует лишь один способ проверить это, подумал он с мрачным юмором. Однако весьма немного шансов, что в этом случае он встретил бы добрый прием. Девон прямо-таки полыхала возмущением, когда, высоко задрав голову, уплывала к себе в комнату.

Опрометчивые поступки были не в характере Себастьяна. Отнюдь нет. Он человек цивилизованный. Впрочем, в его цивилизованной сущности, в самой ее глубине, таится и нецивилизованная часть, которая сейчас побуждает его подняться в спальню к Девон, разбудить ее, раздеть и ласкать. Без конца целовать ее прекрасную, ах, какую прекрасную грудь и овладеть Девон в безудержном порыве страсти...

К стыду Себастьяна, цивилизованная часть его природы в настоящий момент готова была пойти на поводу у нецивилизованной. Мысль о том, что Девон спит сейчас в своей постели, возбуждала его с невероятной силой.

Черт, черт побери, но ведь не насильник же он. Не из тех мужчин, которые всем пренебрегают ради удовлетворения собственной прихоти. Помимо всего прочего, Девон – невинная девушка, незачем лгать себе, предполагая, что это

не так. Она живет под его крышей, под его защитой, его личной опекой. И как бы ни сжигало его пламя желания, он не может себе позволить обесчестить ее в угоду собственной страсти.

В особенности после сегодняшнего их разговора в карете.

В голову Себастьяну пришла неожиданная мысль. Быть может, мать Девон была любовницей какого-то джентльмена, а Девон – плод этой незаконной связи? Быть может, именно поэтому она такая яростная ненавистница мужчин, имеющих любовниц?

Он ощутил острый укол душевной боли. Господи, но ведь этот дом опустеет без нее. Девон стала его душой, наполнила его дыханием жизни и своей веселостью.

И его, Себастьяна, душу она оживила.

Сердце словно сжала чья-то безжалостная рука, стало трудно дышать.

– Девон, – прошептал он, – ах, Девон, что же мне делать с тобой?

Боже милостивый, а что ему останется делать без нее?

Просто полный душевный разброд. Ему срочно нужен глоток бренди. Хорошего, крепкого бренди. Целенаправленной походкой зашагал он к библиотеке, к своему креслу. Видит Бог, ему надо посидеть и подумать.

Но его кресло было уже занято.

Девон снились сны. О дне, полном безмятежной радости.

О пышных летних садах, цветущих и зеленых, о серебряистой песенке воды в фонтане, о потоке солнечных лучей, пробившемся сквозь полупрозрачную завесу белых облаков. Но увы, внезапно разразилась гроза, молния с сухим треском расколола небосклон, и грянул гром. Девон беспокойно задвигалась во сне, желая вернуться к чудесному миру солнечного сияния и блеска.

– Девон... Девон.

Она резко дернулась. Гром гремел теперь совсем близко. Прямо у нее над ухом.

Девон открыла глаза. Над ней склонился Себастьян с лицом таким же темным и мрачным, как тучи в ее сне.

– Уходите, – пробормотала она.

Он не ушел.

– Девон, Бестия... то есть Банни... забралась в мое кресло...

– Господи, – сонно заговорила она, – ведь вы намного больше и сильнее, чем она. Снимите ее с кресла.

Девон повернулась на бок, явно намереваясь снова уснуть.

– Судя по обстоятельствам, я сомневаюсь, что это было бы разумно.

Сонливость у Девон как рукой сняло. Она соскочила с постели и побежала к двери.

– Срок, – только и выговорила она.

Себастьян следовал за ней по пятам. Они быстро спускались по лестнице.

– Так вы знали? – прорычал он. – Вы знали?

– Что? – возмущенно воскликнула Девон, останавливаясь. – Вы хотите сказать, что вы не знали?

Он подхватил ее под локоть и повлек дальше. Отвечать значило бы навлечь на себя поток обвинений. Что-то бурча себе под нос, он подвел Девон к двери в библиотеку и распахнул ее.

– Проклятие! – задыхаясь, еле выговорил он. – Эта тварь собирается ощениться в моем кресле!

Девон находилась достаточно близко, чтобы услышать. Она первой вступила в библиотеку со словами:

– Наконец-то вы сообразили, в чем дело! – Она не удержалась и поддразнила Себастьяна: – Право, милорд, есть же в ваших владениях собаки. А также лошади...

– Так вот почему она обладала зверским аппетитом!

Пока они обменивались колкостями, Банни перестала царапать лапами кресло и вертеться, легла и громко заскулила, страдальчески подвывая. Себастьян принялся нервически вышагивать перед камином.

– Девон, – не выдержал он наконец, – мы должны что-то предпринять.

Она взглянула на него. Себастьян стоял перед ней в белой рубашке с незастегнутыми рукавами, бледный от волнения. Рубашка сверху была застегнута лишь наполовину и открывала грудь, заросшую густыми темными волосами. У Девон вспотели ладони. Грудь у Себастьяна такая же мускулистая,

как его большие, сильные руки. Девон, забыв обо всем, молча смотрела на эти шелковистые блестящие заросли и гадала, так ли выглядят прочие части его тела.

Она поспешила отвести глаза. О чем это он спрашивал? Ах да.

– У нее роды, Себастьян. Она должна справиться сама.

И та старалась изо всех сил. Взвизгивала, тужилась, тяжело дышала, вытягивалась до тех пор, пока Себастьяну не стало совсем невмоготу. Он опустился на одно колено рядом с Девон, проглотил комок в горле и про-, тянул руку к Банни.

– Ничего не поделаешь, – проговорил он ласково. – Ты справишься с этим, девочка. Я уверен, что ты справишься.

И тотчас после этого случилось необычайное. На свет показалось мокренькое крохотное тельце. А потом произошло нечто еще более необычайное: Банни лизнула Себастьяну руку.

К первенцу присоединились один за другим еще три щенка. Продолжения не последовало, и Себастьян с надеждой посмотрел на их мамашу.

– Кажется, она кончила, Девон, как вы думаете?

– Думаю, что да.

Себастьян испустил шумный вздох облегчения и вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

– Это было мучительно.

Девон с почти незаметной улыбкой подумала, что для Себастьяна происшествие оказалось более мучительным, чем

для самой Банни. Одного за другим с большой осторожностью она брала в руки щенков и заглядывала каждому под брюшко.

– Подумать только, Себастьян, все они мальчики! – с торжествующим видом заявила она.

Возвращенные матери щенята еле слышно попискивали, инстинктивно ища материнского тепла. Банни носом приподвинула их к своему животу.

– Надо позаботиться, чтобы сегодня ночью в библиотеке было тепло, – сказала Девон.

– Я сам разведу огонь в камине, – пообещал Себастьян.

– А еще имена. Мы должны дать имя каждому из них.

– Отличная идея, – одобрил он. – Ну и какие же имена им дать?

– Я не знаю. Может быть, возложим эту ответственность на вас?

– На меня? С какой стати?

– Я придумала имя для Банни, но вам мой выбор не пришелся по вкусу. – Это замечание сопровождалось взглядом искоса. – Вот я и подумала, что будет лучше, если имена ее детям дадите вы, тем более что все они мальчики.

Себастьян с улыбкой дотронулся пальцем до голого животика одного из щенков.

– Вот этот самый большой, – сказал он. – К тому же он первенец. Давайте назовем его Генералом, а этого, – продолжал он, почесав крохотное ушко, – Полковником. Двум остав-

шимся дадим, понятное дело, имена Майор и Капитан.

Девон даже похлопала в ладоши с возгласом:

– Это здорово придумано!

– Благодарю вас, – отозвался Себастьян. – Мне это доставило удовольствие. – Он повернул голову и посмотрел на Девон. – Вы, я вижу, просто счастливы.

– Так оно и есть.

Они уселись плечом к плечу, весьма довольные собой и друг другом. Девон закутала босые ноги подолом своего ночного одеяния.

Джастин отворил дверь так тихо, что они оба догадались о его присутствии, только когда он заговорил:

– Так-так, мамочка и папочка любят потомством. Сколько их там?

– Четверо. И все мужского пола, – с гордостью сообщил Себастьян.

Джастин подошел ближе.

– Признаться, я уж думал, что это благословенное событие никогда не свершится.

С этими словами Джастин протянул руку к одному из щенков. Мамаша тотчас сделала выпад. Джастин отступил со всей доступной ему поспешностью, вскрикнув от неожиданной боли.

– Господи, она меня укусила, – пожаловался он. – Я просто глупец, уж кому-кому, а мне следовало бы знать, что женщинам доверять не стоит.

Себастьян расхохотался.

– Знаешь что, дружище? Ты только что получил нагоняй от дамы, впервые в жизни, насколько я понимаю. Возможно, это сигнал о грядущих неприятностях.

Себастьян почесал брюшко тому щенку, которого хотел было потрогать Джастин, и Банни потерлась головой о его руку.

– Тебе, я полагаю, ясно, что я ни на йоту не утратил своего обаяния.

– Брось хвастаться, – сказал Себастьян и снова рассмеялся. – Лучше придержи язык, не то еще сглазишь!

– Ты был бы рад этому?

– Признаться, да.

– Вижу, тебе нравится меня донимать, – заявил Джастин. – Лучше мне уйти. Спокойной ночи, Девон. И тебе тоже, братец.

Себастьян и Девон даже не пошевелились, когда он ушел. Девон вновь почувствовала усталость, веки у нее сделались тяжелыми, но ей не хотелось двигаться. Так приятно было сидеть рядом с Себастьяном, таким большим и теплым. Она чувствовала себя в полной безопасности, в безмятежном покое. Заметит ли он, если она придвинется к нему ближе?..

...Потом Девон вдруг ощутила, что кто-то обнимает ее за плечи и мускулистые руки подхватывают ее под колени, поднимая с пола.

Губы ее мимолетно коснулись шеи Себастьяна. Она сонно

пробормотала:

– Мне надо присмотреть за Банни и ее щенками.

Смех зарокотал в груди у Себастьяна, в том самом месте, к которому была прижата ее рука.

– Радость моя, вы спите у меня на плече вот уже целый час.

«Радость моя».

Сердце у Девон сжалось от внезапного укола боли. Вряд ли он вкладывает в эти слова особый смысл, просто произнес то, что первым пришло на язык. Не стоит обольщаться...

– Обнимите меня, – прошептал он.

Но ее руки уже обвивались вокруг его шеи. Прижавшись к ней лицом, Девон наслаждалась ощущением его скрытой силы. Слегка повернув голову, посмотрела на красивые очертания губ Себастьяна – они даже не дрогнули, пока он нес ее вверх по лестнице в спальню. Не в силах удержаться, Девон коснулась кончиком пальца ямочки у него на подбородке, которая так ей нравилась.

– Вы очень красивы, – проговорила она серьезно.

Себастьян медленно опустил ее на смятую постель.

Что-то промелькнуло у него в глазах, что-то такое, благодаря чему она неожиданно для себя смогла заглянуть ему в душу. И обнаружила в ней, казалось бы, несвойственную Себастьяну неуверенность.

– Ничего подобного, – помотал он головой. – Если кто и красив, так это Джастин.

Девон села.

– И вы тоже, – проговорила она негромко.

Он вздохнул:

– Спасибо вам за эти слова, Девон, но я не обольщаюсь на свой счет. Я слишком большой. Слишком смуглый. Когда я был ребенком, другие дети называли меня цыганом.

Он взял ее руку и сплел ее пальцы со своими, которые казались особенно массивными по сравнению с ее тоненькими пальчиками. Ладонь его была теплая и твердая, и прикосновение к ней вызвало у Девон странную для нее дрожь в самых потаенных уголках ее тела... Даже в полутьме бросался в глаза контраст между цветом ее и его кожи.

– Вы видите? Ваши руки... они наполовину меньше моих. – Проблеск улыбки промелькнул у него на губах. – И вы наполовину меньше меня.

Он убрал руку.

Глаза у Девон вспыхнули. В чем дело? Она почувствовала ей самой непонятную обиду.

– Вы – мечта любой женщины, Себастьян. Любая сколько-нибудь заметная девушка в лондонском высшем обществе стремится стать вашей невестой. Я видела это собственными глазами здесь, в этом доме. Все эти молодые леди готовы были упасть к вашим ногам. Вы могли бы иметь успех у любой женщины в Лондоне.

– Ну, это, вероятно, близко к истине, Девон, однако позвольте мне пополнить ваши знания. Все это потому, что каж-

дая из них жаждет стать маркизой. Не важно, моей маркизой или чьей-то еще. Это сильная приманка. Браки по любви редки. По большей части они заключаются из соображений чисто практических. Я вовсе не хотел бы выглядеть мелочным или ничтожным, я люблю своего брата Джастина всей душой, но если бы он, а не я унаследовал титул, на меня никто не обращал бы внимания.

Девон была потрясена. Ошеломлена тем, что у человека, столь уверенного в себе, могут быть подобные мысли. При всем том его доверительность тронула ее. Редкий мужчина способен на такого рода откровенность.

– Вообще-то Джастина считают самым красивым мужчиной в Англии, и...

– Да-да, я это знаю, – перебила Себастьяна Девон. – Но вы только что сказали, что если бы маркизом был Джастин, на вас никто не обратил бы внимания. Это абсолютная неправда! – твердо заявила она.

– Боюсь, что это правда, Девон. Я не склонен переоценивать себя.

– Неправда, – повторила она. – И вы не должны так думать. Хотите знать почему?

– Надеюсь, вы просветите меня на этот счет, – с едва заметной усмешкой поощрил ее он.

Девон сжала его руки в своих ладонях – сжала крепко, давая тем самым понять, что неодобрительно отнесется к попытке высвободить их.

– Я это сделаю. Вы уверяете, что трезво оцениваете себя. Позвольте же мне сказать, каким вижу вас я. Передо мной мужчина с широкой грудью и мощными плечами. В ту необычайную ночь, когда я очнулась здесь, в этой самой постели, я не могла отвести от вас глаз. Сейчас я, разумеется, говорю только от своего имени, но не могу себе представить, что нашлась бы женщина, которая судит об этом иначе. Смею сказать, что большинство женщин приходит в восхищение при виде мужчины, который намного выше ростом, нежели другие. Мужчины с такими большими руками, как у вас, мужчины, в присутствии которого женщина чувствует себя хрупкой, маленькой – и надежно защищенной. Каждое утро я вижу вас сидящим за письменным столом. От солнечного света волосы ваши блестят точно вороново крыло, и я думаю, что в жизни не видела более привлекательного мужчины. – Девон перевела разгоряченное дыхание и заговорила снова: – Вы, Себастьян Стерлинг, так красивы... так необыкновенно красивы, что у меня... у меня просто дух захватывает... и я начинаю дрожать...

Господи, у нее все вышло не так, как она хотела... Может, она наговорила лишнего? Но теперь уж ничего не поделаешь. Главное, чтобы ей удалось убедить его.

Девон нерешительно подняла глаза.

В комнате воцарилась напряженная тишина, которую не сразу нарушил голос Себастьяна.

– Девон, – заговорил он, – никогда... вы слышите, никогда

не говорите мужчине то, что вы только что сказали мне. – Он слегка наклонился вперед, выставив подбородок. – Потому что следующий, кто это услышит, тут же насильно овладеет вами, не сходя с места.

Ей невероятно хотелось, чтобы он овладел ею, не сходя с места.

Однако, взглянув ему в лицо, Девон почувствовала себя обескураженной и смущенной: она не раз делала глупости, но впервые видела Себастьяна таким, как в эту минуту.

– Обещайте мне, Девон, – сказал он, стиснув ее пальцы поистине железной хваткой.

Боль от этого пожатия была настолько сильной, что Девон с трудом произнесла:

– Себастьян...

– Обещайте мне!

Девон едва заметно кивнула и прошептала:

– Обещаю. – Потом повторила чуть громче: – Обещаю.

Себастьян отпустил ее.

Девон отвернулась, не в силах видеть, как он уходит. Когда дверь за ним затворилась с легким щелчком, она поднесла руку к губам и подула на нее, всхлипывая без слез. Она не могла взять в толк, что же такого ужасного сказала ему. Переступила допустимую границу в обращении? Была чересчур фамильярна? Находясь в обществе Себастьяна, Девон никогда не думала о пропасти, разделявшей их, для нее ничего не значило, что он маркиз, а она никто. Он для нее был

просто Себастьяном, вот и все.

Что на него нашло? Был ли то гнев? Или неодобрение? Девон перебрала в памяти все сказанное ею. Видит Бог, она говорила правду. Чистую правду. Ведь он красив. Ошеломительно красив. И она считала, что ему будет приятно услышать это из ее уст.

Очевидно, она ошиблась.

Глава 15

Девон было нелегко войти в кабинет Себастьяна на следующее утро. А взглянуть ему в лицо трудно вдвойне – слишком свежо было впечатление от полученного выговора. И потому Девон трижды возвращалась назад, пройдя половину расстояния от постели до двери. Однако несмотря на то, что произошло накануне вечером, ей так или иначе придется видиться с Себастьяном. Ей страшно, очень страшно, это правда, но зачем же длить мучения? Придя к такому заключению, она отворила дверь своей спальни и спустилась по лестнице.

Она помедлила в дверях его кабинета. Себастьян сидел за письменным столом и что-то писал с самым деловым видом. При утреннем свете его благородный профиль казался особенно строго очерченным. Сердце Девон устремилось к Себастьяну, который выглядел сейчас очень утомленным. На секунду ей пришло в голову, не следует ли потихоньку удалиться, пока он ее не заметил. Однако что-то ее удержало от этого, некая сила, непонятная ей самой. Себастьян тем временем поднял голову и посмотрел на Девон. Отступить было поздно.

Глаза их встретились. Себастьян даже не поморщился, увидев Девон, но как знать, что у него на уме. Девон затаила дыхание и вошла в кабинет, напряженно ожидая дальнейшего развития событий.

Тяжелые брови распрямились. На губах у Себастьяна появилась легкая улыбка.

– Незачем стоять у порога, – произнес он почти весело. – Вы вряд ли нуждаетесь в приглашении.

С трудом овладев собой, Девон подошла к столу. Себастьян вел себя... он вел себя как обычно. Это было утешительно... или, наоборот, не слишком утешительно. Он держался так, будто накануне вечером ничего особенного не произошло.

Девон не знала, как к этому относиться, и не знала, как относиться к Себастьяну.

Но дальнейшая жизнь под крышей особняка Стерлингов шла также, как она шла прежде. Дни складывались в недели, а недели, в свою очередь, превращались в несколько недель.

Девон теперь особенно старалась преуспевать в занятиях. Она найдет себе место гувернантки или компаньонки, непременно найдет. Не важно, что она поздно вступила в игру, она все равно будет в выигрыше.

Чтение, которому она научилась, открыло перед ней весь мир. Она и отдаленно не представляла прежде, насколько это прекрасно. Больше всего она увлекалась историей. Она не казалась ей сухой и скучной – было так интересно совершать путешествие во времени, узнавать о жизни в разных странах в далекие годы. К математике же Девон не испытывала ни малейшей склонности, но занималась прилежно, и Себастьян был доволен ее успехами.

Увлеченная вновь найденным интересным занятием, Девон стала читать по ночам. Пока она живет здесь, надо использовать возможности библиотеки Себастьяна.

Как-то раз сразу после полуночи она закрыла небольшую книжку в кожаном переплете – новый томик фольклора, приобретенный Себастьяном. Книжка доставила ей большую радость. Девон не устала и, чувствуя, что не уснет, решила пойти в библиотеку. Посмотрела на Банни, которая сидела в ящике возле камина и насторожила ушки, увидев, что Девон откинула одеяло и спустила ноги на ковер.

Собака, однако, не покинула свое убежище, в отличие от Генерала, который неизменно оправдывал свою кличку, всюду поспевая первым. Он выбрался из ящика, едва заметив, что Девон встала, и засеменил вперед. За ним последовал Полковник, а Майор с Капитаном остались в крепости и только высунули головы над краем ящика, сонно свесив их набок. Посмеиваясь, Девон подхватила парочку искателей приключений и сунула их поскорее обратно к младшим братьям.

– Сидите оба на месте, – строго приказала она и осторожно, без шума, закрыла за собой дверь спальни.

Ночь была ужасной. Ветер выл, а по оконным стеклам струились потоки дождя.

Дверь библиотеки была открыта, сквозь нее в коридор падал свет. Девон помедлила. Может, Себастьян рано вернулся из оперы? Если он работает, не стоит его беспокоить.

– Заходите, Девон. Не стесняйтесь.

То был Джастин. Он свободно расположился в кресле возле секретера, держа в руке резной хрустальный стакан. Судя по его физиономии и густым клубам табачного дыма в воздухе, он успел набраться как следует.

Джастин заметил, что Девон бросила взгляд на бутылку бренди – она стояла на столике розового дерева рядом с креслом.

– Отличный напиток. Для моего брата все только самое лучшее.

Он выпил содержимое стакана одним глотком. Девон посмотрела на Джастина. Если бренди так ему по вкусу, почему он поморщился?

Джастин заговорил самым сердечным тоном:

– Присоединяйтесь ко мне, Девон. Не хотите? Ладно, тогда просто оставайтесь здесь, если хотите. Или уходите, если это вам больше нравится.

Он потянулся за бутылкой.

– Джастин, – заговорила Девон как можно более спокойным голосом, – мне кажется, что с вас достаточно.

– Ничего подобного, – отрезал он. – Да-ле-ко не достаточно.

Девон нахмурилась:

– Вы сегодня что-то очень несговорчивы.

– Я всегда несговорчив, когда пьян.

– Тогда почему вы пьете?

– По той же самой причине, что и любой другой человек. Хочу убежать от действительности.

– Зачем вам от нее бежать? У вас есть все. Вы богаты и...
Последовал взрыв смеха.

– Девон, вы потрясающе наивны! Разве вы не знаете, что жизнь людей привилегированных далеко не так приятна, как кажется?

– Я не совсем понимаю вас, Джастин. На вас это не похоже...

Он снова перебил ее:

– О да, но это так и есть, Девон. Это так и есть. Я не из тех, кто создан творить добро, как Джулианна. Бедная девочка, подумайте только, до чего это ее довело! Она прячется в Европе!

Девон уставилась на него в недоумении. Она знала, что Джулианна путешествует по континенту, но что значит «прячется»? Всего несколько дней назад Себастьян получил послание от сестры, в котором она сообщала, что хочет продлить срок своего пребывания в Европе.

Себастьян огорчился, Девон заметила некоторое беспокойство в его взгляде.

– Я не такой, как Себастьян. Никогда таким не был. И не буду.

Девон очень не понравился его жесткий тон.

– Я не могу жить по стандартам совершенства моего брата, Девон. Я никчемный человек. Прожигатель жизни. Ни-

что из того, чем я занимаюсь, не радует моего брата. Как не радовало и моего отца. Даже Себастьян его не радовал.

Девон была ошеломлена до крайности и молчала.

– Я не раз слышал, как отец говорил Себастьяну, что он не вправе пренебрегать своим долгом. Что он в свое время станет маркизом. И потому обязан делать все правильно и достойно. И если Себастьян вел себя несоответствующим образом, отец брал свою трость и бил его ею. Его надо школить, говаривал папочка. Готовить к определенному положению. Помню, я однажды попробовал помешать экзекуции. Я думал, он меня убьет. Думал, он убьет нас обоих. А Себастьян потом отколотил меня за то, что я посмел вмешаться. Твердил, что может вынести это, потому что это его долг.

Девон плохо слышала последние слова. В голове у нее все перепуталось. Их отец избивал Себастьяна. Он избивал его. Ее едва не стошнило.

Джастин прав. Жизнь людей привилегированных далеко не так приятна, как кажется со стороны.

– Хорошо, что брата нет здесь, – с мрачной улыбкой закончил свою тираду Джастин. – Он мог бы не одобрить мое пьянство.

– Брат не одобряет твое пьянство.

Себастьян вошел в библиотеку, облаченный в изысканный плащ на темно-малиновой подкладке и вечерний костюм. Губы у него сжались в ниточку. Вид самый угрожающий.

Джастин не обратил на брата особого внимания. Или не

придал появлению брата ни малейшего значения. Девон была уверена в последнем.

Горлышко бутылки звякнуло о край стакана. Джастин заговорил как ни в чем не бывало:

– Итак, продолжим наше повествование...

Себастьян обратился к Девон.

– Прошу меня извинить, – сухо произнес он. – Мне надо бы поговорить с братом наедине.

– Пусть она останется, – протянул Джастин. – Пора ее посвятить в тайны семьи Стирлингов, ведь она практически вошла в нее. – Он выразительно приподнял бровь. – Знает ли она о том, что мать сбежала от отца с любовником, бросив своих детей? Нет? Я полагал, что не знает. – Далее он продолжал, обращаясь уже только к Девон: – Скандал был чудовищный, как вы можете себе представить. Какой женщиной надо быть, чтобы бросить детей? Разумеется, то была не первая измена матери. Хорошо лишь то, что сбежала она уже после того, как произвела на свет нас, ее детей. Добавим, что она и ее спутник были убиты, когда пересекали Ла-Манш.

– Джастин...

Джастин по-прежнему и глазом не моргнул.

– Когда отец умер, бразды правления взял в свои руки Себастьян, и он преуспел в том, в чем отец потерпел поражение. Это его заслуга, что нас снова стали принимать в лучших домах Англии. Никаких скандалов, если не считать истории с Джулианной. Впрочем, по этому поводу никто не смел пик-

нуть. Об этом скандале все, похоже, забыли и думать. Кроме, конечно, бедняжки Джулианны.

– Пожалуй, достаточно, – ледяным тоном процедил Себастьян.

– Вот как. – Губы Джастина тронула пренеприятнейшая улыбка.

– Прежде чем судить о жизни других людей, перестань разрушать свою собственную.

Девон чувствовала, что о ней забыли.

– Избавь меня от поучений. Я взрослый мужчина, а не мальчик.

– В таком случае, быть может, настало время и поступать соответственно. У тебя совершенно отсутствует чувство долга. А также чувство ответственности.

– Это потому, что у тебя того и другого хватает на двоих, – скривив губы, бросил Джастин. – Ты просто вылитый отец. Самое главное – титул. Самое главное – долг. О да, отцовские сапоги пришлись, как говорится, тебе по ноге. Все по порядку, все в свое время и на своем месте, и так далее в том же духе.

– Клянусь Богом, – заговорил Себастьян, сделав шаг вперед и распрямив плечи, – я бы тебя сейчас...

– Что? Ты побил бы меня? – В комнате прозвучал негромкий, язвительный смех. – Давай. Покажи, что ты истинный сын своего отца!

В воздухе повисла звенящая тишина. Взгляды братьев

скрестились. Девон почти перестала дышать. В течение бесконечно долгой минуты братья Стирлинг вели яростное безмолвное сражение.

Прекратил его Себастьян. Резко повернувшись, он вышел из библиотеки с непроницаемым лицом.

Его громогласный призыв поднял с постелей всех слуг.

– Подавайте карету! – приказал он и распахнул заднюю дверь дома, чтобы выйти к каретному сараю.

Девон ринулась за ним.

– Себастьян, погодите!

Он словно и не слышал ее. Сырой, холодный воздух ворвался в прихожую. Девон успела выскользнуть вслед за Себастьяном, пока он еще не переступил порог.

– Пожалуйста, не задерживайте меня, – очень вежливо и сдержанно попросил Себастьян, но не взглянул на нее.

– Куда вы уезжаете?

– Прочь отсюда! – прорычал он, готовый, судя по всему, кого-нибудь растерзать.

Девон надеялась, что не на нее направлена эта ярость.

– С вами все хорошо?

Себастьян не ответил. Две сильные руки обхватили Девон за талию, подняли и осторожно поставили в сторонку. Ей показалось, что он смотрит не на нее, а куда-то сквозь нее.

Она ничуть не испугалась, побежала за ним и ухватилась за полу его плаща.

Себастьян резким движением повернулся к ней:

– Хотите меня задушить?

Она отпустила плащ.

– Вы не ответили мне, Себастьян. С вами все в порядке?

Он глянул на Девон – и она все поняла. Сквозь дождь и тьму разглядела, какая сумятица овладела его душой. Разверзлись хляби небесные, и разверзлось ее сердце от жалости и сочувствия. Девон не замечала потоков дождя, не чувствовала, что промокла насквозь вся ее одежда, не чувствовала холода. Она сделала шаг к нему и сказала:

– Вам очень плохо, я это вижу. Выругавшись, Себастьян снял с себя плащ и набросил Девон на плечи.

– Идите в дом, – сказал он. – Иначе вы простудитесь.

Девон покачала головой – спазм сжал горло, она не могла произнести ни слова.

Невероятным усилием преодолевая душевную боль, Себастьян проговорил:

– Я не могу остаться, Девон. Не могу – Сегодня не могу.

Она рывком прильнула к нему и, обретя наконец дар речи, выговорила умоляюще:

– Тогда возьмите меня с собой. Куда бы вы ни поехали, возьмите с собой меня.

Глава 16

Девон крепко уцепилась за его жилет, и Себастьяну казалось, что так же крепко держит она его сердце.

Охваченный бурей эмоций, он чувствовал, как напряглось все его тело. Он едва мог дышать – легкие жгло. Он не находил в себе сил отпрянуть от нее. Не мог совладать со своими чувствами и оставить ее.

Густые волосы Девон распустились; насквозь мокрые, они облепили голову. Совершенно мокрой была и ее одежда – Себастьян слишком поздно спохватился накинуть на нее плащ. Розовые кончики сосков просвечивали сквозь шелковую ткань ночной сорочки. Ресницы слиплись... от дождя или от слез?

Но самым главным было то, как она смотрела на него... какими выразительными сделались черты ее милого лица, как лихорадочно цеплялись за его жилет ее тоненькие пальчики. Она ничего не скрывала, в золотистых глазах светились мольба и надежда.

– Возьмите меня с собой, – повторила она дрожащим голосом. – Пожалуйста, Себастьян, возьмите меня с собой.

Она не могла отпустить его.

А он – оставить ее.

Когда карета тронулась с места, они оба сидели в ней.

Себастьян больше ни о чем не спрашивал. Девон больше

не цеплялась за него со всей силой отчаяния.

Достаточно было того, что она здесь.

И того, что они вместе.

Лондон остался позади – и дождь тоже. Час спустя карета уже ехала по узким дорогам, ведущим с холма на холм. Месяц следовал за каретой и серебрил своим светом причудливые купы облаков.

Они проехали поворот. Колесо попало в рытвину, и Девон от толчка упала Себастьяну на колени. Он инстинктивно обнял ее, но уже иной инстинкт побудил его крепче сжать руки, когда Девон попыталась привстать и выпрямиться. Она подняла на него вопрошающий взгляд, и Себастьян в ответ привлек ее к своей широкой груди, где она и угнездилась весьма уютно, прижав замерзший нос к его теплой шее. Себастьян накрыл плащом их обоих, и ему почудилось, что Девон улыбается...

Заря уже бросила потоки золотистого света на окрестные холмы, когда карета, миновав увитые плющом тяжелые кованые ворота, покатила по извилистой дороге мимо ухоженных лужаек и кустов.

Себастьян разбудил Девон, которая уснула незадолго перед этим, и она пошевелилась, теплая и сонная. Он поцеловал маленькую ручку, уютившуюся у него на груди, и ласково усадил Девон рядом с собой.

– Мы приехали, – сказал он.

Улыбка тронула губы Себастьяна, когда их взгляду от-

крылся дом. Вид впечатляющий, как всегда, подумал он. Высокие колонны в греческом стиле доминировали над центром здания. Каждое из боковых крыльев дома, пристроенных к центральной части, украшал ряд больших обрамленных белым камнем окон, разделенных на две половины так называемыми средниками.

Себастьян помог Девон выйти из кареты, точнее сказать, вынес ее из экипажа и поставил на землю. Девон глянула на дом и невольно открыла рот.

– Добро пожаловать в Терстон-Холл, – произнес Себастьян с лукавой усмешкой.

Хотя приезд Себастьяна в родовое гнездо был неожиданным, лакей в красной с золотом ливрее уже спешил им навстречу. Они вошли в дом, где Себастьян передал Девон с рук на руки опытной и ловкой горничной по имени Джейн.

– Почему бы вам не принять ванну и не подремать немного? – предложил он. – Я буду ждать вас здесь в... – Тут он взглянул на стоящие возле лестницы старинные дедовские часы, маятник которых отсчитывал секунды со звуком, похожим на прищелкивание. – Ну, скажем, в полдень.

– А вы чем займетесь? – спросила Девон, немного растерянно глядя на него.

– М-м-м... – протянул он, как бы раздумывая, и потрогал пальцами щетину у себя на подбородке. – Мне, наверное, тоже стоит принять ванну и побриться.

Он слегка коснулся тыльной стороной ладони щеки Де-

вон, такой восхитительно гладкой, не заботясь о том, что подумают слуги об этом ласковом жесте.

– Я чувствую себя хорошо, – проговорила Девон со смехом. – Никаких хлопот с бритьем, не то что вам.

Себастьян тоже чувствовал себя хорошо. Тяжести в груди как не бывало. Он любил Терстон-Холл, очень любил, но на этот раз приятное душевное расположение возникло не оттого, что он приехал домой.

Оттого, что рядом с ним была Девон.

В полдень она не ждала его у лестницы. Себастьян решил, что она заспалась, и легонько постучал в дверь ее спальни. Джейн как раз убирала постель и сообщила ему, что мисс Сент-Джеймс вышла уже с четверть часа назад.

Себастьян нашел ее в портретной галерее. Девон выглядела посвежевшей, волосы ее были аккуратно расчесаны и перевязаны лентой на затылке. Знаменитое ожерелье посверкивало на шее. Джейн успела переодеть Девон в одно из платьев Джулианны. Себастьян едва не застонал.

Он подошел ближе, стараясь не смотреть на ложбинку между сливочно-белых грудей, верхняя часть которых выступала за пределы низкого выреза лифа.

– Добрый день, – приветствовала его Девон. – А я заблудилась.

– Мне следовало бы это предвидеть, – усмехнулся Себастьян. – Вам не впервой. Только не заходите в этом доме слишком далеко. Может случиться, что вас потом придется

искать не одну неделю.

– Суть не в том, сэр... Стали бы вы меня искать в таком случае – вот вопрос.

– Без сомнения, – ответил он.

– Или искали бы исчезнувшие драгоценности? – поддразнила она.

– Нет, Девон. Только вас. Искал бы без отдыха, пока не нашел.

Боже, что он натворил! Ему не следовало брать ее с собой. Но он это сделал, и теперь уже нечего о том жалеть. Ему так хорошо от того, что она здесь...

– Я должен поблагодарить вас за то, что вы со мной поехали, – с улыбкой заговорил он. – Сам бы я и не подумал увозить вас из Лондона среди ночи.

– Как мне помнится, дело происходило не совсем так, но вы поступили великодушно.

Улыбка исчезла с его губ.

– Я должен признаться, что и сейчас не могу объяснить свое поведение. Джастин... впрочем, вы и сами видели, что я не в состоянии был выдержать... не мог остаться. И к тому же я просто... Мне было необходимо попасть сюда. Необходимо увидеть... – у него перехватило горло, он продолжал с трудом: – все это снова... Мне надо было оказаться дома.

Маленькая ручка легла на его ладонь. Себастьян слегка пожал пальцы Девон и подвел ее к большому полотну в позолоченной раме.

– Я вижу, вам нравится наш семейный портрет. Этот был написан за несколько месяцев до того, как мать уехала. Отец не разрешал поместить портрет в галерею, пока был жив. Но я считаю, что портрет должен находиться здесь, вместе с прочими Стирлингами.

– Вы такой юный на этом портрете, – рискнула заметить Девон. – Сколько вам тогда было лет?

– Мне было десять лет, Джастину четыре, а Джулианне три года.

– Но вы и в таком возрасте были высоким, не намного ниже отца. – Девон перевела взгляд на маленькую ангелоподобную девочку с каштановыми кудрями. – Джулианна просто прелесть.

– Она такой и осталась. У нее необычайно щедрая, отзывчивая душа, а голос ясный и чистый, как солнечный луч.

Девон пригляделась к великолепно сложенной красавице, облаченной в ярко-синий бархат. Выражение лица у нее было сдержанным, однако живые искорки в глазах выдавали ее истинный характер: казалось, она бросает вызов стоящему с ней рядом мужчине со строгим лицом.

– Ваша мать поразительно красива, – негромко проговорила она.

– Не правда ли? Джастин пошел в нее, Джулианна унаследовала материнское изящество, а я уродился в отца.

«Наружностью, но не характером, – подумал он. – Слава Богу, что так».

Девон словно бы угадала ход его мысли и принялась рассматривать главу семьи на портрете. Художник с поразительным проникновением в натуру своего объекта отразил и суровость Уильяма Стирлинга, и его неодобрительное отношение к членам семьи... Надо же! Все пятеро стояли в библиотеке у камина, но даже на портрете отец семейства соблюдал дистанцию между собой и остальными, не только физическую, но явно и эмоциональную.

Себастьян нахмурился. Во время пребывания в родовом поместье он обычно каждый день приходил взглянуть на семейный портрет, но только сегодня впервые обратил внимание на то, что отец предпочел остановиться на определенном расстоянии от жены и детей.

Он словно посмотрел на портрет иными глазами... глазами Девон.

И подумал с оттенком цинизма, столь свойственного его брату, что, быть может, над семейством Стерлингов тяготеет какое-то проклятие, когда дело шло о заключении брака. Он не мог себе представить, что Джастин женится, – какой женщине нужен муж-кутила? Любовная история Джулианны подтверждает версию насчет проклятия. С их сестрой тоже произошёл скандал...

Ничуть не удивительно, что она приняла такое крайнее решение: ни один мужчина в мире более не вскружит ей голову.

Его собственный брак будет совсем не таким, как семей-

ный союз его родителей. Он должен быть иным. И будет.

– Вам, вероятно, было очень тяжело, когда... ваша мама уехала, – очень тихо и с запинкой произнесла Девон.

Себастьян ощутил, как плечи у него вдруг напряглись под тонкой батистовой рубашкой.

– Вы знаете, я ее видел. То есть я видел, как она уезжает. Я... я до сих пор никому об этом не рассказывал, – признался он, и голос его прозвучал тоже с напряженностью, непривычной для его собственных ушей. – И – это было для меня ужасно в течение долгого, ох какого долгого времени. Джулианна была слишком мала, чтобы понять случившееся. Она только и знала, что ее любимая мамочка уехала. Джастин... с ним дело посложнее. Он унаследовал шарм и живость матери, но унаследовал и ее безудержность, склонность к необдуманным поступкам. Он до того на нее похож, что меня это порой пугает.

– Чем? – только и спросила она.

– У Джастина есть темная сторона, Девон, – ответил Себастьян, и какая-то тень пробежала по его лицу. – Вы могли заметить это вчера ночью. Он может быть таким безрассудным, будто ему нет дела ни до кого и ни до чего. – Помолчав, он добавил: – Я его люблю и надеюсь, вы это понимаете. Не подумайте, прошу вас, что мы с ним в любую минуту готовы вцепиться друг другу в глотку.

– Я бы никогда такого не подумала, – живо откликнулась Девон. – Ведь я видела вас вместе, наблюдала ваши отноше-

ния, не забывайте об этом.

– Вчера ночью мы оба вели себя ужасно. Мне не стоило давать волю своему темпераменту, особенно в вашем присутствии.

– Нет ни малейшей нужды в объяснениях, Себастьян.

– Я сам хочу объяснить, – спокойно возразил он. – Джастин может устроить скандал, и никто не обратит на это внимания. Никто даже не задумается. Как и сам Джастин, плевать ему на скандалы. А мне нет. Господи, я до сих пор помню, как люди перешептывались, как они переглядывались. Как смотрели на отца, на нас. Это продолжалось годами.

Его словно прорвало. Быть может, потому, что Девон, чуть наклонив голову набок, смотрела на него так, что становилось ясно: она понимает, какую душевную боль он терпел в детские годы.

– Джастин, можно сказать, попрекает меня моим чувством долга, моей обязательностью. Ругает меня за то, что я такой правильный. Как он выражается, идеальный. – Себастьян усмехнулся. – Думаю, Девон, что вы угадали правду. Я завидовал брату, когда был ребенком. Завидовал его внешности. Его обаянию. Тому, как он ездит верхом. Как он играет. Я пытался ему подражать, но мои учителя не позволяли мне этого. И отец не позволял. Я никогда не стану идеальным. Но я старался. Этому меня учили, и я стал таким, какой я есть. Быть может, Джастин прав. Быть может, я похож на отца. Но благодаря отцу я обрел свою гордость. Я горжусь

своим домом, своим именем и своим наследием. Я ненавижу то, что когда-то произошло здесь, но Терстон-Холл мне ближе и дороже всего на свете. Быть может, это эгоистично, однако я не могу от этого отказаться. Не могу забыть о своем долге. Я хочу, чтобы мои дети родились и выросли в этом доме. Как мы трое – Джастин, я и Джулианна. Хочу слышать, как они смеются. Смеются. Но не плачут. Никакой боли. Ничего похожего на то, что терпели мы с Джестином..».

– Он замолчал. Девон низко опустила голову. Пораженный, Себастьян уставился на нее:

– Что с вами, Девон?

Она не ответила. Не могла.

Встревоженный и потрясенный, Себастьян повернул ее лицом к себе.

– Девон, что случилось?

Она медленно подняла голову.

– Вы могли бы возненавидеть его, но такого не произошло?

На Себастьяна снизошло глубокое внутреннее спокойствие.

– Кого? – спросил он. – Моего отца?

– Да, – ответила она и повторила: – Да.

– Это невозможно. – Он покачал головой. – Отец научил меня самоуважению. Сделал меня таким, какой я есть.

Горячие слезы потекли по щекам Девон. Она вытерла их тыльной стороной ладони.

– Себастьян, ведь он бил вас! О, неужели вы не понимаете? Он ничему не научил вас. Ничему, чего бы уже не было в вашей душе.

Он покачал головой:

– Девон, вы очень добры, что говорите так, но вы не можете знать...

– О нет, я знаю! – выпалила она и махнула рукой в сторону портрета: – Все это там есть. Ваша отзывчивость. Ваша преданность. Стоит взглянуть на то, как ваша рука лежит на плече у Джастина, на то, как вы сжимаете в другой своей руке маленький кулачок Джулианны, а она смотрит на вас с обожанием. Ведь это вы заботились о них, верно? Вы оберегали их. Поддерживали. Это вы по-настоящему любили их, вы, а не ваши родители. Вы были еще мальчиком по возрасту, но мужчиной по характеру.

– Нет, Девон. – Себастьян вдруг почувствовал себя таким же беспомощным, каким был в прошедшие грозные годы под железной рукой отца. – Вы ошибаетесь. Я не мог им помочь. Не мог защитить их.

– Вы сделали гораздо больше. Как вы можете называть себя эгоистичным? Вы надежный и сильный человек и... и я думаю, что вы, вероятно, самый замечательный человек на свете.

Ее слова ошеломили Себастьяна. Смутили его. Едва не повергли на колени.

– Девон, – охрипшим голосом выговорил он. – Ах, Де-

вон...

В груди у него происходило нечто невообразимое. На какую-то ужасную секунду он почувствовал, что и сам сейчас заплачет. Он привлек Девон к себе, крепко обнял и коснулся губами мягких, пушистых волос у нее на виске. Прошло несколько долгих секунд, пока к нему вернулся дар речи. Слегка отстранив от себя Девон, вытер слезы с ее щек большим пальцем и заглянул в туманную глубину ее глаз.

– Идемте со мной, – сказал он. – Я покажу вам, если хотите, мой дом.

Глава 17

Никогда еще не было такого великолепного дня.

Ни единого облачка на сияющей синеве небес. Солнце заливало землю потоком лучей, согревая и освещая ее просторы. Легкий ветерок уносил с собой аромат цветов, звуки женского голоса и-мужского смеха.

Они шли рука об руку по дорожкам мимо аккуратно подстриженных живых изгородей и ухоженных клумб. В конце концов, миновав небольшой лесок и спустившись с холма, они вышли к неглубокому ручейку, весело бегущему по камням, и присели отдохнуть на скамейку в зарослях остролиста.

Не успела Девон уместиться на скамье, как вдруг вскочила с восторженным криком:

– Смотрите, заяц!

– А вон и еще, – сказал Себастьян, кивнув в сторону купы деревьев, где из травы поднялось сразу несколько ушастых голов.

Девон метнулась сначала вправо, потом влево, и Себастьян расхохотался, глядя на ее прыжки и повороты.

– Да остановитесь вы! – крикнул он. – У меня, глядя на вас, голова кружится.

– Ой, они такие милые, – задыхаясь, ответила она. – Я просто хотела бы поймать одного.

– И что бы вы с ним делали? Боюсь, Банни станет ревновать.

– Я об этом не подумала.

– С другой стороны, я знаю, что сделал бы с ним. – Себастьян выразительно потер руки. – Если бы вы его поймали, у нас вечером было бы на ужин отменное жаркое.

– Вы очень жестокий, – возмутилась Девон. – Клянусь, что никогда больше не буду есть зайчатину. – Но в следующую минуту она бросила на Себастьяна испытующий взгляд. – Я так понимаю, что мы останемся здесь на ночь.

– А вы бы этого хотели?

– Да, – ответила она. – .Что ж, я об этом подумаю.

– Только не думайте чересчур долго.

– Девон, вы же знаете, что я тугодум.

– В таком случае позвольте мне подумать за вас. Нет никакого смысла уезжать сегодня. Мы приедем в Лондон далеко за полночь. Значит, стоило бы подождать с отъездом.

Хитрость явно не была ее сильной стороной.

– Верно. Но мы могли бы уехать с таким расчетом, чтобы попасть к завтраку. Я ведь знаю, как вы любите круассаны, которые печет Теодора. С другой стороны, позволю себе сказать, что мистер Дженкинс, который служил поваром в Терстон-Холле еще до моего рождения, готовит лучшее во всей Англии жаркое из зайца.

Медленным, ленивым движением Себастьян закинул одну ногу на другую и откинулся на скамью, опершись на лок-

ти. Щеки у Девон порозовели, она все еще не отдышалась после беготни. Уперев руки в бока, стояла и в изумлении созерцала Себастьяна, расположившегося на скамейке в позе грациозного отдохновения.

– Себастьян? – воззвала она наконец.

– Хм-м-м? – промычал он, прикрыв глаза и подставляя лицо солнечным лучам.

– Что вы решили? Мы уезжаем в Лондон?

– Ведь мы же еще здесь, не так ли?

– Да, мы пока здесь.

– Тогда я не понимаю, что вас задерживает.

– Задерживает меня?

– Да. – Он открыл один глаз и махнул рукой куда-то в сторону: – Ловите мой ужин.

Девон недоуменно заморгала:

– Вы хотите, чтобы я ловила для вас ужин?

– Полагаю, я только что сказал именно об этом.

– Я должна охотиться, а вы будете сидеть и наблюдать?

– Да, это плата за то, что мы останемся. На губах у Девон заиграла озорная улыбка.

– В таком случае, может, поторгнемся?

Это звучало весьма завлекательно. Себастьян выпрямился.

– Что вы предлагаете?

Он не заметил вспыхнувшего в ее глазах неудержимого веселья: слишком сосредоточился на том, как она снимает с

ноги одну туфельку. Сердце у него заколотилось как бешеное. Господи, но это невысказано. Непостижимо...

Туфелька взлетела высоко в воздух у него над головой. Вторая туфелька ударила его в грудь.

– Я поймаю ваш ужин, милорд, но сначала вы поймайте меня!

Себастьян был слишком поражен, чтобы двигаться.

– Девон...

– Вы не уверены в победе, мой высокородный и могущественный маркиз?

Какой мужчина откажется принять подобный вызов?

Погоня началась.

Себастьян был уверен в своем преимуществе. А Девон уверена в обратном. Он рассчитывал, что она устанет, но расчет его был ошибочен. Она бегала с невероятной быстротой, пританцовывая и ловко уворачиваясь. Себастьяну жгло легкие как огнем, ноги у него так болели, что он не выдержал и свалился на землю под дубом.

– Господи, я этим не занимался с тех пор, как был мальчишкой.

Девон ринулась было дальше, но Себастьян успел схватить ее за талию и усадить рядом с собой. Все еще смеясь, она опустилась на траву в шорохе своих юбок.

– Я открою вам секрет, – сказала она. – Я никогда этим не занималась.

Девон слегка пошевелила босыми пальчиками в густой,

сочной траве. Пальчики были тоненькие, круглые и розовые, такие же изящные, как вся она. Себастьян старался не думать об этом. Туфельки остались лежать там, где она их сбросила, и, видимо, ее это ничуть не беспокоило.

Девон перехватила его взгляд и усмехнулась:

– Я знаю, что леди такое не подобает.

У Себастьяна перевернулось сердце. Быть с нею рядом вот так... Он не смог бы определить свое состояние словами. Больше всего на свете ему хотелось склониться над ней, прижать губы к ее губам, почувствовать, как бьется ее сердце так близко от его собственного. Но что-то его удерживало. Он страшился нарушить очарование этих драгоценных минут.

Между ними возникла связь. Не просто дружеская, определяемая не одним лишь желанием и властью Себастьяна над Девон, но заключающая в себе нечто большее...

Он не противился этому. Не мог противиться. И каким-то образом начинал сознавать, что в этой борьбе он одержит победу.

Только ли он это чувствует?

Себастьян растянулся на траве, наблюдая за игрой солнечных зайчиков в ветвях дерева. Он заслонил рукой глаза от слишком яркого света и повернул голову так, чтобы видеть Девон. Она сидела, прислонившись спиной к стволу и вытянув перед собой босые ноги.

– Вы совсем не спали сегодня ночью, правда? – спросила она.

– Не спал, – признался он.

– Так поспите сейчас.

– Я предпочел бы смотреть на вас.

Признание вырвалось у него невольно, однако это его почему-то не обеспокоило.

Девон наклонилась к нему, влажные алые губы сложились в улыбку. Длинная прядь густых волнистых волос коснулась его груди. Машинальным жестом она заправила волосы за ухо, в то время как Себастьян боролся с желанием намотать шелковистый локон на руку и притянуть губы Девон к своим. Она наделена редкостной красотой, подумал он даже с некой гордостью, но сама об этом не знает. Невинная и очаровательная. Одухотворенная и скромная.

Он повернулся и опустил голову к ней на колени. Маленькие пальчики ласково расправили морщинки у него на лбу, потом пробрались в волосы, перебирая их. Как ни странно, эти легкие движения наводили на Себастьяна дремоту. Мир и покой осенили все его существо.

– Себастьян, – прошептала она.

Он не слышал. Он спал сном таким спокойным, какого не ведал никогда.

Мистер Дженкинс самолично подавал ужин в этот вечер. Он сам присмотрел за всеми мелочами сервировки и наконец поставил перед своим хозяином и его дамой серебряный поднос тонкой работы.

– Жаркое из зайца, – объявил он. – Мое фирменное блюдо.

С ужимками, соответствующими торжественности момента, он положил на тарелку Девон сочный ломтик мяса. Заложив руки за спину, стоял и ожидал вердикта.

Девон сделала большие глаза и устремила их на Себастьяна.

– Отведайте, – посоветовал тот. – Даю слово, мясо просто растает у вас во рту.

Себастьян поднес ко рту салфетку, едва удержавшись от смеха, когда Девон проглотила кусок целиком.

Поистине чудом она не подавилась. Изобразила сияющую улыбку и воскликнула:

– О, это просто восхитительно! В жизни не ела ничего более вкусного.

Мистер Дженкинс покинул столовую счастливым человеком.

А на Себастьяна полыхнул негодующий взгляд.

– Уверена, что вы это устроили нарочно!

– Ничего подобного! – парировал он удар, выставив перед собой ладони в порядке защиты.

Потом он с аппетитом съел и свою порцию жаркого, и предназначенную Девон. После обеда они сели за шахматную доску – Себастьян научил Девон этой игре во время их занятий. Сейчас она внимательно, пригнув голову, следила за движением фигур на доске, а он наблюдал не за игрой, а за

Девон, затем, как она время от времени делает глоток вина, поднеся рюмку к губам.

Капля вина попала на уголок доски. Обдумывая очередной ход, Девон растирала тонким пальчиком эту каплю, а Себастьян попытался отвести взгляд от этого зрелища, однако не смог.

Девон сдвинула брови:

– На что вы смотрите?

– Я просто залюбовался.

– Чем?

– Восхищался искусством, с которым вырезана эта ладья.

Залюбовался красотой Девон.

– Но это вовсе не ладья. Это пешка.

В пальцах у нее и в самом деле была пешка. Желание охватило Себастьяна с такой силой, что, подай Девон хоть самый слабый знак, он потянулся бы через стол, сорвал с Девон платье и уложил ее на себя.

Черт возьми, ему в жизни не приходилось овладевать женщиной прямо на полу!

– Себастьян, вы следите за игрой?

– Да, – солгал он.

Игра закончилась в три хода.

– Вы надулись, Себастьян, – сделала ему замечание Девон, едва они встали из-за стола.

– Ничуть не бывало.

– Тогда вы хандрите.

– С чего бы мне хандрить? – удивился он.

– С того, что вы застряли в деревне со мной. С того, что я лишила вас ваших развлечений.

– Едва ли, – возразил он со смехом.

– Хорошо, скажите, чем бы вы занимались, если бы находились в Лондоне?

– Вероятнее всего, сидел бы в библиотеке вместе с вами и попивал бренди.

– Вряд ли это помогло бы вам найти желаемую невесту.

– Что верно, то верно.

– У меня, – заговорила она, чуть задыхаясь от волнения, – есть некоторые соображения насчет того, как вам следует ее искать.

Себастьян выжидательно поднял брови.

– Я считаю, что вам могли бы пригодиться некоторые советы, как обращаться с леди.

– Вот как? Вы так считаете?

– Да. Например, предположим, что вы находитесь в Лондоне на большом приеме. Вокруг вас, без сомнения, много женщин.

«Не таких красивых, как ты», – подумал Себастьян.

– Попробуем разыграть эту сцену. Вам нужно выбрать одну из них. И поскольку я здесь... – Девон испустила подчеркнута глубокий вздох, – то боюсь, мне придется сойти за вашу леди.

Что-то не похоже, что эта перспектива ей не нравится.

– Видимо, мне следовало бы поскорее увести эту леди из гостиной в сад, – высказал свое суждение Себастьян.

Так он и поступил и вывел Девон на дорожку, которая вела через парк. Они пошли по этой дорожке мимо освещенных луной цветов, мимо деревьев и живых изгородей.

Они остановились у высокой каменной стены. Огромное множество распутившихся крошечных цветков вьющихся по особой решетке белых роз наполняло воздух тонким ароматом. Поблизости стояла широкая каменная скамья. В окнах оставленного ими позади дома мерцал свет свечей.

Девон огляделась и произнесла одобрительно:

– Очень хорошо. А теперь, поскольку вы и леди находитесь в саду наедине, не должны ли вы поцеловать ее?

Себастьян усмехнулся:

– Джентльмен никогда не позволит себе поцеловать леди до свадьбы.

– Вы хотите сказать, что женились бы на женщине, даже ни разу ее не поцеловав? – помолчав немного, спросила Девон. – Я ни за что не вышла бы за мужчину, которого я не поцеловала!

Ее бурная декларация просто сразила Себастьяна. С некоторым запозданием ему наконец пришло в голову, что она с ним флиртует. И делает это весьма успешно.

– Ну, – неуверенно начал он, пытаясь исправить свою ошибку, – я, наверное, поцеловал бы эту леди, если бы она мне нравилась. Если бы испытывал к ней особое чувство. –

Тут он украдкой бросил взгляд на Девон и добавил: – Если бы я был в нее влюблен.

– Поцеловали бы? Но вы не уверены?

– Нет.

– Да что вы? Тогда вам хорошо бы заранее поучиться.

– О, это мысль!

Девон повернулась лицом к нему и спиной к стене.

– Быть может, – еле слышно произнесла она, – вы поцелуете меня?

– Быть может. – Он поднял руки, изображая беспомощность. – Как же мне это сделать?

– Для начала, я думаю, вам надо подойти поближе.

Он подступил к ней так близко, что ее ноги в туфельках попали в промежуток между носками его сапог, а лацканы его сюртука коснулись кружева на ее корсаже. Широко расставив руки, он оперся ладонями о стену у Девон за спиной.

Себастьян более чем охотно принимал эту игру. На губах у него заиграла улыбка, более приличествующая повесе, нежели джентльмену.

– Ну и что далее? – вкрадчиво спросил он.

– Далее, – проговорила она сдавленным от волнения голосом, и Себастьян увидел, как она сглотнула, – вы должны меня поцеловать. Ведь это мужчина целует, правда?

Не всегда. В голове у Себастьяна возникла картина: губы Девон покрывают быстрыми, страстными поцелуями его грудь, волосы ее в беспорядке рассыпались по его животу,

щекочут ему кожу, а она продолжает прижимать губы все ниже и ниже, пока...

Себастьян с трудом подавил стон. О чем она только что говорила? Ах да.

Словно какой-то чертенок искушал его. Себастьян усмехнулся, Ладно, игру начала она, а он ее продолжит.

– Скажите, как это сделать.

Чувствуя, что окончательно теряет голову, он смотрел, как она проводит кончиком языка по губам.

– Прижмите ваши губы к моим.

Он быстро поцеловал ее – точно клюнул. И спросил:

– Ну и как?

– Досадная неудача, – буркнула она. – Придется сделать еще попытку. Поцеловать крепче.

– Как это крепче? Вот так?

И он поцеловал ее поцелуем долгим, горячим, жадным и в то же время нежным.

Оба они дышали тяжело, когда Себастьян наконец поднял голову. Девон смотрела как замороженная ему в глаза, неуверенно хватаясь руками за стену позади себя.

– Должна одобрить вас, сэ, – выдохнула она. – Вы такой же хороший ученик, как и учитель.

Себастьян обнял ее за талию и с немного странным коротким смешком прижал к себе, повинувшись неодолимому порыву. Господи, думал он, то безумие. Какое-то помешательство. Но ведь с самого начала между ними будто искра про-

летела. Он это знал и понимал, что Девон тоже знает.

В то же время, каким бы это ни казалось странным, все происходящее было новым и для него самого. Интимные отношения с женщинами не были для Себастьяна неизведанной областью: он был зрелым мужчиной со своими естественными потребностями и желаниями, и он этим желаниям потворствовал.

Но здесь было нечто иное. И Девон была особенная. Внутренний голос призывал Себастьяна оставить ее в покое, но прислушаться к нему он не имел силы. Ему было так хорошо. И ей тоже, он это чувствовал... Ни с одной другой женщиной Себастьян не переживал ничего подобного... И когда Девон обвила руками его шею, искра между ними обрела силу взрыва.

Поразительное ощущение полного, хоть и целомудренного обладания потрясло его.

– Девон, – прошептал Себастьян.

Девон обратила к нему лицо, в глазах ее пылал янтарный огонь.

– Вспомните тот первый раз. Когда я спросила, почему вы поцеловали меня.

Он пригладил пальцем ее брови, провел черту по носу сверху вниз, обвел контур губ... Боже милостивый, он не забывал об этом ни на секунду.

– Я так боялась, что вы больше никогда не поцелуете меня, такую вот... ну, вы понимаете... – Она всхлипнула.

– Девон, не надо.

Он обнял ее и прижал к себе так же тесно, как она прижималась к нему.

– Ноя... Мне казалось несколько раз... мне казалось, что вы этого хотите.

– Я и хотел. Сотню раз. Тысячу.

– Правда?

Она откинулась назад и посмотрела на него.

– Да. Клянусь Богом. – Глаза у Себастьяна потемнели. – Каждый день. И я хочу...

В эту секунду Себастьян услышал звук открываемой двери. Это на террасе. Они оба замерли.

Глава 18

– Себастьян? – послышался оклик. – Девон?

Приблизился звук размеренных шагов. Себастьян поднял голову. Ругнувшись про себя, сказал вслух:

– Это Джастин. Какого дьявола ему здесь надо?

В ту же минуту как Девон и Себастьян вошли в гостиную, Банни бросилась к своей хозяйке. Девон присела на корточки, и ее тотчас окружила пятерка живых клубков пушистой шерсти. Все они радостно визжали и лизали Девон лицо и руки, пока она едва не задохнулась от смеха.

Себастьян со снисходительной, понимающей улыбкой помог ей встать на ноги.

– Мои милые малыши, – проворковала Девон. – Как я по вас соскучилась!

– Нет ни малейшего сомнения, что и они по вас соскучились, – сказал Джастин. – Я решил, что вы будете рады их повидать.

– Как это предусмотрительно с вашей стороны. Благодарю вас.

Девон физически почувствовала на себе взгляд Себастьяна, когда приподнялась на цыпочки и чмокнула Джастина в щеку губами, еще влажными от поцелуя его старшего брата. Обернувшись, она заметила странное выражение на лице Себастьяна. Что это? Неужели ревность?

Джастин повернулся к Себастьяну, который молча стоял чуть в стороне, скрестив руки на груди.

– Добрый вечер, Себастьян.

Тот ограничился коротким кивком в знак приветствия.

Между братьями явно сохранялось напряжение: сама поза Себастьяна и его молчаливый кивок о том свидетельствовали, а Джастин чувствовал себя заметно смущенным.

Пригладив ладонями складки юбки, Девон подняла руку ко рту, как бы пытаясь скрыть зевок.

– Прошу прощения, Джастин, – заговорила она самым беззаботным тоном, какой могла изобразить при данных обстоятельствах. – Я не хочу быть невежливой, тем более что вы только что приехали, но позвольте мне удалиться. Поездка сюда вчерашней ночью оказалась довольно утомительной, – не удержалась она от желания уколоть его.

Он сделал вид, что не заметил сарказма. Себастьян проводил Девон до начала лестницы.

– Доброй ночи, Девон, – мягко произнес он.

Она остановилась на второй ступеньке, и глаза их поэтому находились на одном уровне. Больше всего на свете ей сейчас хотелось протянуть руку, запустить пальцы Себастьяну в волосы на затылке, притянуть к себе его голову и поцеловать в губы. Она была уверена, что и он этого хочет.

– Доброй ночи, – шепотом ответила она и заставила себя уйти.

На лестничной площадке остановилась и посмотрела

вниз. Себастьян не сдвинулся с места. Глаза его горели возбуждением, и у Девон вдруг неистово заколотилось сердце.

Едва Девон скрылась из виду, Себастьян присоединился к брату в гостиной. Джастин растянулся в кремово-розовом кресле в стиле королевы Анны возле французского окна. Взор его был сосредоточен на мраморной лестнице.

– Ну-с, – заговорил он, – должен ли я считать, что получил свою порцию розог?

– Не совсем. Если бы ты ее получил, тебе не захотелось бы задавать лишние вопросы.

– Может, ты хотел бы меня выпороть?

– И не мечтал об этом.

Себастьян остановился возле инкрустированного столика розового дерева рядом с маленьким чиппен-дейловским диванчиком. Наклонил было горлышко хрустального графина над стаканом, но задержал руку.

– Быть может, ты тоже не прочь освежиться бренди? – протянул он.

– Больше никогда, – скорее простонал, чем выговорил Джастин.

– Обещания, обещания...

Себастьян наконец улыбнулся и поставил кресло напротив Джастина, который обеими ладонями сжимал виски.

– Ну как, полечим голову?

– Господи, да ты просто не знаешь, что такое головная боль! Банни завыла, как только уехала Девон, к ее вою присо-

единили свои голоса щенки, а в голове у меня словно молот бил по наковальне. Это была самая ужасная и самая длинная ночь в моей жизни.

– Отлично тебя понимаю, – заметил Себастьян. Довольно долго Джастин просто сидел молча и смотрел на брата.

– Я так и думал, что ты уедешь сюда, – проговорил он наконец. – И должен был приехать тоже.

– Понимаю.

Себастьян потянулся за коробкой для сигар, открыл ее, выбрал сигару для себя и протянул коробку Джастину – в порядке предложения выкурить трубку мира.

Лед был сломан, и напряжение исчезло.

– Не знаю, как тебе это понравится, но я купил для тебя ящик виски, которое ты особенно любишь, – сообщил Джастин.

Себастьян вопросительно поднял бровь:

– Для меня или для себя?

– Для меня это непереносимо! Хуже натуральной отравы! – Джастин скорчил немыслимую рожу. Минуту спустя бросил взгляд в сторону лестницы. – Мне, наверное, следует поблагодарить Девон за то, что ты сменил гнев на милость.

– Может, и так.

– Какая перемена в женщине, которую ты в ту ночь подобрал в канаве, а?

– Согласен.

– Полагаю, ваши уроки идут успешно?

– Более чем, – ответил Себастьян, хотя в голове у него был урок совсем иного рода. – Сегодня вечером она обыграла меня в шахматы.

– Ты, наверное, поддался ей. Мне ты всегда поддавался.

– Ты очень не любил проигрывать. Да и сейчас не любишь.

– Не смею спорить. – Джастин сардонически хмыкнул и вытянул поудобнее ноги. – Девон, однако, делает большие успехи. Но скажи мне по правде, Себастьян, веришь ли ты, что она сможет найти место гувернантки или компаньонки?

Джастин задал вопрос, который порядком мучил Себастьяна в последнее время.

– Дело вовсе не в том, сколько у нее шансов для этого, – неожиданно для самого себя признался он, – а в том, что мне вовсе не нравится такая перспектива. Бог мой, что ее ждет, если она найдет для себя подобное занятие? Она молода. Она красива. Что, если хозяин дома сделает ее объектом своих домогательств? А это, дьявол побери, вполне реальный вариант!

Выпалив все это, Себастьян поморщился: чего ради он разоткровенничался? И чего ради Джастин затеял этот разговор?

– Да, – согласился Джастин. – Мне это тоже приходило в голову.

На Себастьяна, видимо, нашло какое-то затмение. Единжды начав, он уже не мог остановиться.

– Ты не знаешь Девон настолько, насколько знаю ее я. Ес-

ли с нею произойдет то, о чем я сказал, ей это не понравится. Мало того, она такого не вынесет.

Впрочем, оказалось, что не он один этого опасался.

– Если дела у нее сложатся таким образом, она может снова очутиться на улице, без крова, – сказал Джастин.

– Этого нельзя допустить. – Себастьян вытянул губы в ниточку. – Ни в коем случае. Девон заслуживает лучшей участи, чем та, какая у нее была.

– Я думаю точно так же. – Джастин помолчал и добавил: – Но ведь возможно и другое решение.

– Какое? – нахмурился Себастьян.

– Видишь ли, я полагаю... что, если мы найдем для нее мужа...

– Мужа?!

Джастин закинул руку на спинку своего кресла. На лице у него появилось иронически-веселое выражение.

– Почему ты воспринимаешь это таким образом?

– Каким?

– Чересчур раздраженно, если хочешь знать. И с таким мрачным видом.

– Ничего подобного нет!

– Вот именно что есть. – Веселое выражение исчезло с лица Джастина. Он стал очень серьезным. – Себастьян, могу ли я быть вполне откровенным?

– Как, на сей раз ты об этом спрашиваешь?

Себастьян произнес эту фразу с иронией, однако во взгляде

де брата что-то его встревожило по-настоящему.

– Видишь ли, – осторожно начал Джастин, – я менее всего склонен считать себя проникательным наблюдателем человеческой природы. Но когда вы двое вошли сегодня на террасу, мне пришло в голову весьма странное соображение. Глядя на то, как Девон опирается на твою руку, я готов был присягнуть, что вы оба...

– Совершили приятную прогулку по парку, – холодно перебил брата Себастьян.

– Ночь для этого весьма подходящая.

– Точно так, – сухо подтвердил Себастьян. – И я знаю, к чему ты клонишь, так что давай внесем в дело полную ясность. Я испытываю к Девон некоторую привязанность. И ты тоже. Но мое поведение по отношению к ней было и остается истинно джентльменским.

Себастьян и сам не понимал, почему он заговорил именно так. А может, и понимал.

– Ничего другого я и не предполагал, – пожал плечами Джастин. – Кроме того, ты маркиз. А Девон...

Себастьян не желал слышать никакого определения из уст брата и резко оборвал его:

– Я прекрасно знаю, кто она такая!

У Джастина в глазах промелькнула смешливая искорка.

– Слушай, право же, нет никакой необходимости откусывать мне голову.

Себастьян уже понял, что переступил границы спокойной

корректности, однако внутри у него по-прежнему все кипело. Предложение Джастина застало его врасплох. Он был не готов иметь с этим дело.

Нет, все не так просто. Он не хотел иметь с этим дело.

Себастьян не принимал предложение Джастина, но и не отвергал его. Говорил ли в его брате голос разума? Или то был голос подозрения?

. И еще одно... Обманул ли он Джастина? Себастьян не был в этом уверен, потому что его брат был мастером скрывать свои мысли.

Джастин между тем продолжал с легким смешком:

– Ты, разумеется, прав. Ты никогда не пренебрегал своим воспитанием. Кроме того, я совершенно запамятовал о том, что ты ищешь себе невесту и что тебе теперь самое время обзавестись семьей. Бог мой, о чем я только думаю? Ты не настолько необузданный человек, чтобы бесконтрольно пойти на поводу у своих эмоций.

«Пойти на поводу у своих эмоций...» – повторил про себя Себастьян. «Но ведь нынче ночью ничего не произошло, – подсказал ему не слишком громкий внутренний голос. – Ни сегодня ночью в парке, ни вообще в какую-то из ночей...»

Но он этого хотел. Хотел неудержимо. Вопреки всем опасениям.

– Даже если бы такие эмоции имели место, – добавил Джастин.

Себастьян прищурился и посмотрел на брата оцениваю-

щим взглядом.

Джастин широко раскинул руки в стороны.

– Чего это ты так на меня уставился? – спросил он.

– Замечаю в тебе перемену.

– Но ведь ты хочешь, чтобы я вел себя ответственно, не так ли?

– Что верно, то верно, – холодно согласился Себастьян. – Но я пытаюсь понять, откуда взялась твоя мудрость.

– Полагаю, она связана с тем, что я чересчур перебрал бренди и поумнел с похмелья, – с еле заметной усмешкой сказал Джастин. – Ладно, поумнел я или нет, вернемся к сути нашей дискуссии. Вместо того чтобы подыскивать для Девон место гувернантки, мы могли бы найти для нее подходящего мужа.

«Мужа»?

Себастьян думать не мог об этом слове. Он стиснул челюсти. Мысль о Девон как объекте притязаний другого мужчины приводила его в неистовую ярость. Даже то, что Девон самым невинным образом чмокнула Джастина в щеку, здорово задело его за живое. Он не хотел, чтобы губы Девон касались кого бы то ни было, кроме него самого.

Впрочем, ему почти тотчас пришло в голову, что замужество Девон было бы наилучшим решением проблемы. Ему, Себастьяну тогда не надо было бы тревожиться по поводу того, что она может снова оказаться на улице.

Но в таком случае почему он готов был задушить Джастин-

на, услышав его предложение?

Черт! Черт побери! Какого дьявола Джастин не мог остаться в Лондоне?

Джастин продолжал:

– Как ты уже говорил, мы с тобой оба заинтересованы в ее судьбе. И оба хотим ей только самого лучшего.

Себастьян не ответил.

– При муже она будет в безопасности от Гарри.

Она в безопасности от Гарри и при нем.

Но она не в безопасности от него самого. Себастьяну хотелось сказать Джастину, чтобы тот наконец заткнулся.

Вместо этого он спросил вполне сдержанно:

– И кто у тебя на уме? – Но прежде чем Джастин успел открыть рот, с языка у Себастьяна сорвалось: – Надеюсь, не кто-нибудь из твоих беспутных дружков?

– Я по-настоящему об этом как-то не задумывался, – признался Джастин. – Но поскольку ты и Девон сейчас в деревне... Согласись, что Терстон-Холл – самое подходящее место для таких дел. Вдали от лондонских сплетников. Мы, например, могли бы познакомить ее с кем-нибудь из местных джентри. Скажем, что она подруга Джулианны. Что-нибудь придумаем.

Себастьян не желал думать обо всем этом. Девон в объятиях другого мужчины... Девон в постели другого мужчины... Это вызывало у него желание разразиться потоком чудовищной ругани и разорвать кого угодно на части.

– Устроим небольшой званый ужин послезавтра, – произнес он. – Пригласим Эванса, Мейсона и Уэстфилда.

Джастин недоуменно поднял брови:

– Думаю, Эванс и Мейсон подойдут, но Уэстфилд? Он ей в отцы годится.

Это один из самых богатых купцов в графстве. Глядишь, он умрет и оставит Девон большое наследство. – Слова его были шуткой лишь наполовину. – Тогда она сама может распорядиться своей судьбой.

Джастин одобритительно кивнул:

– Я займусь этим завтра с утра.

«Господи, какой же я лицемер», – подумал Себастьян.

Но Джастин прав. Он не должен думать только о себе. Главное – Девон. Ее безопасность. Ничего плохого с ней больше не должно случиться.

Во рту у него был неприятный, горький привкус. А вместо сердца – зияющая черная дыра.

Менее часа прошло после приезда Джастина. Менее часа после того, как он, Себастьян, держал Девон в своих объятиях. Менее часа после того, как робкие, дрожащие губы Девон коснулись его губ. Менее часа после того, как он мечтал ласкать ее медленно и жарко всю ночь до той поры, как вспыхнут первые лучи утренней зари. Ласкать так, что страсть станет для нее таким же наслаждением, как и для него.

Боже, ведь в те счастливые минуты, когда он чувствовал сладость ее поцелуя, он намеревался совершить это.

Но этого не случится.

Никогда.

Голова у Себастьяна гудела. Он даже не слышал, как Джастин пожелал ему спокойной ночи.

Да, ночь продолжалась. Луна свершала свой путь по небосводу, а настроение у Себастьяна делалось все более мрачным. Он был не из тех мужчин, которые напиваются до бесчувствия. Пил умеренно. В последний раз он здорово опьянел где-то на первом курсе в Оксфорде.

Но в эту ночь он последовал примеру своего брата.

К утру графин бренди был опустошен.

Глава 19

– Мы с Джастином решили пригласить на завтрашний вечер нескольких друзей. Я подумал, что вы могли бы присоединиться к нам.

Это объявление было сделано на следующее утро за вторым завтраком и прозвучало настолько обиденно и беспечно, что у Девон появилась возможность собраться с мыслями.

Но едва она это сделала, у нее на секунду замерло сердце. Девон медленно положила ложечку на блюдце. Молча подняла вопрошающий взгляд на Себастьяна. Ослепительная белизна его галстука подчеркивала бронзовый цвет кожи. Прерывисто дыша, с отчаянно бьющимся сердцем Девон смотрела на Себастьяна, по-прежнему не говоря ни слова, пока взгляды их не встретились.

– Совершенно непринужденная вечеринка, без всяких формальностей. Немножко еды. Немножко болтовни, только и всего, – добавил он с самой милой улыбкой.

Девон пришла в себя. Итак, он хочет познакомить ее со своими друзьями! И совершенно очевидно, что это ничуть не похоже на тот званый обед, которым она любовалась исподтишка с галереи. Тогда он ни словом не обмолвился о том, что ее присутствие должно оставаться тайной для гостей, но она, слава Богу, и сама проявила сообразительность

на этот счет. Испытывая нечто среднее между воодушевлением и опаской, Девон, прикусив нижнюю губу, несколько секунд подумала и спросила:

– Вашим друзьям не покажется странным мое присутствие?

– Ну, мы скажем, что вы приехали на несколько дней. Нанесли неожиданный визит, желая сделать сюрприз Джулианне, об отсутствии которой просто не знали.

Девон в ответ только кивнула – сердце ее было так полно, что она не могла говорить. Себастьян захотел представить ее своим друзьям! Он ее не стыдится...

Уже под вечер на следующий день Девон принялась рыться в гардеробе. Вскоре после их приезда сюда Себастьян отправил в Лондон слугу за ее одеждой, и тот вернулся как раз сегодня в первой половине дня. Девон прикидывала на себя платья одно за другим и, проделав эту процедуру не менее дюжины раз, остановилась на шелковом платье цвета светлого нефрита, самом элегантном из всех, приобретенных для нее Себастьяном.

В этот вечер ей помогла принять ванну и одеться горничная Джейн, милая и приветливая, но Девон предпочла бы, чтобы рядом находилась Танзи, чья живая и непринужденная болтовня успокоила бы ее взвинченные нервы.

Наконец Джейн отошла в сторону. Девон встала из-за туалетного стола и направилась к большому зеркалу в углу комнаты. Нервы у нее разыгрались не на шутку. Она не хотела

смотреть на себя. Боялась.

Но не торчать же перед трюмо целую вечность, опустив глаза...

Светло-зеленый шелк красиво облегал верхнюю часть ее фигуры, а лиф с низким вырезом подчеркивал форму груди, юбка ниспадала свободными волнами до самых кончиков туфель. Покрой был простой и элегантный. Широкая лента из золотистого шелка подхватывала по французской моде лиф под самой грудью; той же лентой был отделан внизу подол и украшены пышные короткие рукавчики. Джейн оказалась настоящим мастером прически: она справилась с непослушной гривой волос Девон, собрав их на затылке и перевязав лентой таким образом, что концы их падали на одно плечо, оставляя свободным другое.

Девон смотрела на себя, а перед глазами в то же время маячила совсем иная картина: званый обед у Себастьяна, леди, окружающие хозяина дома кольцом, леди, разодетые в дорогие наряды, с перьями в волосах, со сверкающими драгоценностями на шее и в ушах, с перстнями на пальцах.

Девон взяла в руку ожерелье матери, зажав в пальцах закрепленный на нем крест. У нее нет ни драгоценных камней, ни других украшений, только это. Не покажется ли она Себастьяну плохо одетой простушкой?

В эту минуту у нее за спиной слышались восторженные слова Джейн.

– Мисс, – говорила та, – о, мисс, этот цвет платья словно

создан для вас, он оттеняет блеск ваших глаз, они сверкают словно бриллианты. Позвольте вам сказать, что вы чудесно выглядите! Настоящее видение!

Девон обернулась и в импульсивном порыве схватила руки Джейн в свои.

– Джейн, вы и вправду так считаете?

– Само собой! – энергично подтвердила горничная. – Еще бы не так!

Все в том же безотчетном порыве Девон обняла девушку. Все ее дурные предчувствия как рукой сняло.

– Спасибо за помощь, Джейн!

Себастьян стоял внизу у лестницы, когда Девон начала по ней спускаться. Вид у Себастьяна был хмурый и отрешенный, руки он засунул в карманы панталон. В нескольких шагах позади него стоял Джастин. Девон взялась за холодные резные перила, и сердце у нее вновь отчаянно забилося от волнения, которое она решила ни в коем случае не показывать. Ей очень хотелось понравиться Себастьяну. Просто до боли в сердце. Хотелось, чтобы он увидел в ней то же прекрасное видение, которое увидела Джейн. И услышать, как он скажет ей об этом.

Братья посмотрели вверх одновременно.

У Джастина вывалилась изо рта сигара. Девон подавила смех, когда Джастин чертыхнулся и попытался подхватить сигару на лету.

Ее взгляд обратился теперь, на Себастьяна, а его – Госпо-

ди, помоги! – на нее. Все остальное померкло. Каждая частица существа Девон была сосредоточена на Себастьяне, и у нее создалось впечатление, что и с ним происходит то же самое.

Она медленно, ступенька за ступенькой, сокращала расстояние между собой и мужчинами. Вот осталось три ступеньки. Две...

И все эти секунды Себастьян не сводил с нее глаз, но не говорил ни слова.

Наконец она остановилась перед ним. Он – ни звука. Уголки губ Девон чуть приподнялись.

– Итак, сэръ, вам нечего сказать?

Его глаза были сейчас только для нее одной... также, как и первые произнесенные им слова.

– Я не могу думать ни о чем, кроме... О, вы лишили меня возможности дышать!

Он произнес это тихо... так тихо, что ей пришлось напрячь слух, чтобы догадаться о смысле слов. Но слова эти она никогда не забудет.

Девон ничего не смогла ответить, только улыбнулась ему – и все.

Ответная улыбка тронула его губы. Он взял ее руку и поцеловал пальчики в кружевной перчатке.

Они вместе направились к двери в гостиную. Джастин был уже там и подошел к камину поздороваться с устроившимися возле него тремя джентльменами.

Девон вдруг осознала всю серьезность того поступка, который она собирается совершить. Она должна играть роль леди, в то время как она все, что угодно, только не леди.

– Стойте, – произнесла она. Себастьян вопросительно посмотрел на нее. Девон сотрясала дрожь. Холодными как лед пальцами она коснулась локтя Себастьяна.

– Послушайте, – быстро, почти лихорадочно заговорила она, – что, если они узнают, кто я такая? Что я подделка? И что, если я сделаю какую-то нелепую ошибку? Пролью вино себе на колени? Выберу не ту вилку? Я не хотела бы поставить вас в неловкое положение. Заставить краснеть за меня.

Себастьян остановился и, наклонив голову, посмотрел в широко раскрытые янтарные глаза. Всеми фибрами своей души ощутил он беззащитность Девон. Она, такая, какой он увидел ее сегодня, была бы первой в любом собрании красавиц, пусть самом многочисленном. Но если она сейчас испытывает страх и неуверенность, кто может осудить ее за это?

Горечь обожгла ему горло. Какое-то мгновение он не мог понять, кого больше ненавидит: Джастина за его предложение или себя за то, что принял это предложение.

Они должны были предупредить ее, сказать правду, подсказывал ему голос разума. Это неправильно, что она ничего не знает... Но ведь, узнай Девон, в чем дело, она непременно взбунтовалась бы. Уж лучше так, как оно есть, потом, похоже, будет время разобраться...

Внезапно Себастьян преисполнился лютого презрения к

себе. Да кто они с Джастином такие? Что они возомнили о себе?

Ведь это первая проверка обретенных Девон новых для нее навыков – и он бросил ее волкам в лапы.

Ничуть не удивительно, что он чувствует себя скотиной.

Но сейчас не время предаваться подобным чувствам, а тем более демонстрировать их.

– Ничего подобного не произойдет, – уверенно и почти торжественно проговорил он и, не давая Девон возможности возразить, ввел ее в гостиную.

И она его не посрамила. Вошла в комнату смело – спина прямая, голова высоко поднята.

– Джентльмены, я позволю себе представить вас мисс Девон Сент-Джеймс, давней подруге моей сестры. Мисс Сент-Джеймс проездом собралась нанести визит нашей милой Джулианне, но, увы, Джулианна еще не вернулась из путешествия по Европе. Тем не менее я надеюсь, что вы вместе со мной поприветствуете ее сегодня вечером в Терстон-Холле.

При виде Девон джентльмены, расположившиеся в ряд на диване, подскочили, словно три хорошо смазанные пружины. Себастьян с мрачным удовлетворением сказал себе, что иного и ожидать было нечего.

Мейсон, молодой человек вполне приятной наружности, к которому Себастьян до сих пор относился доброжелательно, уже завладел рукой Девон и запечатлел на ней поцелуй на том самом месте, которое Себастьян считал по праву своим

собственным.

– Мисс Сент-Джеймс, это наш здешний банкир, мистер Мейсон.

– Мистер Мейсон, я рада с вами познакомиться. Далее был представлен Эванс, который отвесил весьма замысловатый поклон.

– Если вам, мисс Сент-Джеймс, понадобится помощь адвоката, я полагаю, что мистер Эванс будет к вашим услугам и прекрасно справится с любой задачей.

– Я в этом уверена, мистер Эванс, благодарю вас.

Уэстфилд представился без посторонней помощи, сообщив свое имя, и задал вопрос:

– Как вам нравится наше деревенское захолустье, мисс Сент-Джеймс?

Девон рассмеялась и ответила, взглянув на Себастьяна:

– Оно просто восхитительно, особенно после лондонской духоты.

Глаза их встретились. Себастьян думал только об одном: никогда еще он ею так не гордился.

И никогда не презирал себя до такой степени.

Потому что с каждой секундой, с каждым словом уверенность Девон росла. Она напоминала Себастьяну хрупкий цветок, только что явившийся в мир и распустивший лепестки под действием тепла и солнечного света. Девон смеялась. Девон болтала легко и увлеченно.

Все прошло отлично.

Для Себастьяна этот вечер тянулся целую вечность. Мейсон, Эванс и Уэстфилд проторчали в доме гораздо дольше, чем он рассчитывал. Девон удалилась к себе незадолго до того, как отбыли наконец-то гости. Перед тем как весело пожелать всем спокойной ночи, она пылко назвала этот вечер просто замечательным.

Оставшись в гостиной наедине, братья могли, как говорится, выпустить пар. Джастин, скрестив руки на груди и крепко сжав губы, повернулся к Себастьяну и после недолгого молчания высказался так:

– Что ж, все прошло недурно.

Себастьян одарил его ледяным взглядом и возразил:

– Она держалась блестяще, и ты это знаешь.

– Да, я это знаю, но говорю не о Девон. Я имею в виду твой выбор перспективных женихов для нее. Черт побери, эти три буффона с трудом удерживались оттого, чтобы распустить руки. А Уэстфилд? Он пользовался своим моноклем, чтобы рассматривать ее гру...

– Да, – прорычал Себастьян, – я это заметил.

– Ни один из них не подходит. Ни один.

Себастьян промолчал. Джастин посмотрел на него с недоумением;

– Уж не хочешь ли ты объявить, что один из них твой, так сказать, фаворит?

– Нет. – Тону Себастьяна был угрожающим. – Девон не выйдет замуж ни за Мейсона, ни за Эванса, ни тем более за

Уэстфилда.

– Ясно. В таком случае я отправляюсь назад в Лондон. Девон находит его душным, а я жду не дождусь, когда буду там снова.

– Ты хочешь ехать прямо сейчас? Ночью?

– Да.

Себастьян был уверен, что Джастин нервничает. Он наблюдал за братом весь день и не был особенно удивлен тем, что тот не хочет дожидаться утра, чтобы уехать в Лондон. Удивительным было другое: то, что Джастин последовал за ним сюда. Обычно он избегал Терстон-Холла как чумы. Пробыть здесь два или, не дай Бог, три дня – это уж извините!

Он проводил Джастина до выходной двери и вышел с ним на крыльцо, возле которого стоял наготове выездной лакей. Чемоданы были погружены.

– Мне кажется, мы сегодня достигли немногого. Подумай, можешь ли ты представить Девон замужем за одним из этих идиотов? Найти подходящего претендента на ее руку – задача не из простых. Моих приятелей мы вроде бы заранее исключили из их числа. Но может, кто-то из твоих...

– Исключено, – сказал, как отрезал, Себастьян, которому был невыносим даже слабый намек на то, что Девон станет супругой кого-то из его друзей. – Будем искать дальше. Ее надо выдать замуж, и как можно скорее. Думаю, приемлемого мужа легче найти, если ему кое-что перепадет в виде звонкой монеты.

– Что ж, в этом есть свой смысл, – согласился Джастин. – Такая возможность не исключена. Сколько времени ты еще намерен пробыть здесь?

– Пока не знаю.

– Ладно. Если я найду блестящее решение вопроса, то вернусь в Терстон.

Короткое прощание, и Джастин был таков.

Себастьян отступил в холл и медленно затворил дверь. Полный призрачных теней сумрак прихожей окутал его. Господи, голова просто разламывается, и за остаток ночи боль явно не утихнет.

Его внимание привлек какой-то шорох за спиной. Он резко обернулся, так как до этого думал, что он тут один.

Он ошибся.

Маленькая фигурка еле видна была в тени у подножия парадной лестницы.

Девон.

Она стояла и молча смотрела на него широко раскрытыми глазами. Они казались особенно яркими на абсолютно белом лице.

Себастьян похолодел: она слышала каждое слово.

Глава 20

Девон ощущала в груди невероятную, давящую тяжесть. Она вспомнила, что испытала нечто подобное давно, когда была еще ребенком. Как-то она бегала по улицам, и рябой мальчишка подставил ей ножку. Девон споткнулась, наступила на подол своего платья и упала лицом вперед, плашмя. Она не могла дышать, в ушах стоял грохот, легкие жгло как огнем. Девон не могла двигаться, она задыхалась. Потому что ей было невероятно стыдно – неизвестно почему. Стыдно, и когда она лежала на земле, и долгое время потом.

Она чувствовала себя примерно так же сейчас.

Мышцы лица словно застыли от холода. Руки и ноги ледяные. Но внутри у нее все протестовало. Она не могла заставить себя поверить в то, что услышала только что собственными ушами.

«Думаю, приемлемого мужа легче найти, если ему кое-что перепадет в виде звонкой монеты».

Девон отчаянно боролась с подступающими к горлу рыданиями, с готовым в любую минуту пролиться потоком слез.

Она еще несколько секунд оцепенело смотрела на Себастьяна и вдруг поняла, что и он находится в том же состоянии. Но как поверить в то, что это он произнес такие ужасные слова, он, кому она верила... и кого любила?

– Вы собираетесь заплатить мужчине за то, чтобы он же-

нился на мне?

Он ничего не сказал и по-прежнему не двигался с места.

– Ответьте мне, Себастьян: вы заплатили бы мужчине, который согласился бы взять меня в свой дом и в свою постель?

Молчание. Неподвижность статуи. И серые глаза, которые смотрят на нее не моргая.

Ее окатила огромная волна острой боли. Девон прижала к губам ледяные кончики пальцев.

– О Боже! – произнесла она очень тихо, потом еще раз, уже громче: – О Боже!

В вихре развевающихся юбок она ринулась вверх по лестнице. Позади прозвучало негромкое ругательство, потом раздались шаги следом за ней по ступенькам. Девон побежала быстрее.

Почему он не хочет оставить ее одну? Ему мало того, что он сделал? Единственное, что ей сейчас нужно, – это остаться одной. Но когда Девон уже переступала порог своей комнаты, она зацепила носком туфли подол платья и распростерлась на полу точно так же, как когда-то на мостовой. И, как тогда, Девон ощутила жжение в оставшихся без воздуха легких и пыталась восстановить дыхание и как можно скорее подняться на ноги.

Но Себастьян был уже рядом. Обхватив ее руками за талию, он помогал ей подняться с пола.

– Отпустите меня! – выкрикнула Девон и резким движением выставила локоть.

Он вовремя пригнулся, чтобы уберечь свой нос. И внезапно отпустил Девон.

ил Теперь уже твердо стоя на ногах, она выпрямилась и сказала:

– Убирайтесь!

Он и не подумал убираться. Вместо этого он в своей обычной, только ему присущей невозмутимо спокойной манере аккуратно закрыл дверь, потом с той же экономностью движений повернул в замке ключ, вынул его из замочной скважины и спрятал в карман жилета.

– Какого дьявола вы это делаете?

– Вы сумасшедшая, – высказался он все с тем же спокойствием.

– А вы ублюдок! – заявила она, переходя от шокового оценивания к бурному негодованию, и добавила с неподражаемо развязным жестом и едкой издевкой: – О-ля, как это я могла забыть! Ведь это я вопреки вашим неутомимым стараниям сделать из меня леди как была, так и остаюсь ублюдком, не так ли?

Их взгляды встретились.

– Не принижайте себя, Девон. Вы всегда леди, и вы это знаете. Вы доказали это сегодня вечером. Кроме того, ваше происхождение не имеет ничего общего с...

– О, прошу вас, не вносите путаницу в этот вопрос! Мое происхождение, как вы это называете, имеет к этому прямое отношение. Я сказала вам однажды, что обещала мате-

ри никогда не быть продажной женщиной, воровкой или нищенкой. Вы тогда не поверили мне, и ясно, что мнение ваше обо мне не изменилось. Я не стану зарабатывать на жизнь проституцией и не позволю вам сделать из меня продажную тварь!

– Продажную тварь? Побойтесь Бога, Девон...

Вы вознамерились заплатить мужчине, который принял бы меня в свой дом и в свою постель! Вы хотите платить ему! – кричала она. – Разве это не то же самое, что проституция? Но я вам этого не позволю! Вы слышите? Не позволю!

Он подступил к ней ближе.

– Девон, – произнес он голосом глухим и напряженным. – Девон, пожалуйста.

Она тряхнула головой и заговорила, глядя ему прямо в глаза:

– Сегодняшний ужин не был ни к чему не обязывающей вечеринкой, не правда ли? Это было нечто совсем иное. Нечто заранее обдуманное и рассчитанное. Мне следовало догадаться об этом. Естественно, это вы планировали ужин, как вы планируете все. Хотелось бы льстить себе надеждой, что вы уже не запродали меня тому, кто предложил самую высокую цену после сегодняшнего ужина.

– Девон, послушайте меня...

– Не стану я вас слушать! Вы меня обманули, Себастьян! Обманули! Я хотела стать гувернанткой или компаньонкой, и вы это знали. Неужели я настолько ничтожна, что не спо-

собна даже на это? Именно это вы предвидели?

– Да нет же! Нет!

– Если вы хотели просто от меня избавиться, вам стоило только сказать об этом.

– Избавиться от вас... О Господи! – произнес он ошеломленно. – Да ничего подобного!

Он протянул к ней руки. Девон отпрянула, но он успел схватить ее за плечи и встряхнул.

– Девон, вы должны меня выслушать. Это не то, что вы думаете. Поймите, вы так обаятельны и красивы, а когда я узнал, что вы девственница... Мы, Джастин и я, боялись, что вы станете игрушкой и жертвой какого-нибудь отъявленно-го мерзавца, который воспользуется вашей невинностью. Я знал, что вы не заслуживаете такой участи. Я это понимал. Для меня была невыносимой мысль о том, что вы окажетесь на улице, останетесь без крова. Я хотел защитить вас, убереечь от опасного пути. Мне нужно было знать, что вы навсегда находитесь в безопасности. Ни холода... ни голода...

Девон поняла, что он хотел и хочет защитить ее. И в глубине души принимала это. Но боль от того, что ее предали, была еще слишком свежа.

Она заговорила неожиданно для самой себя:

– Я была так взволнована сегодня вечером... Вы захотели представить меня вашим друзьям! И я не хотела опозориться. Я хотела, чтобы вы мной гордились. Хотела вести себя так, как вы меня учили.

– Вы такой и были, – со страстью подтвердил он. – И я гордился вами. Вы так прекрасно выглядели. Вы прекрасны, Девон. Знаете ли вы, что любой мужчина был бы счастлив назвать вас своей?

«Любой, но не ты!» – был крик ее сердца.

– Вы помните ту ночь в моей комнате, когда вы уложили меня в постель?

У него на губах вдруг вспыхнула улыбка.

– Вы тогда сказали, что я красив. Что я лишил вас возможности свободно дышать.

– Я отдалась бы вам тогда. – Признание сорвалось с ее языка само собой, и шло оно из глубины души. – Тогда вы сказали, чтобы я ни одному мужчине не говорила того, что сказала вам. Мне... было очень стыдно, просто до смерти! Я не могла понять, что плохого я сделала.

Улыбки на лице у Себастьяна как не бывало.

– Вы не сделали ничего плохого, – сказал он каким-то странным голосом. – Это все я. Клянусь, я хотел того же. Это просто... Если бы обстоятельства были иными... Если бы я был иным.

На глазах у Девон выступили слезы.

– Боже мой, – произнес Себастьян голосом, полным душевной муки, – не плачьте. – Он обнял ее за талию, привлек к себе и начал слегка покачивать, словно малого ребенка. – Не плачь, любимая. Это разрывает мне сердце, не плачь.

Девон перебирала пальцами ткань его рубашки. Случи-

лось то, чего она больше всего хотела: вокруг нее сомкнулись крепкие объятия Себастьяна, он готов защищать ее, оберегать в этом полном опасностей мире. Но произошло это тогда, когда он был душевно потрясен не меньше, чем она, полон раскаяния и боли. Девон постаралась удержаться от слез, но слабый всхлип все-таки вырвался из ее груди.

– Я не хотел причинить тебе боль. Никогда. Простишь ли ты меня? – Он взял ее за подбородок и легко коснулся губами ее губ. – Прошу тебя, Девон, скажи, что прощаешь меня.

– Я хочу простить. Но... – Охваченная бурей противоречивых эмоций, Девон вздохнула глубоко и прерывисто. – Я не знаю, что думать. Я не знаю, чему верить.

Себастьян снова нашел губами ее губы.

– Верь этому, – прошептал он. – Верь мне.

Третий поцелуй был жарким, страстным, нежным поцелуем любящего мужчины. Потом Себастьян прижался щекой к щеке Девон и проговорил очень тихо:

– Я хочу тебя.

Он повернул голову так, чтобы видеть ее глаза. Девон смотрела на него, замороженная.

– Девон, – снова перешел он на шепот, – ты понимаешь, о чем я говорю?

Сердце у нее билось так сильно и гулко, что она почти ничего не слышала.

– Я хочу тебя, – повторил он. – Хочу любить тебя.

Девон чувствовала, как внутри у нее все дрожит. Но силь-

нее всего было чувство, что она принадлежит Себастьяну душой и телом, всем своим существом. Говорить она не могла. Попыталась ответить, но с губ сорвался лишь невнятный звук.

В следующую секунду ноги ее оторвались от пола, а сама она оказалась на руках Себастьяна.

Он понес ее к кровати в углу комнаты, но вдруг остановился. Взгляд его перешел с красивого пестрого покрывала на дверь.

Девон обрела дар речи настолько, чтобы, запинаясь на каждом слове, спросить:

– Себастьян, что случилось? Я думала...

– Не здесь, – ответил он, покачав головой и глядя ей в глаза вдруг потемневшими глазами. – Я хочу тебя в моей комнате и в моей постели.

Глава 21

Себастьян устал бороться с самим собой. Он больше не мог сражаться с пылким желанием, которое полностью подчинило его волю. Оно было слишком сильным. Слишком напряженным. Неодолимым.

Но сейчас Себастьян и не хотел борьбы с собой. Никаких мыслей о совести. Никаких сомнений. Сейчас не время для чувства вины, для рационалистической логики. К чертям общепринятые правила.

Для него существует только Девон.

Девон в его объятиях... в его комнате, в его постели.

Он медленно и осторожно поставил ее на пол.

Жаркий огонь в камине дарил им тепло. Тяжелые темно-красные шторы на окнах были раздвинуты, и полная луна заливала всю комнату волнами голубого света. И в этом призрачном свете стройная фигурка Девон казалась особенно легкой. Невесомой. Эфирной, словно ангел. Он смотрел на ее лицо и где-то в дальних глубинах своей взбудораженной души не мог не удивляться изысканному благородству ее черт. Кто же она? Кто она на самом деле?

Лента в волосах у Девон развязалась, волнистые пряди свободно лежали на обнаженных плечах. Себастьян, едва касаясь нежной кожи, провел ладонью по ее щеке, дотронулся до ямочки на шее и ощутил под пальцем бурное биение ее

пульса... такое же бурное, как у него. Слабая, чуть растерянная улыбка появилась у нее на губах – самая прекрасная из всех, какие он видел. Девон никогда не умела скрывать свои чувства, и сейчас на лице у нее было написано, что она позволит ему делать с ней все – все, что он захочет...

Себастьян словно прирос к полу. Он боялся двигаться из страха, что Девон вдруг исчезнет, испарится, улетит, унеся с собой все его желания и мечты. Из страха, что эта ночь на самом деле нереальна, как сон...

Медленно, очень медленно и почти бессознательно он снял с себя смокинг, потом жилет и наконец рубашку.

При виде его обнаженной груди Девон провела языком по губам, они стали влажными и блестящими, и вспышка страсти едва не лишила Себастьяна чувств.

– Девон, о, Девон, – бормотал он, сжимая ее в объятиях и целуя, целуя, целуя без конца, в счастливом, опьяняющем осознании, что отступать уже не нужно.

Голова у него кружилась.

– Девон, – прошептал он, коснувшись губами чувствительного местечка возле ушка. – Моя милая, любимая Девон.

Теплые ладони Себастьяна коснулись ее плеч. Ловкое движение пальцев – и Девон была освобождена от корсажа. У Себастьяна перехватило дыхание, когда он увидел ее такой – полуобнаженной, смущенной и неотвратимо влекущей. Он смотрел на ее юную грудь, два округлых очаровательных полушария, увенчанных соблазнительными сосками цвета ро-

зового коралла.

– Себастьян...

Девон произнесла его имя еле слышно и словно бы неуверенно. Глаза вдруг сделались огромными: она заметила, как жадно смотрит Себастьян на ее грудь, и щеки у нее тоже приобрели цвет коралла.

Себастьян напомнил себе, что Девон совсем неопытна. Она нервно сглотнула и неосознанным жестом подняла руки к груди, как бы желая прикрыть ее.

Он перехватил это движение ласково, но настойчиво.

– Не надо стыдиться меня, радость моя. – Себастьян поцеловал Девон в уголок губ. – И не надо бояться.

– Я не боюсь, – произнесла она все так же еле слышно. – Я просто подумала, хорошо, что сейчас ночь, а не день.

Пожалуй, это было последнее, что он мог бы ожидать от нее услышать. Но на то она и была Девон, его Девон, открытая и прямодушная.

– Позволь мне обнять тебя, – хриплым от страсти голосом заговорил он. – Позволь тебя любить.

– Себастьян, – повторила Девон его имя и умолкла, прикусив нижнюю губку.

– Что, любовь моя? Чего ты хочешь?

– Я хочу... – сказала она и смутилась.

– Скажи мне, любимая. Я дам тебе это, клянусь.

– Я хочу... чтобы вы... чтобы ты... поцеловал мою грудь... но это ужасно неприлично для леди, да?

Себастьян ласково засмеялся.

– Нет, милая, нет, это всего лишь желание. Но подскажи мне, какое в точности место на груди должен я поцеловать. – Теперь, когда словно тяжкий груз свалился у него с плеч, Себастьян мог и немного поддразнить Девон. Кончиком языка он коснулся соска, который сейчас напоминал коралл не только цветом, но и твердостью. – Это?

Яростный порыв желания бросил их друг к другу, Девон так крепко вцепилась пальцами в твердые мышцы на плечах Себастьяна, словно от этого зависела ее жизнь, но Себастьян даже не почувствовал боли от впившихся в кожу острых кончиков ногтей. В три шага он донес драгоценную ношу до постели – уже без. платья, которое упало на пол где-то позади. Сдернул с себя панталоны (пуговицы с легким стуком посыпались на паркет) и склонился над лежащей Девон.

Обнаженные шелковистые руки обняли его за шею. Горячие губы прижались к его губам.

Себастьян сдерживал себя, старался как можно бережнее и осторожнее ввести Девон в мир новых ощущений, в мир взаимной страсти, такой прекрасный для любящих. Девон подняла на него глаза.

– Пожалуйста, – выдохнула она. – О, пожалуйста, Себастьян!

Ноги ее были широко раскинуты. Себастьян принял ее призыв. Легкий вскрик Девон словно кинжалом полоснул его по сердцу. Господи, ей больно... Но остановиться он уже

не был в состоянии, к ощущениям страсти примешивалась радость обладания женщиной, которая принадлежит только ему. Освобождение наступило быстро – слишком долгим было ожидание.

Себастьян посмотрел на Девон, которая медленно подняла веки, и ему почудилось, что то ли смущение, то ли сомнение промелькнуло в глубине ее глаз.

– Я причинил тебе боль, – только и смог выговорить он.

– Нет, – ответила она тихо. – Не причинил.

– Зачем ты говоришь неправду? Ведь я слышал, как ты вскрикнула. Господи, Девон, я так хочу тебя! Чувствуешь ли ты это? Всю силу моего желания? – Глаза у Себастьяна потемнели. – Но я боюсь. Я очень боюсь, что тебе снова будет больно. – Он запнулся. – Ты... такая маленькая, – прошептал он. – А я такой...

Девон закрыла ему рот ладонью.

– Мне хорошо! Чудесно! – произнесла она. – Это правда.

На губах у нее появилась дрожащая улыбка, а в глазах просияло чувство столь чистое и нескрываемое, что Себастьян ощутил нечто вроде стыда.

– Возьми меня еще раз, – шептала Девон. – Сделай меня совсем, совсем твоей. Мне будет больно, если ты этого не сделаешь...

Теперь она не просто принимала его порывы, она участвовала во взаимном обладании со всей силой чувства, которое росло и развивалось в ней – не только в душе ее, но и в

теле – все дни с начала их знакомства в ту ненастную ночь, когда Себастьян подобрал ее на холодной мостовой.

Катарсис был невероятным. Себастьян никогда еще не испытывал подобного оргазма. Потрясенный до самых глубин своего существа, он даже не сразу нашел в себе силы отодвинуться и лечь рядом с Девон. Он прижал ее к себе и поцеловал в губы долгим, благодарным поцелуем. Потом провел пальцем по ее носу:

– А теперь немедленно спать, шалая девчонка.

– Да, милорд, – ответила она в ту же секунду. И уснула почти так же скоро.

Себастьян был удивлен. Он даже не знал, радоваться ему или обижаться. Сам-то он вряд ли скоро уснет рядом с этим завораживающим созданием. Такой по крайней мере думал.

Увы, он ошибся.

Глава 22

Девон проснулась от щелчка затворяемой двери.

Приоткрыв один глаз, она увидела, что Себастьян ходит по комнате, облаченный в малиновый парчовый халат. Должно быть, она спала очень крепко, так как не почувствовала, что он встал с постели. Последним ее воспоминанием было то, что она лежала рядом с Себастьяном, а он обнимал ее обеими своими большими руками, способными надежно защитить от любой опасности. Помнилось также, что, когда она пошевелилась, он крепче прижал ее к себе, как бы не желая никуда отпускать.

Чудесная мысль. Девон хотела наслаждаться не только страстью, возникшей между ней и Себастьяном, но и близостью к нему, возможностью постоянно быть вместе... Но нет. Нет. Об этом не надо думать. Она не сделает ничего такого, что запятнает самое драгоценное воспоминание в ее жизни.

Он подошел и сел рядом с Девон на кровать, держа руку за спиной. Свободной рукой Себастьян погладил Девон по плечу. Ее руки лежали поверх стеганого одеяла, она опиралась на них подбородком. Себастьян взял их обе в свою и, притронувшись губами к суставчикам, разогнул маленький кулачок и поцеловал ладонь, а потом все кончики пальцев.

– Доброе утро, – проговорил он наконец.

Столь запоздалое приветствие насмешило Девон. В серых

глазах Себастьяна светилась такая нежность, что Девон почувствовала себя невероятно, сказочно счастливой.

– Хорошо ли ты спала? – ласково спросил он.

– Я хорошо спала, – ответила она и нахмурилась. – А ты, как я понимаю, совсем не спал, если где-то бродишь в такую рань. – Она повернула голову к окну, сквозь которое только-только брезжил рассвет. – Ты слишком много работаешь, Себастьян, – мягко попрекнула его она.

– Я не работал. Я был в саду.

– В саду? В такой час?

– Солнце встает.

Он повернул голову к окну, за которым на востоке засветились жемчужно-коралловым светом маленькие облачка.

Девон посмотрела на его лицо. Губы Себастьяна слегка изогнулись в улыбке, как будто он заметил что-то очень забавное. Вид у него был прямо-таки озорной.

Себастьян... озорной?

Куда девалась аристократическая утонченность маркиза Терстона! Пояс его халата был завязан свободно, почти небрежно, открывая темную от загара грудь, даже отросшая за ночь щетина на подбородке казалась сегодня не такой жесткой, как обычно. Спутанная прядь черных волос упала на лоб. Весь облик мужественный, как всегда, но Девон никогда еще не видела его настолько умиротворенным и спокойным.

– Себастьян? – произнесла она лукаво.

– Да, любимая?

– Что ты держишь за спиной? Темные брови взлетели вверх.

– Ничего особенного, – ответил он с самым что ни на есть невинным видом.

Девон решительно подалась вперед, к нему. Слишком поздно она сообразила, что на ней нет ни лоскутка одежды. Охнула и нырнула под одеяло. Не потому, что он не видел ее обнаженной, – он не только видел, но и целовал каждый дюйм ее тела, но то было ночью, а теперь уже наступил день. Девон застеснялась и ничего не могла с этим поделать. Понадобится некоторое время, чтобы она привыкла появляться перед ним вот так, совсем голой.

А этот негодник к тому же расхохотался во все горло.

Девон надула губы:

– Покажи, что ты прячешь!

– Я сделаю больше. – Улыбка у него была просто дьявольская. – Но что, если сначала я предложу тебе угадать?

– Согласна, – быстро сказала она.

– Тогда ляг на подушку, а руки подними к голове.

Девон подчинилась.

– Так? – спросила еле слышно.

– Правильно. А теперь помолчи, моя маленькая любимая, и закрой глаза.

«Моя маленькая любимая». Если Девон и до этого была безмерно счастлива, то сейчас она пришла в экстаз.

Что-то мягкое и бархатистое коснулось кончика ее носа, пробежалось по щекам и наконец тронуло губы. Девон ощутила дивный аромат и втянула в себя воздух.

– Роза, – прошептала она. – Вот зачем ты ходил в сад.

– Верно, – пробормотал он. – А теперь можешь открыть глаза, только лежи тихо. Я провожу эксперимент.

Эксперимент начался с того, что одеяло было сдвинуто Девон на бедра. Теперь она видела собственные груди – два холмика цвета слоновой кости, увенчанные розовыми кончиками. Девон смутно подумала, что это, пожалуй, выходит за пределы стыдливости, и почувствовала, как по всему ее телу распространяется жар.

Но она не пошевелилась.

Взгляд потемневших глаз Себастьяна был сосредоточен на ее груди – он смотрел и приговаривал медленно, как бы в раздумье:

– Великолепно... Совершенно великолепно.

Он прикоснулся полураспустившимся цветком розы к кончику одной груди, потом – другой и зашептал:

– Солнечный восход... Так и называется эта роза. И Боже ты мой, ведь он был прав... твои соски... они в точности такого цвета, как этот розовый бутон.

Девон, замороженная его благоговейной интонацией, потянулась было к Себастьяну, но тут ее словно бы что-то ударило, и она опустила руки.

– Он? – произнесла она и повторила: – Он? Себастьян,

кого ты имеешь в виду? Кто был прав?

Себастьян моргнул, оторвался наконец от созерцания ее груди и ответил:

– Джастин, разумеется. Он сказал, что твоя...

– Это я слышала, – перебила его Девон. – Ты хочешь сказать, что Джастин... что твой брат видел мою... – тут она запнулась, но через несколько секунд все же выговорила: – грудь.

– Боюсь, что так, – бодро-весело объявил Себастьян. Девон помертвела.

– Нет, – почти простонала она. – Это неправда.

– Ну, – продолжал он столь же легкомысленно, – если ты не веришь мне, спроси у него самого.

Девон потянула на себя одеяло.

– Господи, да я теперь не в состоянии вообще с ним встречаться.

Себастьян усмехнулся:

– Перестань, все это не так уж страшно.

– Конечно, тебе это не страшно! – выпалила Девон, глядя на него поверх шелковой обшивки одеяла. – Когда же такое произошло?

– В ту ночь, когда тебя ранили.

Девон сказала, задыхаясь от возмущения:

– Значит, пока я лежала совершенно беспомощная, вы меня разглядывали?

– Ничего подобного. – Себастьян рассмеялся. – Просто

Джастин помогал мне перевязывать твою рану. Когда мы с этим справились, я уложил тебя на спину и тогда...

– Себастьян! Ни слова больше!

– Но мы тебя вовсе не разглядывали, – запротестовал он. – Я вел себя безупречно. Немедленно укрыл тебя одеялом. Видишь ли, я уже тогда почувствовал влечение к тебе.

– Предполагается, что от этого мне станет легче? Он не ответил, но улыбка расплылась по всей физиономии.

– Что такое? – слабым голосом спросила она. – Есть еще что-нибудь большее?

Глаза его вспыхнули озорным огоньком.

– Ну, словом, я не позволил Джастину тебя разглядывать, зато сам этим занимался, но совсем чуть-чуть.

Тут он сделал драматическую паузу.

– Да говори же!

– Я любовался твоей прекрасной грудью еще раз, – доверительно сообщил он. – Позже, той же ночью.

– Ты самый большой бесстыдник из всех, какие когда-либо ходили по земле!

– Благодарю тебя, – произнес он серьезным тоном. – До сих пор никто не называл меня так. И признаюсь, мне это понравилось.

Девон ударила его подушкой.

– Вы не джентльмен, сэр!

– Тебе станет лучше, если я позволю тебе разглядывать меня?

Девон ничего не могла с собой поделаться. Он выглядел сейчас таким глупеньким и смешным. Как она ни старалась, не смогла удержаться от улыбки. Потом хихикнула раз и другой. Себастьян заключил ее в свои могучие объятия, и оба повалились на постель в припадке неудержимого смеха.

А когда смех утих, Себастьян овладел ею, и в этот блаженный момент окружающий мир перестал для них существовать.

Потом они долго лежали молча в объятиях друг друга. Наконец Девон приподняла голову и, как показалось Себастьяну, хотела что-то сказать, но вместо этого уткнулась лицом ему в плечо.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил он. – Ты можешь сказать мне все, Девон. Все, что угодно. Разве ты этого не понимаешь?

Запустив пальцы ей в волосы, Себастьян повернул голову Девон так, чтобы видеть ее лицо. Она молчала, снедаемая внезапным страхом. Она любила Себастьяна. Любила всем сердцем, но к чему это приведет? Что произойдет в дальнейшем? Намерен ли он выдать ее за кого-то замуж? Нет, такое невозможно. Этого он не сделает. И она на это не пойдет.

А что будет с ним? С его поисками невесты? Кого он предпочтет?

– Девон, – мягко, но настойчиво произнес он.

– Ну хорошо, – заговорила наконец она. – Когда ты ушел сегодня на прогулку, мне стало страшно.

– Страшно? Чего же ты испугалась?

Девон отвела взгляд.

– Я подумала, что ты, возможно, жалеешь о прошедшей ночи. О том, что мы...

– Ш-ш-ш, тихо, Девон. Замолчи. А теперь посмотри на меня. Нет-нет, не на окно за моей спиной. И не на мои уши. Вот так, теперь правильно.

– Ты хочешь меня рассмешить? – с прерывистым вздохом спросила Девон, заметив, что, хоть лицо его серьезно, в глазах мелькают искорки.

– Право, не знаю, удастся ли мне это.

Девон не рассмеялась, но все же улыбнулась.

Себастьян улыбнулся в ответ и сказал:

– Я не жалею. Нисколько. Мне не в чем раскаиваться. Абсолютно не в чем.

Теперь в его глазах светилась огромная нежность.

– Правда?

Девон протянула руку и дотронулась до щеки Себастьяна, колючей от щетины. Он перехватил ее руку и поцеловал в ладонь.

– Девон, – заговорил он низким от волнения голосом, – прошедшая ночь для меня драгоценна. И я хочу навсегда сберечь эту драгоценность, то есть память о ней. Пойми, то, что произошло между нами, – необычайная редкость. Нечто совсем особенное. И ты понимаешь почему.

– Понимаю, – прошептала она.

– Ничто не должно это разрушить. Согласна?

Девон медленно наклонила голову в знак согласия.

Запустив пальцы в спутанную гриву ее волос, Себастьян притянул к себе голову Девон и поцеловал в губы поцелуем долгим и крепким.

– Ну что же, – проговорила Девон, когда он наконец отпустил ее, – думаю, мне пора вставать.

– Оставайся там, где ты есть, – последовал строгий приказ. – Я хочу снова лечь в постель. На меня напала невероятная лень.

– Лень?! На тебя? Да ведь ты такой деловой человек. Уверена, что тебя ждет куча деловой корреспонденции, не говоря уже о заботах по имению и тому подобных вещах.

– Все это может подождать. А ты – нет! И позволь тебе сообщить, что мы можем провести в этой комнате целую неделю.

– Неделю?! А как же твоя работа? Твой долг?

– К чертям будущее! К чертям долг! Мне нужна только ты. Вся только для меня. И я воспользуюсь этим своим преимуществом.

Он начал было стаскивать с себя халат, но Девон его удержала.

– Нет, – сказала она. – Позволь мне.

Пальцы Девон пробрались под халат, к плечам Себастьяна, потом скользнули вниз, поглаживая твердые мышцы спины.

– Кажется, вы делаете мне авансы?

– В точности так, мой добрый господин.

– Вспомни прошедшую ночь, – сказал Себастьян. – Ты была рада, что все происходит не при свете дня. Полагаю, стеснялась того, что я увижу тебя обнаженной при полном освещении.

– Так оно и было. Но я теперь изменила свой взгляд на такие вещи. Хотелось бы взглянуть, как выглядишь ты при свете дня... – Она примолкла, испуганная собственной смелостью, но через секунду закончила: – Обнаженным.

– Но я вовсе не обнаженный, – возразил он.

– Пока что нет. Но скоро им станешь. Кстати, сэръ, я могла бы этому помочь.

– Как, юная леди, неужели я слышу от вас непристойное предложение?! – расхохотался Себастьян.

– Ох, сэръ, вы совершенно правы. И Девон спустила халат с его плеч. Глаза Себастьяна потемнели.

– Девон, – прошептал он, – ты так красива.

– И ты тоже.

– О нет, я...

– Да! – перебила она. – И знаешь, сегодня утром я думала о том, как впервые увидела тебя. Ты был весь такой накрахмаленный, сюртук облегал тебя без единой морщиночки. Я и представить не могла, что грудь твоя покрыта прекрасными, темными, густыми волосами... Меня поразили твои сильные руки, когда ты снял сюртук, а потом закатал рукава...

– Девон, – охрипшим от желания голосом проговорил Себастьян.

Простыня давно уже сползла на пол с тела Девон. Она подалась вперед и прижалась обнаженной грудью к темным волосам на груди Себастьяна и поцеловала ямочку у него на подбородке.

– Ты знаешь, – произнесла она с коротким и звонким смешком, – мне все время хотелось это сделать.

– Господи, Девон! – Сильные руки властно обхватили ее талию. – Знаешь ли ты, что сделала со мной?

– В чем дело, добрый сэр? Что я такое с вами сделала?

– Глянь вниз, моя дорогая.

Девон послушалась без малейших размышлений. И тотчас глаза ее округлились.

– Ну надо же, – выдохнула она.

– О да, – простонал Себастьян. – О да.

Глава 23

Следующие три утра прошли таким же образом – в полном умиротворении, отмеченном вспышками страсти и долгими часами пребывания в объятиях друг у друга. Лондон казался бесконечно далеким миром. В течение целого дня Девон почти не расставалась с Себастьяном. Они гуляли в парке, и рука Девон надежно и уютно покоилась в ладони Себастьяна. Они бродили по берегу реки, греясь на солнышке, – порой в дружелюбном молчании, а порой в долгих разговорах, занимательных для обоих.

Нетрудно было понять, почему Себастьян так любит Терстон-Холл. В тот день, когда они были в портретной галерее, он сказал Девон, что Терстон для него ближе и дороже всего на свете. Здешняя жизнь была отмечена непринужденной простотой, свойственной сельской местности, полной мира и безмятежности, отсутствующих в бесконечной и порой безумной суете Лондона.

Он сказал ей, что между ними произошло нечто очень редкое. Нечто совсем особое. И как же он был прав!

Себастьян любил ее. Любил глубоко. Это чувство светилось в его взгляде, когда они ласкали друг друга, оно было в каждом его поцелуе и каждом прикосновении. А она, Девон, любила его каждым биением своего сердца, каждой клеточкой своего тела, всеми фибрами своей души. Нахо-

даться с ним вместе здесь, в уединении Терстон-Холла, было неизбывным, самым высшим наслаждением. Для нее не существовало завтра. Только сейчас. Только сегодня. Только чудо принадлежать ему. Только знать, что он чувствует то же самое.

Неделю спустя после приезда в Терстон они после обеда уединились в библиотеке и провели там около часу. Когда закончилась партия в шахматы, Девон встала и подошла к двери, ведущей на террасу; она постояла там, лениво заложив руки за спину и глядя на полумесяц, сияющий в небе. Повернувшись к Себастьяну, она увидела, что и он встал.

– У меня такое чувство, Девон, что я наскучил тебе до безумия. Это никуда не годится. Мы поиграли в карты. Мы поиграли в шахматы. Чем бы еще тебя развлечь, а?

– Кое-чем можно, – смело заявила Девон, однако покраснела.

– Кое-что, я полагаю, найдется. – Глаза Себастьяна вспыхнули таким жарким огнем, что Девон казалось, будто он ее обжигает. – Иди сюда, и посмотрим, смогу ли я соблазнить тебя.

Ноги Девон сами, без участия ее воли, понесли ее к Себастьяну. Едва добежав до него, она бросилась к нему на грудь. Руки его легли ей на бедра, губы прижались к ее губам. Дыхание их смешалось.

– Как бы не ошеломить тебя слишком сильно, – прошептал он.

– Попробуй, – тоже шепотом ответила она.

Ни он, ни она не расслышали, как отворилась и вновь закрылась дверь библиотеки.

Джастин только глянул на парочку – и выругался.

Девон вздрогнула и вцепилась в домашнюю куртку Себастьяна.

– Это Джастин, – задыхаясь, произнесла она.

Себастьян никак не отозвался на это – ни словом, ни жестом. Он по-прежнему обнимал ее за талию и снова как ни в чем не бывало прильнул губами к ее губам. Потом произнес, не оборачиваясь:

– Выйди, Джастин.

– Себастьян, – заговорил Джастин резким и требовательным тоном, – будь любезен повернуться ко мне лицом, когда разговариваешь со мной.

Себастьян наконец поднял голову, но не выпустил Девон из объятий, глядя на брата поверх ее головы.

– Что тебе нужно? – совершенно спокойно спросил он.

Первоначальный испуг Девон сменился сильным смущением. Ей захотелось спрятать голову на груди у Себастьяна, но она почти в ту же секунду опомнилась. Чего ради им прятаться, собственно говоря? Что бы там ни было, ей придется посмотреть Джастину в лицо, так почему не сделать это сию же минуту? Она повернулась и встала рядом с Себастьяном. Тот не препятствовал ее маневру, но в ту же минуту властным жестом обнял ее одной рукой за талию и притянул к се-

бе.

Девон заметила, что Джастин остановился возле карточного стола. Лицо у него было каменное, и голос прозвучал весьма холодно, когда он произнес:

– Думаю, тебе следовало бы отпустить ее.

Себастьян сказал, как отрезал:

– Я думаю, что нет. И в следующий раз будь любезен постучаться, прежде чем войти.

– Ты воображаешь, что я не понимаю происходящего здесь? Тебе не стоит ее трогать, Себастьян, да ты и сам это понимаешь. И целовать ее тоже не стоит. Я предлагаю тебе оставить Девон в покое, пока она не утратила... – Тут Джастин бросил взгляд на лицо Девон, и его словно бы озарило. – Милостивый Боже, как я понимаю, уже поздно, не так ли?

Девон сделалась пунцовой, ее обдало жаром с головы до ног.

– Джастин, все хорошо, – только и сказала она слабым голосом.

– Нет, Девон, совсем не хорошо.

Девон зачем-то расправила складки на юбке, приоткрыла рот, но так и не произнесла больше ни слова. Джастин злится на Себастьяна, а не на нее. Что-то отражается у него во взгляде, ей непонятное. Жалость?

Теперь он смотрел прямо на нее.

– Этого не может произойти, Девон. Не может.

У Девон стиснуло горло. Захотелось зажать руками уши и

не слышать ничего более.

– Джастин...

– Я вовсе не намерен причинить вам боль. Я только пытаюсь уберечь вас от ошибки. Проклятие, дозволено ли мне сказать вам то, что я должен сказать? Он не женится на вас.

Слова его нанесли Девон удар в самое сердце.

– Он на вас не женится, – повторил Джастин, словно одного раза было недостаточно. – Он никогда не пойдет на скандал. – Многозначительная пауза, затем: – Он женится на ком-нибудь вроде Пенелопы Хардинг.

Девон стало больно дышать. Рука Себастьяна соскользнула с ее талии. Девон будто приросла к полу, чувствуя себя такой одинокой, как никогда в жизни. Она поднесла ладонь к губам, еще припухшим от поцелуев Себастьяна.

– Девон, – проговорил Джастин почти умоляюще. – Вы меня слышите? Он разобьет вам сердце.

Ни одна сила на земле не могла бы остановить ее сейчас. Девон подняла глаза на Себастьяна. Увидела окаменевшее лицо, четко обозначившиеся жесткие прямые складки по обеим сторонам рта.

Он смотрел в сторону.

И Девон поняла.

У нее внутри что-то словно зачихло и умерло. Не потому, что он не может. Потому, что не хочет. Между тем и другим огромное, колоссальное различие.

Не прямога Джастина ранила ее. Это она могла перенести.

Но Джастин ошибся. Себастьян не может разбить ее сердце. Оно уже разбито. Разлетелось на миллионы кусочков, она это ощутила. Если бы он вырвал его у нее из груди, боль не была бы большей, чем теперь.

Со сдавленным криком она кинулась к двери на лестницу.

Себастьян успел схватить ее за руку.

– Девон!

Он последовал бы за ней, если бы его не удержал Джастин.

Он вцепился Себастьяну в локоть.

– Оставь ее одну!

Себастьян резко повернулся и прошипел:

– Убери свои лапы! Тебе недостаточно того, что ты натворил?

Джастин отпустил его, но не отступил. Они стояли друг против друга, почти соприкасаясь.

– Я поступил честно, Себастьян! Но ты не можешь сказать этого о себе.

– Не вмешивайся! – рявкнул Себастьян. – Это не твое дело!

– Я делаю это своим делом. Господи, неужели ты не понимаешь, что сделал ты? Всегда такой правильный. Мой святой братец.

– Святым я никогда не был и не претендовал на такую ипостась. И ты это знаешь, Джастин.

– В таком случае прими мои извинения, – произнес Джастин весьма едким тоном. – Подумать только, что это меня

– меня-то! – величают негодяем.

– Кто ты такой, чтобы поучать меня? – вспыхнул Себастьян.

– Именно. Вот именно! Ты даже убедил меня, что я ошибаюсь насчет вас двоих. Я решил, что у тебя к ней просто доверительное отношение. Думал, что ты слишком благороден, чтобы повести себя неблагородно. Думал, что ты в отличие от прочих людей поступишь правильно и предоставишь ее самой себе.

– Заткнись! – прорычал Себастьян.

– И не подумаю! Ты что, считаешь, будто я не заметил звезд в ее глазах? Она была невинной, не правда ли?

– Это тебя не касается!

Джастин недовольно фыркнул.

– А я-то приехал сюда с целым списком претендентов на ее руку! И что же я нахожу? То, чего мы оба так хотели избежать. Девон в объятиях хозяина дома! Себастьян, она заслуживает настоящего мужчину, который любил бы ее, заботился бы о ней, дал бы ей то, чего она никогда не имела. Или ты намерен оставить ее здесь во имя собственного удовольствия и сделать своей шлюхой?

Себастьян непроизвольно сжал руки в кулаки.

– Она не шлюха!

– Ах, прости, в таком случае своей любовницей. Твоей жене, когда ты согласишься ее выбрать, это, без сомнения, придется по вкусу! – Джастин грубо расхохотался. –

Впрочем, я уверен, ты что-нибудь придумаешь. Планирование всегда было твоей сильной стороной, разве я не прав?

Дыхание со свистом вырывалось из груди Себастьяна. Он прижал руки к бокам. Ему почти неудержимо хотелось врезать кулаком в красивое лицо брата.

– Не будь ты моим братом... – процедил он сквозь стиснутые зубы и сделал шаг вперед – скорее для того, чтобы опомниться, нежели для нападения.

У Джастина глаза так и засверкали.

– Валяй! – бросил он. – Пожалуй, нам не повредит маленькая потасовка.

Они стояли друг против друга, напряжившись, с горящими глазами. Братья ни разу – с детских лет! – не были еще так близки к драке, и оба понимали это.

Себастьян первым нашел в себе силы кончить опасное противостояние.

Сжав губы в ниточку, он подошел к двери.

– Уйди, Джастин, – проговорил он ледяным тоном. – Уйди, пока я не вышвырнул тебя отсюда.

Свернувшись в комочек, Девон лежала на постели. Она не плакала. Впервые в жизни испытывала она столь тяжкое отчаяние. Когда умерла мама, ей казалось, что она утратила половину собственной души. И только в последние недели та неизбывная боль стала менее острой.

Теперешняя боль не могла излиться в слезах, она была за пределами слез, и Девон страшилась, что боль эта останется

с ней навсегда.

Дни, проведенные в Терстоне с Себастьяном... Как же она хотела верить, что так оно будет всю жизнь. Что это не только экстатические восторги страсти. Что их сердца стали едиными так же, как их тела.

Но ведь они не могут спрятаться от окружающего их мира навсегда...

И не смогут спрятаться от реальности.

Больше всего Девон злилась на самое себя. Ведь в глубине души она всегда понимала, что Себастьян не может жениться на ней. С горечью Девон осознала, как много он, по сути, сказал ей в ту ночь, когда она узнала о его планах выдать ее замуж. Что он в точности сказал?

«Если бы обстоятельства были иными... Если бы я был иным».

Нет, она не могла изменить того, что есть. Не могла изменить себя.

И Себастьян тоже не может.

Лучше узнать правду теперь, чем жить глупыми мечтаниями.

В полной, совершенной печали Девон прижалась к подушке.

И тут услышала... щелчок открываемой двери. Откинув волосы с лица, Девон увидела в дверном проеме темную высокую фигуру. В эту же секунду сердце ее почти перестало биться, и Девон ощущала в груди только прерывистые, тупые

толчки. Сознание замутилось. Время остановилось.

Себастьян уже стоял у ее постели. Подсунув под Девон обе ладони, он поднял ее на руки.

Утратив дар речи, Девон смотрела на его строгий профиль, очерченный лунным светом. Она угадала в нем целенаправленную решимость, почти яростную.

Он крепче прижал ее к себе и ускорил шаги. Без единого слова, без единого звука он отнес ее вниз, в свою комнату. Не успела Девон свободно вздохнуть, как он снова заключил ее в объятия, такие тесные, что Девон чувствовала биение его сердца – как раз в том месте, на которое легла ее ладонь.

Внезапный приступ острой душевной боли пронизал ее. Она лежит в его постели, подумала Девон, в которой он будет лежать со своей женой. В доме, где потом родятся его дети, родятся на этой самой кровати... Это невыносимо, совершенно невыносимо...

– Зачем ты это делаешь? – вскричала она, не заботясь о том, что в голосе ее звучат слезы.

С беспощадной ясностью вспомнила она, как во время званого обеда в лондонском доме Себастьяна его брат сказал ей, что Себастьян женится только на добропорядочной девушке безупречного происхождения.

Голубой крови.

Девон знала почему – из-за скандала, происшедшего по вине его матери. Он не сделает выбора, из-за которого ему самому может угрожать такой же скандал, с горечью подума-

ла Девон. И на ней, девушке сомнительного происхождения, Себастьян не женится никогда.

Как глупо и нелепо, что ей страстно хочется прошептать ему, что она любит его так же сильно, как и он ее, что она жаждет услышать от него предложение выйти за него замуж. Что ее происхождение из Сент-Джайлза ничего не значит, так же как и его пресловутое чувство долга.

– Отпусти меня! – вскричала она.

Полный душевной муки стон вырвался у Себастьяна вместе со словами:

– Я не могу! Неужели ты не понимаешь, что я не могу тебя оставить? Не могу отпустить!

В неистовом нетерпении он сорвал с нее всю одежду – и с себя тоже. Он ласкал ее тоже неистово, и Девон отвечала на эти ласки с такой же страстью, пока он вдруг не вскрикнул:

– Перестань! Я больше не могу!

Но это означало лишь то, что он даже не вошел, а ворвался в нее, а потом, прервав на считанные секунды серию частых и сильных ударов, посмотрел Девон в глаза и почти прорыдал:

– Ты моя! Моя!

Они отдались друг другу дважды, и после этого Себастьян лежал, изнеможенный, рядом с Девон, прикрыв глаза рукой. Усталая и дрожащая, Девон уткнулась лицом в подушку. Неожиданно для нее самой из уголка глаза скатилась на подушку единственная слезинка.

До этого Девон пыталась угадать, что ждет ее в будущем... теперь она вдруг поняла.

«Не могу отпустить».

Джастин был прав. Себастьян на ней не женится. Он сделает ее своей любовницей.

Но она не будет ни его любовницей, ни чьей-либо еще.

Если она останется с ним, то тем самым превратится в шлюху, а она дала обет не быть ею ни в коем случае. Она не предаст свою мать таким путем. Она не предаст таким путем себя самое.

Едва Девон узнала, что она незаконнорожденная, ей стал ненавистен тот, кто был ее отцом. Девон никогда не могла понять, как это ее мама, брошенная мужчиной, который причинил ей тем самым безмерное зло, продолжала его любить. Не понимала она и того, почему в материнских глазах застыла вечная печаль.

Теперь она поняла и то и другое.

Ей уготована, с болью призналась она себе, в своем роде та же дорога, что и ее матери. Как это ни горько, приходится смотреть правде в глаза.

Она полюбила Себастьяна и будет любить его всегда. Но Себастьян принадлежит другому миру, для нее недостижимому. Но в отличие от своей матери она, Девон, не впадет в отчаяние и не проведет всю жизнь в сожалениях о прошлом, мечтая о том, чего не может быть.

Она сильнее этого.

Как ни труден выбор, она знает, как ей следует поступить.
Вернувшись в Лондон, они должны расстаться.

Глава 24

Как только Девон уснула, Себастьян встал с постели и надел халат. Он осторожно взял Девон на руки и отнес в ее постель. Ему надо было подумать, а он не мог думать, когда она лежала с ним рядом.

Она пошевелилась, когда он укрывал ее стеганым одеялом. Затаив дыхание, он постоял и подождал, пока она притихнет. Низко нагнулся, коснулся ее губ легким, словно дуновение, поцелуем и провел пальцем по ее щеке и подбородку.

Еле слышный вздох сорвался с ее губ.

Невероятная тяжесть сдавливала Себастьяну грудь, казалось, даже вытесняя весь воздух из легких. Он это сделал. И он в ответе за тени под ее глазами, за боль у нее в душе.

Господи, он хотел бы сейчас горы сокрушить ради нее одним ударом, но вместо этого только вздохнул и выпрямился. Уйти от нее было ему труднее всего на свете.

Себастьян даже не заметил, как дошел до того дерева, возле которого видел в последний раз свою мать много лет назад.

Как ни странно, но его преследовал вовсе не образ матери. Он стоял, крепко смежив веки, и видел перед собою Девон в золотом ореоле шелковистых густых волос. Девон, маленькая и хрупкая, смотрела на него с озорной улыбкой, и глаза

ее тоже сияли золотистым светом.

Себастьян открыл глаза. На мгновение ему показалось, будто неистовый поток ветра подхватил его, пронес по всему миру и вернул назад.

Ничто не сотрет память о ней. Никакое время не заглушит страсть, которую он питает к ней. К Девон.

Она незабываема.

А то, что он сделал, непростительно.

Он нанес самому себе удар в спину.

Хуже – он нанес удар в спину ей.

Острая ненависть к себе омрачила душу Себастьяна. Он должен был напоминать себе снова и снова, что Девон не может принадлежать ему. Он не должен был даже дотрагиваться до нее, но он овладел ею, и теперь они оба за это расплачиваются.

Положение сложилось... неразрешимое. И невыносимое.

Все упирается в понятие ответственности. И в понятие долга.

Долг.

От этого слова Себастьяну стало тошно, оно стало ему поперек горла, не давало дышать.

Всю жизнь он делал только то, чего ожидали от человека его положения. Предполагалось, что он женится на девушке своего круга, образованной и богатой. Себастьян скривил губы. Как же он был самонадеян! Воображал, что все у него идет по плану. Он произведет на свет наследника, сохранив

таким образом имя семьи и ее состояние. Он убеждал себя, что жизнь его будет полной, такой, какая удовлетворит его.

Но теперь все эти прекрасно обдуманнные планы восстали против того, чего он хочет всем сердцем. Он разрывается между тем, что правильно, и тем, что благопристойно. Между тем, что он хочет сделать, и тем, что делать надо.

Если бы это зависело только от него, он женился бы на Девон немедленно. Не имеет значения, что она бедна. К чертям все это – богатство, влияние, титул, да и его самого туда же. Кто он, в сущности, такой? Просто человек, как и все прочие, не хуже и не лучше.

Но Девон... Она такая женщина, каких больше нет.

В голове у Себастьяна звучали слова Джастина: «Она заслуживает настоящего мужчину, который любил бы ее, заботился о ней – дал бы ей все, чего она никогда не имела».

Но ведь он, Себастьян, заботился о ней. И дал ей то, чего она никогда не имела.

И он полюбил ее. Помоги ему Боже, он ее полюбил.

Но все это не так просто... или он ошибается? Примет ли высшее общество Девон в качестве его супруги? Его перевернуло при одной мысли о том, как бы ее называли в этом самом обществе. Нет ни малейшего сомнения, что Джастин ничуть не беспокоило бы, если бы они с Девон сожительствовали тайно. Джастин циничен, и скорее всего бунт старшего брата против законов света доставил бы ему истинное наслаждение.

С того времени как его мать оставила семью, Себастьян дал себе обет, что в его жизни не будет более ни одного скандала, а на чести семьи – ни одного пятна. Но вдруг это как-то утратило свое значение. Они с Джастином вполне могут выдержать еще одну бурю.

А Девон?

Он вспомнил, как она выглядела накануне, быстро спускаясь с лестницы, полная юной радости, надежды и живости. Она так полагалась на него. Так ему верила.

А он ее предал.

Предал их обоих.

Внезапно его словно озарило. Больше он ее не предаст.

Ни за что.

Решение ударило его в сердце. Пронеслось в крови по всем жилам.

Долг, подумал он опять. Будь он проклят, этот долг! Чего ради он так уж хлопочет о долге? Он готов отдать все: и дом, и богатство, – только бы Девон стала его женой.

Он хотел ее. Хотел, чтобы она была рядом. Завтра. Всегда. И плевать ему, что скажет по этому поводу пресловутый свет. Он должен сделать это во имя Девон – и во имя справедливости.

Во имя собственного счастья.

Близился рассвет, когда Себастьян наконец повалился на постель. Бремени, которое так его тяготило, больше не существовало. Завтра, сказал он себе, смежив веки. Завтра все

переменится.

Себастьян встал позже обычного. Принял ванну, оделся с помощью лакея. Он жаждал как можно скорее повидаться с Девон. Идя по длинному коридору, он миновал комнату Девон. Дверь была открыта, комната пуста, и белье на постели уже успели сменить. Внизу у лестницы ему повезло встретить одну из горничных.

– Эллис, вы не знаете, где я мог бы найти мисс Девон?

Девушка широко раскрыла глаза.

– Кажется, она вышла на прогулку, – ответила она, кивнув в сторону двери.

Себастьян тоже кивнул и направился к выходу, подумав, что, судя по реакции горничной на его вопрос, слугам было о чем посплетничать нынче утром. Но тут уж ничего не попишешь.

Стук его каблуков эхом отдавался от стен прихожей. Лакей в ливрее поспешно распахнул дверь, и Себастьян вышел наружу. Вышел – и тотчас у него вырвалось довольно замысловатое ругательство. Он увидел, что возле дома привратника остановилась карета. Святой Георгий Победоносец, если это снова Джастин...

Но это был вовсе не Джастин.

Черная лакированная карета, отделанная красным и золотым, принадлежала вдовствующей герцогине Каррингтон. У герцогини было имение поблизости, и случалось, что она на-

вешала Себастьяна, когда он приезжал к себе в резиденцию.

Нельзя сказать, чтобы Себастьян особенно обрадовался визиту. Черт побери, почему его не оставят в покое?

Один из выездных лакеев герцогини уже спустился с облучка и стоял наготове, когда дверца кареты распахнулась. Герцогиня вышла из экипажа с помощью слуги. Себастьян постарался скрыть свое неудовольствие и приготовился приветствовать ее.

И в эту минуту он заметил Девон: она стояла возле ступенек крыльца и была явно смущена. Герцогиня, встретившись с Девон взглядом, поманила ее к себе движением трости.

Себастьян затаил дыхание. Девон заговорила, но он не разобрал слов. Далее герцогиня окинула девушку внимательным взглядом и подставила ей свой локоть с тем, чтобы та проводила ее в дом!

Себастьян ждал их, оставаясь на месте. Едва герцогиня вошла в прихожую, он сам закрыл входную дверь и склонился над рукой герцогини.

– Ваша светлость, – проговорил он, – как приятно видеть вас снова.

Я возвращаюсь в Лондон, – объявила старая дама. – Решила по пути заехать к вам, мы, кажется, сто лет не виделись. – Она взглянула на Девон вполне дружелюбно. – Кто эта очаровательная юная леди? Себастьян наклонил голову.

– Ваша светлость, позвольте вам представить мисс Девон Сент-Джеймс. Девон, это вдовствующая герцогиня Карринг-

тон.

Девон сделала реверанс.

– Я очень рада познакомиться с вашей светлостью.

Себастьян преисполнился невероятной гордостью.

Но герцогиня продолжала внимательно разглядывать Девон.

– Сент-Джеймс, – повторила она. – Мне знакома эта фамилия. – Герцогиня взяла в руку свой лорнет. – Смею сказать, что у вас совершенно необычные глаза. Просто сверхъестественно, как они напоминают... – Она не договорила, резко оборвав фразу. Подняла к глазам лорнет и принялась еще пристальнее изучать Девон, отчего та почувствовала себя крайне неловко. – Повернитесь, девочка, – скомандовала герцогиня. – Да-да, вот так. Теперь так...

Взгляд герцогини остановился на шее Девон.

– Это ожерелье, – произнесла она каким-то необычным, странным голосом. – Откуда оно у вас?

Пuls у Девон отчего-то заколотился как бешеный. Она тронула кончиками пальцев ожерелье и высоко подняла голову.

– Ожерелье, – заговорила она со спокойным достоинством, – принадлежало моей матери, она носила его, не снимая. Его подарил ей мой отец еще до моего рождения.

Девон посмотрела на Себастьяна. Быть может, он ждет, что она изменит свою историю? Но она не станет искажать правду. Однако Себастьян ответил ей совершенно спокой-

ным взглядом. Молчание прервала герцогиня.

Пальцы герцогини ухватились за рукав Девон.

– Кто ваша мать, дитя мое? Кем она была?

– Она уже умерла. Ее имя Аме...

Герцогиня подхватила, закончив слово вместо Девон:

– Амелия. Это была Амелия Сент-Джеймс.

Девон оцепенела. Откуда герцогиня могла узнать?..

Старая женщина пошатнулась. Лицо у нее стало белым как мел. Девон поддержала ее под локоть, под другую руку ее взял Себастьян. Они вместе усадили герцогиню в кресло, и Себастьян спросил:

– Вам дурно, ваша светлость?

Герцогиня покачала головой:

– Со мной все хорошо. Это правда, уверяю вас. Только дайте мне немного отдышаться. – Помолчав, она подозвала к себе Девон: – Подойдите ко мне, дитя мое. Подойдите и позвольте мне посмотреть на вас поближе.

Герцогиня протянула руку девушке, и Девон инстинктивно взяла ее в свои ладони, чтобы хоть немного согреть холодные пальцы. Обе они молчали, но Девон почувствовала некоторое облегчение, заметив, что живые краски возвращаются на лицо старой женщины.

– Ваша светлость, – не выдержала и пылко заговорила она. – Вам известно имя мамы. Как могли вы узнать его?

Слабое подобие улыбки появилось на губах у герцогини.

– Мне подсказало его ваше ожерелье, дитя. Когда-то оно

было моим.

Стоя за спиной у Девон, Себастьян с силой втянул в себя воздух.

И больше ни звука. Наконец Девон выговорила чуть слышно:

– Нет. Такого не могло быть.

– Это правда, дитя мое. – Глаза у старой женщины наполнились слезами. – Я отдала ожерелье своему сыну Маркусу. Он умер много лет назад.

Маркус. Сын герцогини. Повеса, о котором Джастин рассказывал Девон во время званого обеда в лондонском доме.

– Незадолго до своей смерти, – продолжала герцогиня, – Маркус сказал мне, что подарил ожерелье женщине, с которой у него была связь. Ох, я так разозлилась тогда! Но теперь я понимаю, что этой женщиной была Амелия... ваша мать.

Не вполне определенное, но настойчивое подозрение возникло в голове Девон, в достоверность его трудно было поверить, но тем не менее она решилась произнести – слабо и неуверенно:

– Вы знали мою маму...

– Да, детка, я ее знала. Она одно лето ухаживала за моими племянницами, о, как давно это было! Должна признаться, что Амелия мне очень нравилась. Что касается Маркуса, как бы вам сказать... его обаяние очень действовало на женщин, однако, хоть это и не слишком деликатное определение, он был просто негодником. Я подозревала, что Амелия питает

к моему сыну нежное чувство. Но до сих пор я не была в этом уверена. Амелия уехала так внезапно. Однажды утром она просто исчезла. Оставила только коротенькую записочку, что вынуждена срочно уехать. Помню, что меня это потрясло. Больше мы о ней ничего и никогда не слышали. Я не могла понять, почему она, можно сказать, сбежала. Не могла вплоть до сегодняшнего дня.

Герцогиня сняла перчатки. Искривленными ревматизмом пальцами погладила Девон по голове, потом взяла за подбородок и посмотрела ей прямо в глаза.

– Вы очень похожи на свою маму, детка. Но ваши глаза, прекрасные золотистые глаза... – Голос у герцогини дрожал, дрожала и ее рука. – Они точь-в-точь такие, как у моего сына.

Девон онемела, голова у нее кружилась. Она еле справи-лась с собой, чтобы выговорить:

– Ваша светлость, неужели вы хотите сказать...

– Да-да, именно хочу сказать, что ты дочь Амелии и моего сына. Дочь моего сына Маркуса. – Герцогиня подалась вперед и взяла руки Девон в свои. – Ты моя внучка, – прошептала она. – А я, о Господь милостивый, я твоя бабушка!

Всхлипнув, Девон обняла старую женщину, и обе они разрыдались.

Глава 25

Итак, они обе заливались бурными, но тем не менее счастливыми слезами, а Себастьян смотрел на них и чувствовал себя чем-то вроде мухи на стене, до которой никому нет дела. Мужчине, который ко всяким рыданиям относится по меньшей мере с неприязнью, даже чужие слезы радости терпеть нелегко. Ему сейчас всю душу, можно сказать, перерачивало. Становилось невыносимо оставаться безучастным наблюдателем.

Случилось нечто поистине невероятное. Себастьян вспомнил тот день в Лондоне, когда Девон заявила ему, что ее отец происходит из семьи более знатной, нежели семья Себастьяна. И нате вам – это оказалось правдой! Девон связана родственными узами с герцогиней!

Чувствуя себя по-прежнему весьма глупо, он постоял еще немного, потом извинился, чего обе женщины, разумеется, не заметили, и пошел поискать кого-нибудь из слуг и распорядиться, чтобы в гостиную подали чай. Постоял у двери, пока не принесли поднос, и только тогда вернулся в гостиную. Слезы, к его вящему удовлетворению, уже высохли. Герцогиня сидела, держа руку Девон в своей. Когда Себастьян вошел, обе посмотрели на него. Себастьян улыбнулся.

– Я позволил себе некоторую смелость и велел подать чай. – Он кивком показал горничной, чтобы она поставила

поднос на столик розового дерева. – Девон, могу я попросить вас разлить его?

Девон принялась за дело. Когда она передавала Себастьяну чашку из тончайшего веджвудского фарфора, пальцы их соприкоснулись, и Девон отдернула свои, словно от ожога, и к тому же отвернулась в сторону. У Себастьяна упало настроение. Проклятие, почему это она на него не смотрит?

– Моя внучка только что рассказала мне, что провела большую часть своей жизни в Сент-Джайлзе, – обратилась к Себастьяну герцогиня со своей обычной прямоотой. – Как вы, разумеется, представляете, этот день стал для меня днем серьезных и важных открытий. Но признаюсь, я несколько смущена тем, что нашла свою внучку именно в вашем доме.

Она перевела взгляд с Себастьяна на Девон, которая сделала резкое движение и открыла рот, намереваясь заговорить, но Себастьян предупредительно поднял кисть руки, прежде чем она произнесла хоть слово.

– Я нашел ее, когда она, раненая, лежала на мостовой в Сент-Джайлзе. Я привез ее к себе в дом в Лондоне.

Далее он коротко изложил всю историю событий. Когда он закончил свой рассказ, герцогиня некоторое время посидела в полном молчании и неподвижности.

– Таким образом, вы спасли мою внучку от разбойников, – заговорила она наконец. – И заботились о ней все это время.

По ее тону Себастьян догадался о не высказанном вслух, но вполне для него ясном втором смысле ее слов.

– Ваша светлость, ни единая живая душа в Лондоне не узнала о ее присутствии в моем доме.

– Я верю, что мы и продолжим в том же духе. Вы согласны?

Себастьян наклонил голову:

– Даю вам слово.

– Отлично, – сказала герцогиня и встала с кресла. – Девон, дай, пожалуйста, мою трость.

Девон выполнила просьбу, и герцогиня, не теряя времени даром, обратилась к горничной Эллис, которая пришла в гостиную за подносом:

– Послушайте, молодая женщина. Проследите за тем, чтобы вещи мисс Сент-Джеймс были собраны, уложены и отнесены в мою карету.

– Ваша светлость, – растерянно заговорила Девон, но герцогиня поняла ее с полуслова и объявила:

– Да, дорогая, ты поедешь со мной. – Ошарашенный вид Девон явно развеселил ее. – Как! Неужели ты ожидала, что я, узнав о твоём существовании, возьму да и упорхну, словно ничего особенного не произошло?

– Сказать по правде, я не знала, чего мне ожидать, – призналась Девон. – И... и сейчас не вполне понимаю.

Я не оспариваю ваше суждение, отнюдь нет, ваша светлость...

– Бабушка, – мягко поправила ее герцогиня.

– Бабушка, – слегка запнувшись, повторила Девон, потом

на секунду прикусила нижнюю губу и спросила: – Могу я говорить прямо?

У герцогини глаза так и засверкали.

– Дорогая моя, ты очень скоро узнаешь, что я никогда не говорю иначе.

– Кем бы ни был мой отец, но факт остается фактом: я незаконнорожденная. И, принимая во внимание ваше положение в обществе...

Герцогиня тряхнула головой:

– Ни слова больше, моя дорогая, ни единого словечка, потому что теперь моя очередь говорить прямо. Конечно, пойдут толки. Волнует ли меня это? Нисколько. Я не имею намерения скрывать, кто ты такая. Я приму тебя как свою внучку, и если общество предпочтет повернуться ко мне спиной, ему же будет хуже. Потеряет общество, а не я. Я слишком стара, чтобы обращать внимание на то, кто что думает!

Девон, немного подумав, сказала:

– Есть и еще одно, о чем вам следовало бы знать.

– Так скажи мне.

– Моя мать любила вашего сына до самой своей смерти, – заговорила Девон, и по голосу ее было ясно, насколько мучительно дается ей это признание. – Но я всегда ненавидела его за то, что он соблазнил и бросил ее. Я... мне показалось, что я обязана сказать вам об этом.

К удивлению Девон, на лице герцогини появилось выражение боли.

– Я могу это понять, детка. Мне лучше всех известно, каким негодяем был Маркус. Я глубоко сожалею о том, что случилось с твоей матерью, потому что она мне очень нравилась. И тем не менее ты тоже должна узнать нечто. Несмотря на все его пороки, я любила Маркуса, как только можно любить своего единственного ребенка. А он был у меня единственным. – Голос у герцогини дрогнул – И ты для меня его частица. Моя внучка. Дитя мое, я считаю встречу с тобой благословением Божьим и надеюсь, что мы придемся по душе друг другу.

Девон пожалла дрожащие пальцы протянутой ей руки и прошептала:

– Я тоже на это надеюсь.

– В таком случае в путь, дитя мое. – Герцогиня, снова бодрая и оживленная, встала с кресла. – Себастьян, вы проводите нас?

Себастьян «встал и выпрямился во весь свой рост. Сейчас он чувствовал себя отверженным, и чувство это было сильно до физической боли.

– Ваша светлость, – начал он.

Она не дала ему договорить:

– Я у вас в неоплатном долгу, Себастьян. Но теперь, когда я узнала о существовании моей внучки, я принимаю ответственность за нее на себя. Я вполне в состоянии обеспечить ей тепло и защиту.

– Я не сомневаюсь в этом, ваша светлость. – Себастьян

говорил любезным тоном, но глаза его пылали возмущением. – Однако, если вы позволите...

– Дорога до Лондона достаточно долгая для такой старой женщины, как я. Я предпочла бы попасть домой еще до полуночи. Всего доброго, Себастьян.

С этими словами привыкшая командовать леди направилась в прихожую.

Дворецкий был на месте, собираясь проводить знатную гостью. Когда герцогиня проходила мимо него, он отвесил глубокий поклон.

Себастьян крепко стиснул челюсти, чтобы не выругаться. Напомнил себе со всей возможной строгостью, что имеет дело не с кем-нибудь, а с самой вдовствующей герцогиней Каррингтон. Девон проследовала за своей бабушкой к двери.

– Девон, – негромко окликнул он.

Девон распрямила плечи. Себастьян понял, что она его слышала. И тем не менее продолжала следовать за герцогиней.

Он нагнал ее двумя большими шагами и взял за локоть.

– Отпустите меня, – бросила она и ускорила шаги. Он не послушался и развернул ее лицом к себе.

– Девон, пожалуйста, посмотрите на меня.

Она и не подумала выполнить его просьбу. Смотрела куда угодно – на его галстук, на зеркало в раме позади него, но не на его лицо.

Он разжал пальцы. Едва Девон высвободилась, она пря-

мо-таки скакнула вперед, словно заяц, спасающийся от капкана.

Для Себастьяна все обернулось скверно. Вообще все скверно обернулось. У него не осталось возможности рассказать ей о чувствах, пережитых им ночью, о своем решении. Ничего у него не осталось.

Руки у него оказались связанными. Герцогиня увозила Девон в Лондон. Увозила от него.

И с этим он ничего не мог поделать.

Себастьяну понадобилось совсем немного времени, чтобы выбрать линию поведения. Менее чем через час его карета катила по дороге следом за каретой герцогини. Покидая Терстон-Холл, он намеревался расположиться на пороге дома герцогини, невзирая на поздний час. Но за достаточно долгое время, проведенное в дороге к Лондону, Себастьян вернул себе способность рассуждать трезво. Чувства его упорядочились, хотя намерения остались прежними.

На следующий день ровно в три часа дня он пересек Гросвенор-сквер и подошел к особняку герцогини. Два резких удара медным молотком – и двери дома широко распахнулись.

Дворецкий герцогини Реджиналд, высокий тонкогубый мужчина с безупречной выправкой, устремил на Себастьяна спокойный взгляд. Себастьян вручил ему визитную карточку и сказал:

– Я хотел бы повидать мисс Сент-Джеймс.

Дворецкий, не моргнув глазом, предложил самым корректным тоном:

– Прошу вас сюда, милорд.

Он проводил Себастьяна в просторную гостиную и жестом предложил визитеру сесть в кресло, но Себастьян остался на ногах и принялся расхаживать по комнате. Он мог бы делать это с закрытыми глазами, так как бывал здесь частенько и досконально помнил расстановку мебели. Никто пока не появлялся, и Себастьян взглянул на карманные часы. Четверть четвертого.

Какого дьявола? Может, о нем забыли? В нетерпении он повернулся к двери с намерением напомнить дворецкому о его обязанностях...

Стук трости об пол насторожил его.

– Добрый день, – приветствовала его герцогиня.

Себастьян отвесил изысканнейший поклон, хотя, если сказать по правде, ему хотелось рывкнуть на старую даму. Он, понятно, этого себе не позволил и произнес:

– Ваша светлость, мне очень приятно видеть вас снова, но боюсь, что Реджиалд меня не понял. Я просил дать мне возможность повидаться с вашей внучкой.

– Ни о каком непонимании не может быть речи, – невозмутимо ответила герцогиня. – Девон сейчас отдыхает.

– Тогда будьте столь любезны и попросите горничную разбудить ее, так как мне нужно ее повидать. А я пока подожду, с вашего разрешения.

Он опустил в ближайшее кресло и непринужденно закинул ногу на ногу.

Когда он поднял глаза, герцогиня стояла перед ним. Не женщина, а огнедышащий дракон, каковых ему, правда, видеть ранее не доводилось.

– Это мой дом, Себастьян. И должна заметить, что мне не нравится ваша поза.

– Тогда вы, быть может, покинете комнату. Право, я предпочел бы, чтобы вы так и поступили.

– Молодой человек, я могла бы... – Герцогиня не договорила и обожгла Себастьяна пылающим взглядом.

– Да? – спросил Себастьян, подняв брови.

Этот короткий вопрос прозвучал вполне вежливо, но Себастьян уже приготовился к сражению. Боевые порядки определились и с одной, и с другой стороны. Он не спал всю ночь, был измучен ожиданием и теперь находился не в лучшем расположении духа, нимало не обеспокоенный тем, что проявляет свое дурное настроение в присутствии высокопоставленной особы.

– Я испытываю сильнейший соблазн приказать Реджиналду вышвырнуть вас вон.

Брови Себастьяна были по-прежнему высоко подняты.

– Вам это не удастся, – возразил он. – Реджиналд не сможет меня вышвырнуть.

– Удалось бы, – отрезала она. – И если бы не то обстоятельство, что я всегда любила вас...

– А я вас, – перебил ее Себастьян с улыбкой. – И мне представляется, что мы оба вправе высказать свои суждения.

– Само собой разумеется.

Старая дама произнесла эти миролюбивые слова отнюдь не миролюбивым тоном и к тому же пристукнула тростью об пол возле своих элегантно обутых ног.

Себастьяна это ничуть не испугало.

– Ваша светлость, – начал он, – вы женщина опасная.

– Рада, что вы это признаете.

– Я не имею желаний сделать вас своим врагом. Однако я вынужден уведомить вас, что я не ничтожный мальчишка, который позволит выставить себя на улицу только потому, что вам этого хочется. Я хочу видеть Девон. Наедине, – произнес он с нажимом последнее слово.

Герцогиня и не думала отступить.

– А я должна осведомиться у вас о причине вашего визита.

Себастьян встал с кресла.

– Ваша светлость, это личное дело, моей Девон. Она взрослая женщина, и я полагаю, что выбор в данном случае принадлежит ей, а не вам.

– Вы правы, – согласилась она. – Но сначала позвольте мне кое-что вам сказать. Девон рассказала мне прошедшей ночью, как вы заботились о ее образовании, рассказала, что это вы научили ее читать и писать. Но я горжусь своей ясной головой, особенно если учесть мой возраст. Я вовсе не выжившая из ума старая идиотка.

Себастьян был не в настроении выслушивать поучения.

– Ваша светлость, я слишком уважаю вас, чтобы мне в голову пришло нечто подобное.

Он призывал себя к спокойствию, которого, к сожалению, не чувствовал.

– И я тоже всегда уважала вас, мой мальчик. Но я не слепая, – заявила ее светлость. – Я заметила, как вы смотрите на Девон, как фамильярно разговариваете с ней и прикасаетесь к ней. Я заметила, что она не хочет смотреть вам в глаза, что она против вашего нежелания отпустить ее со мной. Я не из тех, кто любит совать нос в чужие дела...

– Так не делайте этого, – перебил ее Себастьян.

– Выслушайте меня, Себастьян, и выслушайте внимательно. Я бесконечно признательна вам за то, что вы спасли Девон. Но я не могу одобрить того, что вы поселили ее у себя в доме при обстоятельствах, которые, безусловно, могут назвать компрометирующими. И, судя по моим – пусть и весьма кратким! – наблюдениям за вами обоими, я вправе прийти к определенным умозаключениям. Она старалась это скрыть, но когда она прошлой ночью говорила о вас, на глазах у нее были слезы. А то, что причиняет страдания моей внучке, причиняет страдания и мне. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Себастьян окончательно утратил власть над собой.

– Совершенно, – произнес он мрачно. – А теперь ответьте, могу ли я повидать Девон, или мне придется перевернуть

весь дом вверх ногами, чтобы отыскать ее?

Девон присоединилась к бабушке за завтраком, но часам к двенадцати почувствовала ужасную головную боль. Все произошло так быстро. Разум ее был в полном смятении. Она очень обрадовалась, когда бабушка предложила ей подремать. По правде говоря, охотнее всего она провела бы весь день в полном одиночестве, но герцогиня попросила ее спуститься в половине четвертого и выпить чаю вместе с ней.

Она совершенно бесшумно прошла по широкому и длинному крытому переходу, который вел к гостиной. Внезапно до нее донеслись разгневанные голоса. Один из них принадлежал герцогине. Вторым был голос Себастьяна.

Девон вовсе не собиралась подслушивать, но одна из дверей, ведущих в гостиную, была приоткрыта, и никакие силы небесные не удержали бы Девон от того, чтобы украдкой подойти к этой двери.

Они стояли друг против друга, маркиз и герцогиня. При иных обстоятельствах Девон стало бы невероятно смешно. Ее бабушка, чья увенчанная снежно-белыми волосами голова едва возвышалась до середины груди Себастьяна, казалось, готова была задушить его голыми руками. У Себастьяна вид был не менее разъяренный.

В эту минуту он произнес тем повелительным тоном, который был так хорошо знаком Девон:

– А теперь ответьте, могу ли я повидать Девон, или мне

придется перевернуть весь дом вверх ногами, чтобы отыскать ее?

Девон переступила порог и вошла в гостиную.

– В этом нет необходимости, – спокойно сказала она. – Я уже здесь.

На нее уставились две пары глаз. Герцогиня бросилась к ней.

– Дорогая моя, – прокудахтала она, – тебе нет нужды встречаться с ним, если ты не хочешь.

Девон еле приметно улыбнулась и пожала плечами.

– Все в порядке, – проговорила она. Герцогиня вышла из комнаты, но не прежде чем пронзила Себастьяна поистине кинжальным взглядом.

Они остались наедине. Девон медленно подняла глаза на Себастьяна. Он был, как всегда, безупречно одет: светло-коричневые штаны в обтяжку и отлично сшитый черный сюртук. У Девон екнуло сердце.

– Как ты чувствуешь себя? – спросил он мягко и с нежной улыбкой, которая вызвала у Девон острую душевную боль.

– Отлично, – ответила она холодно. – Если ты подумал иначе, то с какой стати?

– Без всякой причины, – пробормотал он и, сделав жест в сторону дивана, спросил: – Мы можем присесть?

– Конечно.

Девон уселась в самом конце обширного дивана и сделала ошибку, потому что Себастьян опустился в стоящее рядом с

диваном кресло, и в результате колени их почти соприкасались. Предательский жар охватил Девон. Она боролась с собой как могла, но ей не удалось сдержать внутреннюю дрожь, тем более что Себастьян, слегка наклонившись к ней, взял ее руки в свои.

– Девон, – проговорил он хрипло, – я пришел сюда, чтобы задать тебе один вопрос.

– Какой вопрос? – машинально сказала она, чувствуя всю нелепость положения: она сидит рядом с Себастьяном – с Себастьяном! – словно с чужим, незнакомым человеком.

Пугающая пауза, а потом слова, прозвучавшие негромко и тепло:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Сердце у Девон слабо стукнуло, потом вдруг забилось быстро-быстро. В ушах стоял шум от прихлынувшей крови. Она наверняка теряет разум. Нет, промелькнуло в голове, этого не может быть. Себастьян... просит ее выйти за него замуж?

Боже. О Боже!

Два дня назад она не задумываясь бросилась бы ему в объятия, проливая слезы невероятной радости. Но его предложение... это, сегодняшнее, предложение, оно опоздало.

– Нет, – только и сказала она.

Выражение недоверия на его лице Девон восприняла как награду. Себастьян не представляет, что творится у нее в душе.

– Прошу прощения?

Нет нужды притворяться. Девон отняла у него свои руки и сложила на коленях. Затем проговорила четко и раздельно:

– Я сказала «нет». Я не выйду за тебя замуж.

Лицо у Себастьяна застыло. Он был потрясен.

Но к тому же он был и разгневан. Стиснув челюсти, он встал и выпрямился во весь рост, возвышаясь над ней.

– Ты не можешь отказать мне.

– Мне кажется, я только что это сделала. – Девон прямо и открыто посмотрела ему в глаза. – Ты не понимаешь? Да, где уж вам понять, – переходя на вы, заговорила она. – Нет, разумеется, мой благородный лорд, вы ожидали, что я упаду перед вами на колени и рассыплюсь в благодарностях за то, что вы сообразовали попросить моей руки, взять в жены такое ничтожество. Но мне, право, любопытно, затащили бы вы меня в постель, если бы я была настоящей леди? Если бы Пенелопа Хардинг стала вашей невестой, сделали бы вы с ней то же самое до вступления в законный брак?

Лицо у Себастьяна густо побагровело. Он сделал отстраняющий жест рукой и сказал:

– Это не имеет значения. Я никогда не питал к Пенелопе такого рода чувства.

– Это имеет значение! – прошипела Девон и вскочила. – Для меня это очень много значит! Это ведь простой вопрос, послушайте. Вели бы вы себя... ох, как бы это выразить? Скажем, делали бы вы авансы вашей будущей нареченной?

Любой женщине, которую предназначили бы себе в жены? Целовали бы ее, предположим? Возможно, однако не более того. Поймите, ведь я знаю вас... Вы дожидались бы брачной ночи, чтобы сделать ее своей.

– Не преуменьшайте того, что между нами было, – неожиданно для Девон заговорил Себастьян и посмотрел ей в глаза. – Того, что у нас есть. Вы говорите так, словно я использовал вас ради собственного удовольствия!

– Возможно, так оно и было! – выпалила она. – Возможно, я была женщиной для развлечения и удовлетворения ваших потребностей.

– Я не развлекался с вами! – гневно возразил Себастьян. – Господи, Девон, мне просто хочется хорошенько отшлепать вас! вспомните, вы ведь хотели меня так же, как я хотел вас!

Настал черед Девон краснеть.

– Хотела, – призналась она. – Я ругаю себя за то, что позволила вам вольности в обращении, которые допустимы только с мужем.

– Черт побери, так я этого и хочу. Быть вашим мужем!

– Я помню, когда в Терстон-Холле был Джастин, вы свои чувства выразили с предельной ясностью. Вы не прочь были спать со мной, но вы никогда бы на мне не женились.

– Но ведь я и пришел сюда с тем, чтобы исправить свою ошибку. Я заблуждался, Девон. Я был дураком. Я понял это на следующую ночь. О, я знаю, что вы можете мне не поверить, но клянусь, я собирался сделать вам предложение вче-

ра утром. Но тут явилась герцогиня и... И я делаю предложение сейчас. Снова. Выходите за меня замуж, Девон. Выходите за меня замуж.

Слезы потекли у нее по лицу. Девон смахнула их.

– Вы правы, – произнесла она без всякого выражения. – Я вам не верю. И никогда не выйду за вас замуж.

– Девон, послушайте! Я пришел объяснить...

– Объяснить, что вы передумали? Я не нуждаюсь в объяснениях, сэр. Вы лицемер, который прикидывается добродетельной личностью. Но у меня есть свои принципы. У меня есть чувства. Нет сомнения, что вы относились ко мне как к некоему удобству, к женщине, которая будет согревать вам постель, пока не надоест.

Она посмотрела на него, губы у нее дрожали. Когда она заговорила снова, голос ее дрожал от переполнявших ее чувств.

– Вы не хотели меня, Себастьян! Вы меня не хотели. А теперь я не хочу вас. Вы полагали, что я недостаточно хороша для вас. Но теперь вы для меня недостаточно хороши!

Сильные руки легли ей на плечи. Себастьян слегка привлек ее к себе.

– Ты меня любишь, Девон, – уверенно произнес он. – Я это знаю.

– Сэр, вы позволяете себе слишком много! – вскричала Девон.

В глазах его бушевала буря, когда он сказал:

– Да, я позволяю себе слишком много, потому что я тоже знаю тебя, моя маленькая любимая! Ночь, когда я сделал тебя своей, вечно будет пылать в моей душе. Я не забуду, как ты таяла, когда я тебя целовал, как ты дрожала, когда я входил в тебя. Помнишь, что ты сказала? «Я принадлежу тебе» – вот что сказала ты.

Девон вспыхнула:

– А вы, сэры, мне тоже кое-что напомнили. Постойте, как это было сказано? Ах, вот. «К дьяволу будущее, – заявили вы. – К дьяволу долг». А я, милорд маркиз, посылаю к дьяволу вас!

Глава 26

Не оглядываясь по сторонам, Девон поднялась по винтовой лестнице к себе в спальню. Закрыв дверь, она направилась к нише у высокого двустворчатого окна напротив своей кровати и опустилась на небольшой диванчик, установленный там. Взяла в руки обшитую оборкой розовую подушечку и долго смотрела, как предвечерние тени накрывают город.

В дверь постучали.

– Можно к тебе, дорогая?

То была герцогиня. Скрипнула отворяемая дверь, и старая женщина вошла. Совершенно опустошенная, Девон наблюдала за тем, как та, прихрамывая, пересекает комнату.

– Извини за вторжение, детка, но я должна была сама убедиться, что с тобой все в порядке.

– Со мной все в порядке, – тупо отозвалась Девон.

– Да ты, я вижу, дрожишь, – приглядевшись к ней, встревоженно констатировала герцогиня.

Покопавшись в гардеробе, она нашла там шаль и набросила ее на плечи Девон.

– У меня просто сердце разрывается, когда я вижу тебя такой опечаленной, детка. Могу я чем-нибудь помочь?

Девон молча покачала головой. У нее не было желания говорить о Себастьяне с кем бы то ни было и менее всего – со своей бабушкой.

– Дорогая моя, ничего не поделаешь, я все слышала. Несомненно, с тупым безразличием подумала Девон.

Разумеется, она слышала. Весь дом слышал, в этом тоже нет сомнения.

– Разумеется, тебе нет необходимости выходить замуж за Себастьяна, если ты этого не хочешь. Ты вообще можешь не выходить замуж.

Пальцы Девон машинально скручивали и раскручивали кисти шали.

– Правда? – прошептала она.

– Конечно, детка, если в этом состоит твое желание. Ты можешь назвать это эгоизмом, но я была бы рада владеть тобой только для себя, – с улыбкой заверила ее герцогиня.

– Благодарю вас за это... бабушка.

На этот раз Девон с неожиданной для себя легкостью произнесла непривычное для нее до сих пор слово.

– Когда я была юной девушкой, в брак обычно вступали по расчету. К счастью, мы с твоим дедушкой прожили совместную жизнь в добрых отношениях. Но времена изменились, и теперь все чаще слышишь о браках, в которые вступают не по соглашению, а по любви. И это хорошо. Брак по любви... я от души желаю именно такого замужества каждой молодой женщине. Но я вижу, что сейчас тебе хочется побыть одной, моя девочка.

Опираясь на свою трость, герцогиня повернулась к двери. Но Девон в эту минуту как раз не хотелось оставаться в

одинокости.

– Бабушка, подождите! – воскликнула она, и герцогиня снова повернулась к ней лицом, на котором был написан немой вопрос. – Оставайтесь, прошу вас, – настоятельно проговорила Девон. – Пожалуйста.

Невыносимая боль сдавила ей грудь, опущенные плечи задрожали от рыданий.

В следующую минуту герцогиня опустилась рядом с ней на диванчик и привлекла Девон к себе. Обе они почувствовали одно: близость, на которую не могли повлиять даже годы, прожитые врозь.

– Поплачь, милая, если тебе это нужно, – проговорила старая женщина.

Девон уткнулась лицом ей в плечо.

– Бабушка, – начала она и запнулась. – Он... я...

Больше она ничего не могла выговорить, да в этом и не было нужды. С трудом сдерживая слезы, герцогиня ласково похлопала Девон по плечу.

– Я понимаю, дорогая. Все понимаю.

И герцогиня действительно все поняла.

Выпитая Себастьяном бутылка бренди не помогла ему избавиться от чувства вины и душевной боли. Отвращение к себе терзало его, словно кипящее масло. Склонившись над письменным столом, он барабанил пальцами по лбу, словно бы стараясь выбить из головы воспоминания.

Он опомнился, когда маленькое теплое тельце потерлось

о его колени, а холодный влажный нос уткнулся в ладонь.

Затуманенные глаза Себастьяна обратились на мохнатое существо. Где-то в глубинах сознания он ощутил нечто похожее на удовлетворение от того, что не забыл взять с собой Банни и ее щенят.

– Банни, – пожаловался он, – ее здесь нет.

Псина свесила голову набок и заскулила. Щенки все уже сгрудились возле Себастьяна, трогая лапами его коленки и поскуливая жалобно, все четверо – Генерал, Полковник, Майор и Капитан.

– Она не вернется! – выкрикнул он. – Неужели вы не понимаете, что она не вернется?

Мохнатые комочки примолкли и один за другим уселись полукругом, впериw в Себастьяна глаза, полные такой тоски, что он не выдержал и, спотыкаясь, ринулся к двери.

Он даже не сразу осознал, что находится в библиотеке. Любимой комнате Девон.

«Если бы я жила здесь, – эхом отозвалось у него в голове, – я поставила бы себе целью прочитать все книги в этой комнате».

Но она здесь не живет. И никогда не будет жить. И мысль об этом для него все равно что удар в сердце.

На Себастьяна вдруг напал приступ бешенства. Вытянув руку, он широко размахнулся и... вазы с грохотом полетели на пол, книги посыпались с полок.

Дверь распахнулась. На пороге возник дворецкий Стоукс,

за его спиной сгрудились горничные.

– Милорд...

– Вон отсюда! – проревел Себастьян. – Убирайтесь прочь все до одного!

Слуги начали отступать, зато появился Джастин, который, видимо, только что вернулся домой.

– Себастьян! – проговорил он резко и возмущенно. – Проклятие, какого дьявола...

Он недоговорил. Себастьян вздернул голову и, уставившись на брата горящими глазами, прорычал сквозь стиснутые зубы:

– Если ты явился позлорадствовать, то не трудись!

Джастин молча смотрел на него в ошеломлении.

Себастьян зажмурился.

– Господи, – пробормотал он. – Извини. Я не должен был это говорить.

Джастин закрыл дверь и внимательно присмотрелся к брату.

– Ты напился! – произнес он изумленно и одновременно недоверчиво.

– Вот как? А я и не заметил.

– Себастьян, что за чертовщина с тобой происходит? С утра ты был в таком мерзком настроении, что я предпочел оставить тебя в одиночестве. Возвращаюсь домой и нахожу слуг в таком виде, словно ты их всех отколошматил, а библиотеку ты превратил в развалины.

– Это еще не все.

– Как, есть и еще что-то?

– Есть. Я наорал на Банни и щенков.

– Замечательно!

Себастьян поплелся к боковому столику за другой бутылкой бренди.

Джастин перехватил ее, прежде чем тот до нее дотянулся. Толкнул Себастьяна в кресло.

– Хватит с тебя на сегодня, – нетерпеливо заявил он. – Рассказывай, в чем дело.

Себастьян безвольно распластался в кресле.

– Она сюда не вернется. Никогда, – выговорил он придуроченным голосом.

Джастин перевел дух.

– Но она у своей бабушки...

– Ты не понимаешь. Она больше не вернется сюда.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что она меня ненавидит, черт побери!

Не-на-ви-дит! Меня!

Джастин покачал головой:

– Этого не может быть.

– Поверь мне, это правда, – с горечью произнес Себастьян.

Джастин побелел.

– Господи, это моя вина!

– Нет, моя, Джастин. Ты был прав. Я хотел ее с самого первого дня. Я просто пылал. Ох, как я боролся с собой! Твер-

дил себе, что должен сдерживать свое желание. А потом мы уехали в Терстон-Холл...

– А я притаился со своим дурацким, безрассудным проектом выдать ее замуж!

Не вини себя. Прошу, не надо! Я тоже пришел к выводу, что это удачная мысль. Думал, что это единственный способ уберечь ее от моих рук. А в тот вечер с Эвансом, Мейсоном и Уэстфилдом она случайно услышала наш с тобой разговор и узнала о нашем плане.

– Проклятие!

– Она плакала, Джастин. Плакала навзрыд. И я не устоял. Мне надо было оставить ее одну, но я этого не сделал. Убедил себя, что хочу помочь ей, унять ее боль. – В голосе у Себастьяна зазвучало отвращение к себе. – Я повел себя как эгоист. Я хотел ее и... и овладел ею. А тут еще ты вернулся и увидел нас... Вспомни, как она смотрела на меня. Сухими глазами. Недвижимая. Господи, я в жизни не видел, чтобы кто-то выглядел так, как она в ту минуту. Словно вся душа у нее в синяках. И это сделал я. По моей и ничьей более вине появилось у нее на лице такое выражение.

Джастин опустил глаза на свои руки. Казалось, он даже осунулся.

– Нет! – вскрикнул Себастьян. – Это не твоя вина. Пойми же, ты был прав. Я только и думал, что о долге и обязанностях, и теперь мне это смешно. Моя нерешительность безмерно дорого обошлась мне. Я неимоверно стремился избе-

жать скандала и не замечал того, что у меня перед глазами...

Теперь Джастин не отводил взгляда от лица брата. Потом произнес мягко:

– Ты ее любишь?

Себастьян кивнул и скривил губы:

– Я хотел все поправить. Я пошел к ней и попросил выйти за меня замуж. – Воцарилось долгое и тяжелое молчание, потом Себастьян заговорил снова: – Она мне отказала. Пропливая потоки слез, она отказала мне! Не один раз, но трижды. Трижды...

– Она была в смятении, Себастьян. А вся эта история с герцогиней... даю слово, брат, что я почти не могу этому поверить.

– Я понимаю тебя. Понимаю, – с нажимом повторил Себастьян. – По правде говоря, я не виню ее. Я и сам не могу оправдать свое поведение, что уж говорить о Девон! Но из-за собственной самонадеянности я никак не предполагал, что она мне откажет.

Мало-помалу силы его истощались, и Себастьян начал дрожать. Если бы он не сидел в кресле, а стоял на ногах, то скорее всего свалился бы на пол.

– Я лишил ее невинности, – с горечью твердил он полусшепотом. – Я лишил ее надежды. Я похитил ее гордость. Я думал только о себе, о своем долге и о своих обязанностях... и в результате принес Девон в жертву. Я отобрал у нее все, Джастин. Я ограбил ее и никогда не прощу себе этого. И Де-

вон никогда не простит меня. Никогда.

– И что далее? Ты собираешься так это и оставить?

Губы Себастьяна снова горько искривились.

– Ты считаешь, что я еще недостаточно причинил ей зла?

– Она любит тебя, Себастьян. Я понял это тогда, в Терстон-Холле.

– Я тоже так думал. Но теперь я уже не столь уверен. Если бы ты видел огонь в ее глазах, Джастин! Она так смотрела на меня... Она меня презирает!

– Не могу этому поверить, – твердо возразил Джастин. – Скорее, это я был слеп. Считал, что защищаю ее, и ты тоже. Но ты и Девон, без сомнения, созданы друг для друга. – В его полуулыбке появился обычный для Джастина оттенок самоиронии. – Бог мой, этого почти достаточно, чтобы вселить в такого скептика, как я, веру в любовь.

Себастьян не сказал на это ничего и молча, не мигая, смотрел куда-то в темный угол. Джастин опустил руку брату на плечо.

– Ты изменишь свое суждение.

– Не изменю! – выкрикнул Себастьян. – Ты не видел ее, Джастин!

Джастин поджал губы и некоторое время о чем-то размышлял. Потом подался вперед и со всей силы ударил брата костяшками пальцев в лоб.

Себастьян в бешенстве вскочил и уставился на брата.

Джастин занял боевую позицию, распрямив плечи, и сно-

ва вытянул руку. Но Себастьян перехватил его руку, прежде чем Джастин успел стукнуть его в лоб еще раз.

– Черт тебя возьми, ты что, драку затеваешь?

– Ничего подобного, – вполне дружелюбно ответил Джастин. – Кстати, я полагаю, что в теперешнем твоём состоянии ты бы проиграл.

– Тогда с какой стати ты позволяешь себе подобные выходы?

Джастин смотрел на него все так же мирно.

– Ты ведь по-прежнему мой брат?

– Что за идиотский вопрос?

Джастин поднял брови:

– Я, видишь ли, подумал, что это нуждается в подтверждении.

– Что?!

Приложив ладонь ко лбу, Джастин изобразил невероятную сосредоточенность.

– Прости, если память мне изменяет, – заговорил он наконец, – но когда наш отец скончался, кажется, выяснилось, что финансовое положение семьи находится в ужасающе скверном состоянии, не так ли?

– Надо признать, что провалами в памяти ты пока не страдаешь, Джастин.

– И ты тот самый человек, благодаря практическим и разумным усилиям которого было спасено семейное состояние, человек, благодаря которому была решена и другая, не

менее сложная задача: нас, то есть тебя, меня и нашу сестру Джулиан ну, стали принимать в обществе без поганеньких усмешек, перешептывания и выразительного переглядывания, не так ли?

Себастьян кивнул и спросил:

– К чему ты это?

– А вот к чему. Мой брат решил бы задачу, как вернуть в свой дом любимую, с такой же решимостью и стойкостью. Он не позволил бы себе раскиснуть. Не утратил бы надежду.

Себастьян онемел. Станным образом наставление Джастина вышибло хмель у него из головы, как не вышибло бы ничто иное.

Или, вернее, не вышиб бы никто другой.

Буря эмоций захлестнула его, стеснила ему горло. Себастьян всегда любил брата, даже когда тот выводил его из себя своим невероятным распутством, но никогда еще не любил его так сильно, как в эти минуты.

– Джастин, – хрипло проговорил он. – Ах, Боже мой, Джастин!

Джастин застонал:

– Прекрати это, терпеть не могу сантиментов!

– Боюсь, что не смогу. Уверен, что с братом мне исключительно повезло. – Себастьян рассмеялся. – Просто не в силах представить в качестве моего брата кого бы то ни было, кроме тебя.

Джастин, дотянувшись, крепко сжал плечо Себастьяна.

– Я тоже, – просто сказал он.

Глава 27

Каждый день на следующей неделе Себастьян являлся к дверям дома герцогини и вручал Реджиналду свою карточку со словами: «Я хотел бы повидать мисс Сент-Джеймс».

И каждый раз Реджиналд на время исчезал, а потом появлялся с одним и тем же ответом: «Мисс Сент-Джеймс не может принять вас, милорд».

В последний раз даже каменное лицо дворецкого приняло озабоченное выражение.

– Милорд, мисс Сент-Джеймс просит, чтобы вы больше не приходили.

Себастьян немного подумал и вежливо спросил:

– Реджиналд, какими в точности были ее слова? Стоический дворецкий вдруг сделался не столь невозмутимым.

– Милорд, – сказал он, – я не имею привычки употреблять столь...

– Ах вот оно что! Позволю себе предположить, что ее выражения были не слишком вежливыми? – не дал ему договорить Себастьян, который вовсе не хотел ставить Реджиналда в неловкое положение человека, вынужденного повторять не слишком сладкие слова сладчайшей возлюбленной Себастьяна.

– Вы совершенно правы, милорд, – с явным облегчением отвечивал Реджиналд.

– Понимаю, – в задумчивости протянул Себастьян. – Вы могли бы передать мисс Сент-Джеймс несколько слов от меня?

– Разумеется, милорд.

– Передайте ей, что, если она наберется смелости поговорить со мной лично, мне легче будет понять и удовлетворить ее требования.

На следующий день дверь ему отворил не Реджиналд, а сама Девон. В совершенно недвусмысленных выражениях она сообщила Себастьяну, что о нем думает, и завершила свою филиппику словами:

– Больше не появляйтесь. Никогда.

После чего захлопнула дверь у него перед носом.

Всю следующую неделю, понимая, что появляться у двери дома герцогини ему пока не стоит, Себастьян ежедневно отправлял Девон по письму. Все они вернулись нераспечатанными.

Он мрачно размышлял, что бы еще ему предпринять. Похитить ее, что ли, притащить к себе домой с завязанным ртом, усадить перед собой и заставить себя выслушать? Пожалуй, нет, ведь как знать, чем это могло бы кончиться. В то время как он сидел и обдумывал подобный вариант, к нему в кабинет постучался Стоукс.

– Вас желает видеть вдовствующая герцогиня Каррингтон, милорд. Я позволил себе проводить ее в гостиную.

Чудесно, раздраженно подумал Себастьян, видимо, ее

светлость решила прочистить ему мозги. Он кивнул Стоуксу и немедленно проследовал в гостиную. Поприветствовал герцогиню со всей любезностью и опустился в кресло напротив нее.

– Ваша светлость, прошу вас, давайте сразу перейдем к делу. Вы пришли сюда по настоянию Девон...

Герцогиня, удерживая его от дальнейших слов, приподняла ладонь.

– Я здесь ради Девон, но не по ее настоянию, – сказала она.

Себастьян посмотрел на нее с нескрываемым изумлением.

– По правде говоря, она не знает, что я здесь.

– Это уловка, ваша светлость?

– Я бы назвала это стратегией, мальчик мой.

– Ваша светлость?!

– Когда мы с вами разговаривали в прошлый раз, вы неодобрительно отнеслись к моему вмешательству. Проще сказать, потребовали, чтобы я не совала нос в ваши дела. И вы можете снова послать меня к дьяволу, но сначала позвольте задать вам единственный вопрос. Вы любите мою внучку?

Себастьян счел должным ответить честно.

– Мало того, – спокойно проговорил он, – с каждым днем все сильнее.

– Это как раз тот ответ, на который я надеялась.

– Я хочу одного – сделать ее моей женой, – заявил он со всей прямоотой: меньше всего ему теперь нужны такие вещи,

как недопонимание и недомолвки. – С Божьей помощью она станет моей невестой.

Герцогиня рассмеялась – негромким и теплым смехом.

– Я могу счесть это одобрением, ваша светлость? Ведь если помните, это вы предложили мне всерьез заняться поисками невесты. Смею сказать, что тогда ни один из нас двоих не предполагал, что я возьмею намерение повести к алтарю вашу внучку.

Герцогиня усмехнулась:

– И совсем не такого сорта невесту, какую предполагали искать, не так ли?

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Себастьян.

– Должна вам сказать, что сплетники восприняли известие о незаконной дочери моего сына как настоящий подарок, сладчайшее лакомство.

– Да, я это заметил. – Себастьян указал на газету, открытую на полосе, где печаталась колонка светских сплетен, и на помещенный в тексте рисунок, изображающий Девон в коляске рядом со своей бабушкой. – Поразительное сходство, не правда ли?

– Совершенно верно, – согласилась герцогиня. – Некоторые из моих друзей прямо-таки пришли в ужас, узнав, что я приняла Девон. – Уголки ее губ опустились. – Нет нужды говорить, что они мне больше не друзья. Но это, разумеется, не остановило поток приглашений, которые мы получаем каждое утро. – Она взгляделась в лицо Себастьяна. – А что будет

с вами, дорогой мой? В свое время вы немало постарались, чтобы после смерти вашего отца общество приняло вас. Если вы сделаете Девон вашей нареченной, опять поднимется шум, и ваше имя, без сомнения, будет у всех на устах.

Себастьян крепко стиснул челюсти и, секунду помолчав, ответил:

– Мне совершенно безразлично, что скажет по этому поводу высшее общество. Право, это смешно и это последнее, о чем я стал бы думать. – На лице у него появилось выражение боли. – Не хочу, чтобы это было в какой-то мере принято за неуважение, однако я уверен, ваша светлость, что до того, как Девон узнала о своем родстве с вами, она приняла бы мое предложение. Но теперь она знает...

Я понимаю вас, – не дала ему договорить герцогиня, и эти ее слова прозвучали почти ласково, и она слегка улыбнулась. – Извините меня, мой мальчик. Я подслушала ваш разговор нечаянно, ненамеренно. Боюсь, что тут ничего не поделаешь. Если это может послужить утешением, то я искренне сожалею, что мое несвоевременное появление принесло такие ужасные результаты.

– Это вряд ли можно поставить вам в вину. Но позвольте спросить, – произнес он, понизив голос почти до шепота, – она говорит обо мне?

– Она скрывает свои чувства, – призналась герцогиня. – Я не завидую вам, Себастьян. Кажется, на нашу Девон напал упрямый стих. От моего внимания не ускользнуло, что она

не желает видеть вас.

– А также отвечать на мои письма, – мрачно добавил он. – Но если понадобится, я буду ждать хоть всю жизнь.

Последовало недолгое молчание. Потом герцогиня про-
бормотала:

– Возможно, до этого не дойдет.

– Ваша светлость?

Но ее светлость ничего не ответила. Вместо этого она
встала с кресла при помощи трости.

– Не мучьте себя, – проговорила она. – Иногда следует
немного подождать, пока не подвернется счастливый случай.

Себастьян поддержал ее под локоть и проводил до двери.
«Не мучьте себя», – говорит она. Сказать-то легко! У самой
двери герцогиня обернулась.

– Насколько я помню, Кларкстоны – ваши хорошие друзья.
Не сомневаюсь, что вы получили от них приглашение на зван-
ный обед в пятницу на следующей неделе.

Себастьян нахмурился. В голове у него промелькнуло, что
старуха малость повредилась в уме. Какого дьявола она за-
говорила о том, что не имеет ни малейшего отношения к его
тяжким заботам? Да к тому же улыбается во весь рот!

– Получил, – произнес он вслух. – И Джастин тоже. Но
боюсь, я не в настроении разъезжать по светским приемам...

– Жаль! – весело проговорила герцогиня. – А я так с
нетерпением жду этого дня. Подходящий случай для того,
чтобы продемонстрировать новое платье. И для меня, и для

Девон.

И она ему подмигнула. Герцогиня подмигнула! Себастьян все еще тупо стоял в дверях, когда карета герцогини уже укатила.

Настал день званого обеда у Кларкстонов. С этой четой Девон еще раньше познакомила герцогиня на каком-то из обедов. Уильям и Эмили очень понравились Девон, главным образом потому, что были необычайно приветливы и внимательны. Но если бы она могла себе позволить отказаться от приглашения, она бы это сделала. В течение всего последнего месяца бабушка обращалась с ней так, словно Девон была бесценным сокровищем. Девон сердечно полюбила эту пережившую много горя, добрую, искреннюю старую женщину. Иногда они гуляли вдвоем по Грин-парку, и герцогиня при этом опиралась на руку Девон; почти каждый день они катались в экипаже по Роттен-роу. На прошлой неделе герцогиня повезла ее в Королевский театр, где они слушали оперу – первую в жизни Девон. Там же она впервые увидела Принни, как все в обиходе называли принца-регента.

Совершенно очевидно, герцогиня не собиралась прятать Девон от общества. Более того, никто и не думал подвергать их обеих остракизму. Количество приглашений, получаемых ежедневно, было поистине потрясающим. Девон невольно вспоминала слова Джастина о том, что, если сам дьявол удостоится приема в доме герцогини, ему откроется доступ во

все дома лондонской знати.

Герцогиня принимала лишь некоторые из многочисленных приглашений. Она, по мнению Девон, сосредоточила большую часть своего внимания на том, чтобы они, бабушка и внучка, как можно лучше узнали друг друга и чтобы Девон поскорее привыкла к новому для нее укладу жизни.

Девон не могла говорить с бабушкой о Себастьяне: слишком свежа была нанесенная ей рана. Она не желала видеться с ним, и более всего ее выводила из себя его самоуверенность. Неужели он и в самом деле считает, будто может войти в ее жизнь как ни в чем не бывало? Она не хочет иметь с ним ничего общего! Она была рада, когда его ежедневные посещения прекратились, а письма перестали приходить.

Тысячу раз, снова и снова переживала она сцену в гостиной бабушки, перебирала в уме глупые, ужасные обвинения, которыми осыпала его. Если бы она могла взять их обратно!

Но из этих ужасных воспоминаний, как ни странно, начинала вырастать некая, пусть и шаткая, уверенность, а также надежда, пока что слабая, как неоперившийся птенец или как тонкий усик хрупкого растения. Дело вовсе не в том, что Себастьян должен просить ее выйти за него замуж. И не в том, чтобы принудить ее согласиться. Он прекрасно знал, что, если они поженятся, скандал неминуем.

Но ему это безразлично. Да, безразлично.

Только теперь находила она в глубине своей души те ответы на вопросы, которые прежде от нее ускользали. Толь-

ко теперь открыла она для себя глубочайшую истину жизни: мечты могут меняться, такое случается.

А быть может, все дело в том, что сама она изменилась.

Как бы она ни старалась, она не сможет не любить Себастьяна. Этого никогда не будет. Никогда.

И она этого не хочет... с тех пор, как узнала, что носит под сердцем его ребенка.

Она долго сидела в этот вечер перед зеркалом, одетая в серебристое платье. Как странно, однако, что ее жизнь так похожа на жизнь ее матери. Как странно, что настоящее порой повторяет прошлое. Она, как и ее мать, полюбила человека голубой крови. И Себастьян ни за что не решится пережить такой же громкий скандал, какой омрачил его детство.

Но тут есть разница, и весьма существенная. Девон дала себе клятву. Она не проведет свою жизнь, как провела свою ее мать. Она не погрузится в пучину горестных сожалений о прошлом.

А Себастьян никогда не бросит своего ребенка. И не бросит ее.

Ей не придется лишиться свое дитя того, чего по разным причинам были лишены и она сама, и Себастьян, – уверенности в том, что и мать, и отец в равной степени любят его или ее.

Она должна подойти к Себастьяну. Она должна ему сказать.

Надо только набраться храбрости.

В карете по дороге к Кларкстонам герцогиня обратила внимание на состояние Девон.

– Ты что-то очень притихла, моя дорогая. Неважно себя чувствуешь?

– Я просто устала, – солгала Девон.

Она не любила скрывать от бабушки что бы то ни было, но об этом она не может сказать ей до тех пор, пока не скажет Себастьяну.

Она широко раскрыла удивленные глаза, увидев длинную череду карет перед домом Кларкстонов.

– Бабушка, мне помнится, вы говорили, что это будет небольшой, интимный обед.

– Так оно и есть, милая. – Герцогиня помолчала и добавила: – Для Кларкстонов.

Девон глубоко вздохнула.

– Бабушка...

– Ты все сделаешь как надо, – успокоила ее герцогиня и крепко сжала руку Девон в своей.

И Девон почему-то почувствовала, что так оно и будет.

В доме их встретили Уильям и Эмили. Сказать по правде, едва они переступили порог, на них обратились весьма многочисленные любопытствующие взгляды, но Девон высоко держала голову и непринужденно болтала с хозяином и хозяйкой дома. Потом Уильям отошел, чтобы поприветствовать новых гостей. Бабушка продолжала разговаривать с Эмили, и Девон слушала уже не слишком внимательно, раз-

глядывая присутствующих.

А потом случилось это... Сердце у Девон екнуло. Появился Себастьян. Себастьян собственной персоной. Девон чуть не задохнулась от волнения. Его появление было как удар в грудь.

А на его руку опиралась самая красивая из женщин, виденных когда-либо Девон. Миниатюрная, с каштановыми волосами, одетая в темно-синее платье, она затмевала даже признанную красавицу Пенелопу. Рука в белой перчатке уверенно лежала на сгибе локтя Себастьяна. Как раз в ту минуту как Девон посмотрела на эту пару, женщина свободной рукой погладила своего спутника по щеке. В ответ Себастьян рассмеялся и, наклонившись, поцеловал красавицу в щеку.

Девон почувствовала, что просто умирает. Отвернулась, чтобы не видеть, но кровь ее закипела от неистового гнева. Неудивительно, что он не приходил в последние две недели. Ясно, что в поисках невесты он времени зря не терял и достаточно быстро нашел ей, Девон, преемницу. Он совершенно поглощен очаровательницей, которая приехала сюда вместе с ним, это ясно.

Оглянувшись, Девон заметила, что хозяйка дома удалась. Зато появился Джастин. Она бы с ним поздоровалась, если бы не... Девон взглянула на бабушку. Нет, она не в силах здесь оставаться. Просто не может. Будет просить герцогиню, умолять...

– Здравствуйте, Девон, – произнес знакомый до боли го-

лос. – Ваша светлость...

Девон оцепенела. Короткий поклон герцогине – и вот он уже стоит перед ней. Берет ее безвольную руку в свою и подносит к губам.

Она пришла в бешенство. Как он смеет прикасаться губами к ее руке после того, как целовал другую женщину?! Она высвободила пальцы, едва Себастьян выпрямился.

– Ваша светлость, вы не будете возражать, если я на несколько минут похищу у вас вашу внучку.

– Разумеется, нет. О, вот и леди Робинсон!

Трость застучала по полу, и герцогиня направила свои стопы навстречу своей доброй знакомой. Девон, хоть убей, не могла взять в толк, с чего ее бабушка так просияла.

Девон сощурилась и подняла глаза на Себастьяна. Как он смеет так ласково улыбаться?! Ей отчаянно захотелось дать ему пощечину.

– Рад видеть вас снова, – прямо-таки проворковал он.

– Боюсь, что не могу ответить тем же, – холодно проговорила она, взяла с подноса у проходившего мимо лакея бокал с шампанским и осушила его почти до дна.

– Вы все еще сердитесь.

– Нимало. Я просто не думала о вас ни минуты, – возразила Девон, высоко вздернув подбородок. – Но расскажите мне о ваших поисках невесты. Судя по тому, что вы появились сегодня здесь с очаровательной дамой, прекрасная Пенелопа получила отставку?

Улыбка его расплылась по всей физиономии. Совершенно бессовестный человек!

– Мои поиски невесты кончились в ту ночь, когда я познакомился с вами, Девон.

– Чепуха! – отрезала она, указывая подбородком в ту сторону, где Себастьян оставил свою спутницу. – Кажется, вы совершенно одурманены.

Себастьян бросил взгляд на видение в синем и снова обратил его к Девон.

– Не стану скрывать, Девон, я ее люблю. И люблю глубоко.

Девон думала в эти минуты только о том, как ей замаскировать немислимую, нестерпимую душевную боль.

– Тогда вам, быть может, стоит вернуться к ней, – предложила она, – потому что сейчас она уже с Джастинном. О, подумать только, милорд, у вас есть соперник... в лице собственного брата. Они там, в уголке, только вдвоем и так мило...

Он взял у нее из пальцев бокал от шампанского, поставил на ближайший столик и продел руку Девон себе под локоть.

– Себастьян! – прошипела она.

– Молчите, – произнес он почти строго.

Это было невыносимо. Невероятно. Потому что он вел ее к этой женщине.

Она охотно вырвалась бы, но это невозможно было бы сделать, не устроив сцену.

Они остановились перед Джастинном и красавицей.

– Думаю, моего брата представлять вам излишне.

Девон кивнула Джастину в знак приветствия. И ей даже не хотелось смотреть на женщину, потому что вблизи та была еще красивее, чем издали. Огромные синие глаза обратились на Девон. Губы цвета розовых лепестков слегка улыбнулись.

– Девон, с величайшим удовольствием представляю вам мою сестру Джулианну. Она только вчера вернулась с континента. Джулианна, это мисс Девон Сент-Джеймс.

Девон была так потрясена, что не могла выговорить ни слова.

С Джулианной ничего подобного не случилось.

– Так это Девон! О, Девон, я столько слышала о вас, что мне кажется, будто мы давно знакомы. Простите мою бесцеремонность, но я считаю, что простого рукопожатия здесь недостаточно!

С этими словами она крепко обняла Девон, которая, придя в себя, наконец заговорила:

– Уверяю вас, что я рада не меньше вашего. – На ее лице появилась первая за этот вечер искренняя улыбка. – Себастьян говорил, что голос у вас чистый, словно солнечный свет, и он прав.

Тем не менее она все еще нервничала, когда Себастьян вел ее на террасу. И она не улыбалась, когда они остановились неподалеку от двери.

Девон огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что они на террасе одни.

– Ты мог бы сказать мне, что Джулианна вернулась, вместо того чтобы вводить меня в заблуждение.

Себастьян от души расхохотался.

– То была возможность слишком драгоценная, чтобы от нее отказаться. Кроме того, я рад был видеть, что ты ревнуешь.

– Я вовсе не ревновала.

Но она ревновала, да еще как: просто сгорала от ревности.

– Позволь мне высказаться откровенно. Ты не хочешь меня, но не хочешь и отдавать меня другой.

– Да... то есть нет.

Черные брови высоко поднялись в смешливом изумлении.

– Что с тобой, Девон? Ты, я вижу, путаешься в собственных мыслях.

На самом деле голова у нее была ясная. Но с желудком происходило нечто непонятное: Девон чувствовала боль и тошноту.

– Мне следовало остаться дома, – не слишком внятно произнесла она, и вдруг в голове у нее вспыхнула некая мысль. – Ты знал, что я буду здесь? Вы с бабушкой сговорились, правда?

– Любовь моя, – отвечал он с усмешкой, – я и даже твоя бабушка вряд ли могли бы повлиять на список гостей, составляемый Кларкстонами.

Как можно быть таким рациональным? Девон вспыхнула:

– Перестань надо мной смеяться.

Он подчинился ее требованию и теперь смотрел на нее почти сурово своими горящими глазами, подойдя так близко, что Девон ощущала власть его физического присутствия и вдыхала обволакивающий ее запах Себастьяна, такой знакомый. Однако ей становилось все хуже: ослабели колени, кружилась голова...

– Нам надо поговорить, Девон. Нам надо...

– Нет, – почти простонала она.

Господи помилуй, тошнота поднимается к самому горлу.

– Что значит «нет»? – Лицо у Себастьяна потемнело, голос стал почти угрожающим. – Проклятие, Девон...

– Не сейчас!

Она прижала ладонь ко рту и ринулась прочь. Выражение лица у Себастьяна молниеносно изменилось.

– Ты маленькая дурочка! Это же от шампанского! Тебе не стоило выпивать целый бокал...

Последние слова Себастьяна повисли в воздухе. Девон их не услышала: ее выворачивало в кустах возле скамейки.

Девон в жизни не попадала в столь нелепое положение. Но могло быть и хуже. А теперь Себастьяну удалось вызвать Джастина и попросить его позаботиться о том, чтобы подали карету. Джастин даже глазом не моргнул, когда Себастьян нес Девон на руках к экипажу, огибая дом. К счастью, никто их не заметил. Можно себе представить, какая суматоха

поднялась бы, если б Девон не успела убежать с террасы.

От Кларкстонов до бабушкиного дома было совсем недалеко. Себастьян говорил мало. Сидел мрачный, поджав губы. Он заботливо помог Девон выйти из кареты, но ей казалось, что настроение у него не слишком дружелюбное. Она едва не рассмеялась полуистерическим смехом, когда он вел ее под руку в дом. Возможно, Себастьян понял, что от нее только и следует ожидать поведения, неподходящего для леди.

– Ты в состоянии сама подняться по лестнице?

– Я чувствую себя вполне хорошо.

После того как желудок ее опустел, Девон и в самом деле стало легче.

– Тогда пойди переоденься. Я подожду здесь.

– Наверное, стоит уведомить бабушку.

– Это уже сделано, – сообщил он. – Полагаю, она явится немедленно.

Девон поднималась по лестнице с одышкой, сердце билось часто и неровно. По правде говоря, ей не хотелось, чтобы бабушка вернулась слишком скоро. Она хотела сказать Себастьяну так много, она должна это сделать. К сожалению, пока неясно, как и с чего начать, да и страшновато, если уж говорить честно.

У нее в комнате было темно, потому что Девон предупредила свою горничную Мэгги, чтобы та ее не дожидалась. При слабом лунном свете, льющемся в окно, Девон зажгла свечу на прикроватном столике. Однако, закрывая дверь, Девон

почувствовала легкое дуновение, от которого шевельнулись волосы у нее на затылке.

– Привет, милашка! Я тебя жду.

Казалось, кровь застыла у Девон в жилах. Даже не оборачиваясь, она поняла, кто стоит у нее за спиной. Гарри.

Глава 28

Девон охватил холодный страх. В панике она рванулась к двери, но Гарри оказался проворнее. Железные пальцы схватили ее за руку. Бандит притянул Девон к себе.

– Отпустите меня! – выкрикнула она и попыталась вырваться, но куда там: Гарри резким движением притиснул ее к стене, взял со столика свечу в подсвечнике и поднял ее как можно выше.

Пламя сильно метнулось в сторону, и Девон испугалась, как бы у нее не загорелись волосы или платье. На нее уставились наглые черные глаза. Девон вздрогнула от внезапного, грубого смеха Гарри.

– Ну нет, милашка. Думаю, что нет.

– Чего вы от меня хотите? – как можно тверже и холоднее спросила Девон.

Губы бандита сложились в омерзительную ухмылку.

– Давай поговорим, милашка! Ты убила Фредди. Думаешь, я тебе это спущу?

– Как вы меня нашли?

Он, продолжая ухмыляться, вытянул из кармана смятый газетный листок. Девон с трудом подавила стон. Заметка из колонки светских сплетен!

– Ну, это было нетрудно, поскольку я увидел вот это. – Он разразился кудахтающим смехом. – И как раз тогда, когда я

уж думал, что мне тебя не найти. Мне повезло, у меня есть друзья, которые умеют читать.

Он посмотрел на Девон сальными глазами, потер между грязными пальцами ткань ее платья.

– Не знаю, как тебе это удалось, милашка, но твои обстоятельства сильно изменились к лучшему с той ночи, когда ты убила моего брата.

Девон облизнула губы.

– Чего вы хотите? – снова спросила она.

– Ну, я думаю, ты знаешь, чего я хочу, – ответил он, подмигнув ей и выразительным жестом провел рукой себе по горлу.

Девон призвала на помощь все свое самообладание. Она не станет кричать и плакать. Этот мерзавец только обрадуется, если она покажет, что боится его.

Ей явно повезло, что он не убил ее в ту холодную ночь. Насчет его намерений она не строила иллюзий.

– Вы хотите денег? Моя бабушка вам заплатит.

Голос ее звучал громко и ясно. Дверь в комнату полуоткрыта, и комната находится недалеко от лестничной площадки. Дай Бог, чтобы Себастьян не ушел дожидаться ее в гостиную.

– Это уж как пить дать: она заплатит, и ты тоже заплатишь за то, что сделала с моим Фредди. Я разбогатею, а ты умрешь! – Он больно схватил Девон за руку. – А теперь, сука, нам пора уходить.

– Вы думаете выйти отсюда так же легко и просто, как вошли?

Глаза у него сверкнули.

– Нет, мы уйдем не той дорожкой, по которой я пришел. Где твоя бабка?

– Дремлет внизу, в холле, – солгала Девон.

– Ну тогда мы уйдем тихо и спокойно, правда?

Он ослабился и вытолкнул Девон в коридор.

Она нарочно споткнулась.

– Если сделаешь так еще раз, – полусшепотом произнес он в ухо Девон, обдав ее вонью изо рта, – я выпущу тебе кишки прямо здесь.

– Но тогда вы не получите ваших денег.

За эти слова он оплатил тем, что завернул ей руку за спину, причинив острую боль. Девон испугалась, что кость вышла из сустава.

Гарри остановился и посмотрел, нагнувшись через перила, вниз, в переднюю. Девон тоже посмотрела. Боже милостивый, Себастьяна нигде не видно!

Гарри полез в карман куртки и вытащил нож.

– Себастьян! – изо всех сил выкрикнула Девон, предоступая удар ножом, – она помнила, каким он может быть и какую вызовет боль.

Но ни удара, ни боли не последовало. Последовал самый благословенный звук в мире – голос Себастьяна произнес:

– Нет необходимости кричать, любимая. Я здесь.

Гарри развернулся. Едва глаза его приспособились к сумрачному освещению, как он увидел выступившую из тени высокую мужскую фигуру.

Молниеносное движение руки – и мощный кулак пришел в соприкосновение с челюстью Гарри. Голова бандита откинулась назад. Короткий всхлип – и Гарри рухнул на пол без сознания.

Следующие несколько часов прошли в суете. Вызвали полицию. Гарри увели двое внушительного вида полицейских. Выяснилось, что в дом он проник через чердак. Девон и Себастьян довольно долго беседовали с констеблем. Девон плохо помнила, какие говорились слова, но все тайное стало явным, и прежде всего смерть Фредди в тот момент, когда он пытался убить Девон. Констебль заверил ее, что против нее не будет выдвинуто никаких обвинений. «Хорошо, что мир избавился от этого бандита, – сказал констебль и добавил: – А Гарри никогда больше не побеспокоит вас, за этим я прослежу».

До двери констебля проводил Себастьян. Бабушка объявила о своем намерении удалиться на покой, поцеловала Девон в лоб и обратилась к Себастьяну:

– Полагаю, вы сами найдете дорогу.

Себастьян попрощался с ней, молча отвесив поклон. Девон ушла в гостиную и уселась там в кресло, все еще ошеломленная. Себастьян вошел, и она подняла голову. Он затворил двери и повернулся к Девон.

Воздух в комнате словно бы ожил от его присутствия. У Девон замерло сердце. Никогда еще Себастьян не казался ей таким красивым, как сейчас, освещенный отблесками огня в камине.

Четыре шага – и он перед ней. Сел и взял ее руки в свои, такие теплые и сильные. Очень долго он не произносил ни слова, ласково перебирая своими длинными пальцами ее тоненькие пальчики.

– Ну вот, – сказал он наконец. – Все миновало. Девон кивнула.

– Ты чувствуешь себя сносно? – спросил он.

– Да, – тихо ответила она и прижала ладонь к груди – у нее вдруг дрогнуло сердце.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил он.

– Себастьян, – беспомощно произнесла она и часто-часто задышала. – О, Себастьян! – Тут она заплакала. – Мне так много надо тебе сказать, а я даже не знаю, с чего начать.

– Так и не говори ничего. – Он, не вставая, притянул ее к себе на колени. – Только не плачь. У меня просто сердце разрывается, когда я вижу твои слезы... Я люблю тебя, Девон. Я люблю тебя.

Она обхватила его обеими руками и прильнула к нему всем телом.

– Я тоже люблю тебя, – выговорила она с полувсхлипом и прерывисто вздохнула. – Но ведь ты знал об этом, правда?

– Я знал, – признался он с потемневшими глазами и рас-

смеялся. – Но Боже мой, если бы ты только знала, как приятно услышать это из твоих уст!

Он поцеловал ее поцелуем долгим и сладким и неохотно оторвал свои губы от ее губ. Девон смотрела на него со слабой улыбкой.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– Вспомнила о том разговоре, который мы вели с тобой в этой самой комнате. Ты помнишь? – произнесла она не без лукавства – ей хотелось подразнить Себастьяна.

Он нахмурился.

– Мне хотелось бы забыть об этом разговоре навсегда, – сказал он сухо.

– Да, но ты задал мне вопрос.

– Я помню этот вопрос.

– Если бы ты задал мне его снова, – прошептала она, робко коснувшись ладонью его щеки, – ответ был бы иным.

– Понятно, – произнес он очень серьезно, но глаза его смеялись. – И каким был бы этот ответ?

– Да, конечно, я выйду за тебя замуж. Видишь ли, ты такой убедительный.

– Я бы предпочел слово «настойчивый».

– И это тоже, – признала она.

Он поцеловал бы ее еще раз, но Девон прижала пальчик к его губам.

– Подожди, – еле слышно сказала она.

– Она еще говорит «подожди», – пробурчал он. – Неужели

мне ждать целую вечность?

– Но ты же терпеливый мужчина, верно?

– Нет, – возразил он. – Я нетерпеливый, когда дело касается тебя.

– Понятно. А когда дело касается детей? Она боялась смотреть на него и одновременно боялась не смотреть.

Последовало ошеломленное молчание. Потом...

– Девон, – заговорил он с осторожностью. – Неужели ты хочешь сказать, что ты?..

– Да. – Она прижала его ладонь к своему животу. – Готовься стать не только мужем, Себастьян, но и отцом. Ты не против?

– Против? – Он засмеялся, но смех прозвучал хрипло. – Даю слово, что нет! Я всегда хотел, чтобы у меня был полный дом ребятишек. Ну а теперь, моя будущая супруга, можно мне тебя поцеловать?

Она приподнялась, запустила пальцы ему в волосы и притянула к своим его губы.

– Да, – шепнула она. – О да!

Эпилог

Они обвенчались меньше чем через две недели в часовне Терстон-Холла. То была немногочисленная, тихая церемония, на которой присутствовали только самые близкие друзья и члены семей.

Церемония завершилась, слез почти не проливали, если не считать бабушки Девон и Джулианны, которая хлюпала носом все время. В момент, когда их объявили мужем и женой, Девон подняла на мужа сияющие, влюбленные глаза и счастливо улыбнулись. Что касается Себастьяна, глаза которого озорно поблескивали, то он не просто обнял свою супругу, но упрятал ее всю целиком в свои объятия и поцеловал со всем усердием и старанием.

Как ни странно, однако это Джастин, саркастически приподняв одну бровь, громко откашлялся и тем самым вынудил молодоженов разомкнуть объятия.

Перед свадьбой Себастьян меньше всего думал о скандале. Узнав о том, что Девон была спасена Себастьяном от гибели, светские дамы дружно всплеснули руками и, мечтательно вздыхая, признали их брак в высшей степени романтическим. С момента объявления помолвки поздравления на них сыпались дождем. Свадьба маркиза Терстона повергла в расстроенные чувства немало мисс из высшего общества, для которых самый привлекательный холостяк в Лондоне

был, увы, потерян в качестве объекта матримониальных надежд.

Когда молодожены появлялись на людях – рука об руку и не сводя друг с друга глаз, – всем и каждому становилось ясно, что эти двое созданы друг для друга.

Последние месяцы, которые оставались Девон до родов, они провели в Терстон-Холле. И в той самой комнате и на той самой огромной кровати с четырьмя столбиками для балдахина, на которой Себастьян ласкал единственную женщину – свою жену и дал обет, что все его дети родятся здесь, на этой сакраментальной кровати лежала теперь распростертая Девон, в муках производя на свет их первое с Себастьяном дитя.

Роды начались преждевременно, на несколько недель раньше срока, и слава Богу, как говорил себе Себастьян: внешние признаки беременности Девон появились очень рано, и на седьмом месяце ее так разнесло, что невозможно было подобрать более или менее деликатный эпитет для характеристики ее вида. Себастьян, само собой, неизменно уверял ее каждый день, что прекраснее, чем она, нет женщины на свете.

Для него это так и было...

Он с самого начала занял место в изголовье постели роженицы, невзирая на протесты акушерки. Он старался по мере возможности быть полезным: нашептывал Девон ободря-

ющие слова, вытирал пот у нее со лба, но на самом деле он никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Сердце у него явно было не на месте. А Девон держалась храбро, прижималась щекой к его ладони и поддразнивала в промежутках между схватками – успокаивала. Она – его – успокаивала!!!

Потом боли сделались непрерывными. Тело Девон выгнулось, содрогаясь, и она еле слышно застонала – впервые за все время родов. А он мог только смотреть со страхом и одновременно с восторгом, как появляется на свет маленькая головка. Вот показались крохотные плечики, округлое тельце, а потом...

– Мальчик! – воскликнула акушерка. – Да какой красавчик, просто чудо!

Девон протянула руки:

– О, дайте мне его подержать!

Просьба была удовлетворена после того, как акушерка ополоснула малыша и запеленала его.

Себастьян в оцепенении наблюдал за тем, что делает с ребенком восприемница, потом встал. Девон прижалась губами к макушке новорожденного, а после этого протянула руку Себастьяну, и он слегка пожал ее пальцы.

– Девон...

Но у нее вдруг перехватило дыхание.

– Боже мой, – произнесла она слабым голосом. – Миссис Карвер...

Миссис Карвер разобралась в ситуации мгновенно – она была опытной в этих делах.

Что касается Себастьяна, то он испугался до того, что лицо у него стало серым, как зола в очаге.

– Что? – завопил он. – Что случилось? Что-нибудь неладное?

Акушерка сунула ему в руки запеленатого сына.

– Успокойтесь, милорд, – сказала она. – Сейчас мы, кажется, получим еще одного. Отойдите-ка немного в сторонку.

Прижимая к себе маленький попискивающий сверток, который заключал в себе его сына, Себастьян подчинился приказанию. Он все еще был в недоумении, когда акушерка наконец отошла от роженицы.

Девон потянула Себастьяна за руку и усадила на постель рядом с собой, сияя улыбкой.

– Себастьян, ты, кажется, не в себе, – со смехом сказала она. – Ну, приободришься и познакомишься со своей дочерью.

Себастьян сглотнул и произнес то, что первым пришло ему в голову:

– Господь милостивый, когда я говорил, что хочу полный дом ребятишек, то полагал, что начнется это с одного, а не сразу с двух... – Он взглянул на золотистую головку, уместившуюся на сгибе локтя Девон. – Можно я возьму ее?

Девон отдала ему второй маленький сверток. Держа теперь на руках и сына, и дочь, Себастьян дрожал от радости, светлой и необыкновенной. Он поцеловал четыре крохотных

кулачка, а потом ждущие его поцелуя губы жены.

Позже, когда детей уже уложили в колыбельки, он устроился на кровати рядом с женой и осторожно привлек ее к себе.

Девон уже засыпала, как вдруг у нее над ухом прозвучал смех.

Она приподняла голову с груди Себастьяна.

– Что случилось? – сонно пробормотала она.

– Я просто размышлял о том, что произошло со мной в этом году. Когда я начинал поиски невесты, я и думать не думал, что найду ее в ту же ночь – и прямо у себя под носом!

– Как, сэръ, вы, я слышу, жалуетесь?

– Ничего подобного. – Себастьян обнял Девон и коснулся губами пушистых волос на ее виске. – Я люблю тебя, – прошептал он. – Люблю до безумия, так люблю, что голова у меня кружится от счастья. Я обрел богатство, не имеющее ничего общего с деньгами.

Девон прошептала в ответ:

– Я люблю тебя такой же любовью, дорогой мой Себастьян.

Губы их соединились в долгом и нежном поцелуе. Потом Себастьян сказал с усмешкой:

– У меня теперь есть только одно желание.

– И какое же?

– Чтобы Джастин и Джулианна обрели то же, что и мы с тобой.

– Смею сказать, мы с тобой убедились на деле, что любовь можно обрести самым неожиданным путем.

– Ты так думаешь?

– Да. Вопреки обету Джулианны не увлекаться более ни одним мужчиной я полагаю, что найдется такой, кто покорит ее и сделает счастливой. – Она усмехнулась. – Но твой брат... боюсь, что он безнадежен.

– Понимаю, – улыбнулся Себастьян. – Вряд ли найдется женщина, которая укротит этого беспутника.

– Ладно, – уже сквозь сон пробормотала Девон. – Поживем – увидим.